

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован**в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); д.г.н.,
проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко
Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь);
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вар-
домский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева О.Д.
(Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н.,
проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смо-
ленск); д.г.н., доц. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н.
проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова
И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва);
д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Ша-
рыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 18.04.11 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 2 (32), 2011

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год**

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	3
THEORY OF REGIONAL STUDIES	
Войнов Д.А. Колонизационные процессы как объект географического изучения	3
Voynov D.A. The colonization processes on the earth and economic development	3
Дорофеев А.А., Яковлева С.И. Междисциплинарные и региональные исследования туризма в России	15
Dorofeev A.A., Yakovleva S.I. Interdisciplinary and regional approaches to tourism in Russia	15
Замятина Н.Ю. Концептуальные основы изучения региональных образов	24
Zamyatina N.Y. Conceptual grounds of regional images studies	
Короленко А.Р. Сравнение международного и российского опыта реорганизации территорий	36
Korolenko A.R. Comparative analysis of international and Russian experience in the area redevelopment	36
Лысенкова З.В. Региональное природопользование (теоретические и концептуальные подходы)	43
Lysenkova Z.V. Regional nature management (theoretical and conceptual approaches)	43
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	49
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA	
Бабурин В.Л. Географические аспекты современных экономических проблем России	49
Baburin V.L. Geographical aspects of modern economic problems in Russia	49
Битюкова В.Р., Кириллов П.Л. Методы комплексной оценки региональных различий экологической напряженности в России	56
Bityukova V.R., Kirillov P.L. Methods of complex estimation of the regional differences under the ecological stress in Russia	56
Коршакова И.В. Региональные особенности современного сберегательного процесса (на примере Смоленской области)	69
Korshakova I.V. Regional distinctions of the modern saving process (based on the example of the Smolensk Region)	69
Кузьминов И.Ф. Республика Карелия: современное состояние и перспективы развития лесопромышленного комплекса	75
Kuzminov I.F. The Republic of Karelia: current conditions and perspectives of the timber industry	75
Куликов Г.К. Финансовое положение муниципальных образований России: факторы и региональные особенности	84
Kulikov G.K. The financial situation in municipal units of Russia: factors and regional peculiarities	84
Куратова Л.А. Региональные особенности рынка денежных переводов Республики Коми	93
Kuratova L.A. Regional features of the market of remittances in the Komi Republic	93
Казьмин М.А., Скорнякова Е.А. Трансформация землевладений православных монастырей Европейской России в XVIII–XX вв.	97
Kazmin M.A., Skorniyakova E.A. The transformation of the Orthodox cloistral land-use in European Russia during XVIII–XX	97
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	106
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD	
Антипова Е.А., Фокеева Л.В. Сравнительно-географический анализ демографического развития сельской местности Республики Беларусь и Республики Молдова	106
Antipova E.A., Fokeeva L.V. The comparative geographical analysis of the rural areas demographic development of the Republic of Belarus and the Republic of Moldova	106
Сафиуллин М.Р. Оценка эффективности здравоохранения: глобальный, национальный и региональный уровень	114
Safiullin M.R. The estimation of the public health: global, national and regional levels	114
Горкин А.П., Ачкасова Т.А. Отраслевая и региональная структура электронного сектора экономики США	121
Gorkin A.P., Achkasova T.A. Industrial and regional structure of the electronic sector of the American economy	121
Ковалев Ю.Ю. Глобальные производственные сети как фактор инновационного развития регионов	131
Kovalev Y.Y. Global production networks as a factor of innovative development for regions	131
Каминская Н.В. Роль Африки в мировой индустрии сжиженного природного газа	143
Kaminskaya N.V. The role of Africa in the world liquefied natural gas industry	143
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	150
75 лет Александру Павловичу Горкину	150
60-летие Вячеслава Леонидовича Бабурина	153
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	155
Требования к материалам	156

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д.А. Войнов
(г. Москва)

КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ОБЪЕКТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

D.A. Voynov (Moscow)
THE COLONIZATION PROCESSES
ON THE EARTH AND ECONOMIC DEVELOPMENT

***Аннотация.** В статье анализируются закономерности колониционных процессов на Земле в их связи с экономическим развитием на разных исторических этапах и на территориях различного типа с позиции радикальной географии. Выделены движущие силы, основные типы, формы и аспекты колонициации. Сделан вывод о связи колониционных волн с циклическими экономическими кризисами.*

***Abstract.** The author analyses the regularities of the colonization processes on the Earth in their connection with economic development of various territories in different epochs viewed from the radical geography. The paper reveals driving forces, types, forms and aspects of the colonization as well as the correlation of colonization waves and cyclical economic crises.*

***Ключевые слова:** колониционные процессы, экономическое развитие, исторические этапы, географическое изучение.*

***Key words:** colonization processes, economic development, historical epochs, geographical studies.*

Современная экономическая и социальная география мира – результат развития территориального разделения труда (ТРТ). ТРТ – одно из ключевых явлений исторического хода экономического и социального развития. Одним из важнейших процессов этого развития и отражением ТРТ в истории человечества является колониация, оказавшая большое влияние на современную географию мирового хозяйства и на географические характеристики отдельных стран, занимающих определенную нишу в современной мировой системе. Не было бы большим преувеличением сказать, что в последние 500 лет, то есть с момента начала формирования мирового разделения труда, развитие мирового хозяйства происходило в форме колониации различных территорий земного шара ведущими державами, проистекающей из социально-экономических процессов в этих экономически наиболее развитых территориях и социально-классовой структуры общества в этих странах.

В социально-экономической географии особое внимание влиянию социально-классовой структуры и общего социально-экономического развития общества на формирование территориальных структур и географических закономерностей уделяли апеллирующие к работам К. Маркса советская районная школа географии и радикальная география.

В рамках советской районной школы проблема влияния социально-экономической структуры общества, в том числе процессов колониации, на территориальные структуры хозяйства и населения, ярко отражена в работах И.А. Витвера. В «Историко-географическом введении в экономическую и социальную географию зарубежного мира» [1], открывающейся анализом процессов колониации, географические особенности страны И.А. Витвер прямо увязывает с общемировыми экономическими процессами и социально-классовой структурой стран. Так характеристику Франции И.А. Витвер начи-

нает с абзаца: «Для понимания экономического развития Франции необходимо прежде всего обратиться к особенностям ее аграрного строя. Основы аграрного строя Франции были заложены французской буржуазной революцией XVIII века, превратившей массу зависимых крестьян в мелких хозяев». В «Показателях для экономико-географической характеристики капиталистических стран» [2] через призму этого подхода – на котором особо заостряется внимание – И.А. Витвер дает характеристику любой страны. Исходя из аналогичных позиций, автор прямо объясняет территориальную организацию отсталых стран процессами колонизации (например, описывая различия в организации сахарной промышленности Бразилии и Кубы [3]).

Другим примером, уделявшим социально-классовой структуре первостепенное место в территориальных структурах, является работа Я.Г. Машбица, посвященная особенностям территориальных структур хозяйства и населения отсталых стран. Я.Г. Машбиц отмечает такие их характерные черты как деформированность и исключительная поляризованность, структурная дезинтегрированность территориально-экономических структур; наиболее интенсивное использование природных ресурсов с ориентацией на их вывоз; гипертрофия одного или нескольких ведущих экономических районов и центров при территориальной многоуровневости социально-экономической зависимости – как следствие «порожденной капитализмом экономической отсталости развивающихся стран», которая «как бы материализуется и в характере, и в глубинных свойствах ТСХ» [4].

Западная школа радикальной географии, появившаяся в 1970-х гг. в англо-американской и французской географии, прямо называла социальную поляризацию внутри общества источником социально-экономической дифференциации территории. С такой позиции территориальная организация общества представляет собой своего рода территориальную проекцию социально-экономических процессов с соответствующей им классовой структурой общества на территорию. Негритянские гетто Чикаго и Детройта – характерные явления для североамериканских городов – являются, с одной стороны, результатом завоза африканских рабов на хлопковые плантации южных штатов, а с другой стороны – результатом капиталистического разви-

тия городов севера США, перетягивающего негритянское население (дешевую рабочую силу) с юга, но так и оставившего потомков рабов в самом низу социальной пирамиды [5, 6]. Сам город, как географическое явление, в древнем мире отражал развитие ТРТ и обмена, концентрирующегося в определенных фокусах; а капиталистический город – это, по словам Д.Харвея, «урбанизация капитала», территориальное выражение экономической тенденции концентрации капитала [7]. Это же направление географии уделяет большое внимание изучению влияния глобальных процессов в капиталистическом обществе и циклических капиталистических кризисов на формирование территориальной структуры [8].

С этой точки зрения, процессы колонизации представляют собой яркий географический результат социально-экономического развития в экономических центрах (метрополиях). Появление, развитие и деградация различных способов производства; кризисы, перенаселение и исчерпание ресурсов в экономических центрах; особенности социально-классовой структуры – все это неизменно находило территориальное выражение в колонизационных процессах. В свою очередь, возможности расширения колонизации оказывали влияние на развитие в самих экономических центрах, делая его более быстрым или, напротив, замедляя; сохраняя старые структуры общества или способствуя их изменению. Одновременно, складывающиеся под воздействием колонизации на новых территориях специфические характеристики общества (экономическая и социально-классовая структура, национальный состав) во многом определяют и организацию этой территории. Иной ход колонизации имел бы своим результатом географию мира, совершенно отличающуюся от современной. В связи с этим при изучении географии мира и стран важное внимание необходимо отдавать колонизационным процессам и особенностям их протекания.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть различные движущие силы колонизационных процессов в последние 500 лет, их связь с экономическим развитием, а также различные типы и формы колонизации.

Термины. Затрагивая тему колонизации, нам кажется целесообразным еще раз уточнить некоторые связанные с ней термины.

Ведущие державы – это государства с наиболее мощными самостоятельными экономиками, являющимися экономическими центрами мира.

Колония – это территория (страна), находящаяся под прямым политическим управлением какой-либо ведущей мировой державы.

Полуколония – это государство, имеющее формальную политическую самостоятельность, но экономически зависимое от ведущих держав.

Термин «колонизация» используется для обозначения процесса усиления контроля над территориями со стороны ведущих мировых держав. Таким образом, в данной статье он, во-первых, употребляется не как синоним простого освоения, но выражает установление контроля над территориями со стороны государств; с другой стороны, этот термин не ограничивается обозначением только традиционного периода колониализма с XV в. до 70-х гг. XX вв., но трактуется шире – как процесс, а не исторический этап.

Три аспекта колонизации. В рамках процесса колонизации можно выделить три основных аспекта: экономический, военный и политический.

Экономический аспект характеризует подчинение территории экономически.

Существует много экономических признаков колониального (полуколониального) положения. Наиболее важны три из них:

- обмен сырья на готовую продукцию (роль сырьевого придатка и источника сельскохозяйственной продукции, производство продукции с низкой добавленной стоимостью и вытекающий из этого неравноценный обмен);
- зависимость от кредитов и капиталов ведущих держав;
- положение в качестве источника дешевой рабочей силы.

Первый классический признак сформировался на ранних этапах колонизации. Он означает, в первую очередь, технологическую зависимость экономики страны от ведущих держав (технологии и оборудование), а также зависимость от рынка сбыта в метрополии (превращение территории в придаток экономик ведущих держав). До начала XX в. положение той или иной страны определялось уровнем развития ее материального производства, поэтому главной задачей метрополий в отноше-

нии колоний было недопущение их промышленного развития. Извлечение богатств из колоний в метрополии имеет в этот период очевидную форму вывоза ресурсов и неравноценного обмена. На этой основе формировались соответствующие структуры, классические для колоний: проникающая схема освоения с «фокусом» в порте вывоза.

Второй признак появился с развитием банковского капитала. Он начал играть сильную роль уже в XIX в., а с началом XX в., в связи с резким усилением роли финансового капитала, этот признак, выражающий зависимость территории от экспортируемого из ведущих держав капитала, становится преобладающим. Он далеко не устраняет полностью первого признака, но главным фактором господства теперь ставится финансовый контроль. Извлечение богатств из зависимых стран приобретает в основном форму вывоза прибылей. Колониальные и полуколониальные страны могут иметь промышленность, однако поскольку она подконтрольна финансовым институтам ведущих держав, то львиная доля прибыли перетекает в ведущие державы, а сама страна продолжает оставаться в подчиненном положении, особенно в тех условиях, что развиваемая в этих странах промышленность продолжает оставаться придатком экономик ведущих держав. Но в территориальном плане эта новая ситуация дает толчок к развитию в колониях и полуколониях индустриальных центров с обрабатывающей промышленностью.

Вследствие действия отмеченных факторов в колонизируемой стране (территории) формируется структура экономики, подчиненная метрополии и неспособная к самостоятельному развитию.

Третий признак (источник дешевой рабочей силы) в той или иной форме всегда сопровождал колониальные и полуколониальные страны. Можно выделить три формы использования дешевой рабочей силы: неэкономическую, экономическую и смешанную.

Первая форма складывалась на основе сословного признака, то есть на основе законодательно установленных неравноправных групп населения (обычно по национальному признаку): это мог быть труд высланных из метрополий каторжников, завезенных рабов, обращенного в рабство или законодательно поставленного в дискриминационные условия местного населения. Эта форма преоб-

ладала на ранних этапах колонизации мира, но проявлялась и в XX - XXI вв. (нацистская Германия, Южная Африка периода апартеида; Палестина).

Вторая форма – экономическая – стала особенно преобладать в XIX – XX вв. (после получения странами политической независимости и установления формального равенства прав всех перед законом) на основе исторически сложившейся в результате колониализма более дешевой рабочей силы в полуколониальных и колониальных странах (в том числе отдельных групп, находившихся в ситуации наибольшей дискриминации). В условиях господства финансовых механизмов контроля стал возможен процесс переноса транснациональными корпорациями своих филиалов в периферийные страны с более дешевой рабочей силой.

Третья форма (смешанная, соединяющая экономические и неэкономические формы) появилась с началом массовых миграций из колоний и полуколоний в метрополии (и в ведущие страны в целом). Экономическая основа в этом процессе – бедность колониальных и полуколониальных стран, выталкивающая население в страны с более высоким уровнем жизни. Неэкономическая основа – исчезновение достигнутого ранее буржуазно-демократическими революциями равенства прав и вновь появившееся разделение населения стран на группы с разными правами из-за неполноправного положения иммигрантов, что удешевляет рабочую силу из колоний и полуколоний.

В территориальной структуре первая и третья форма так или иначе проявляется в виде различного типа геттоизации. Вторая форма может получать разные территориальные проявления, но часто выражена в повышенной скученности населения в районах привлечения рабочей силы предприятиями иностранного капитала, сопровождаясь часто плохими условиями проживания (например, современные восточные районы Китая), процессами «ложной урбанизации» и т.д.

Военный аспект отражает военный контроль ведущих держав над страной, в первую очередь через нахождение на территории иностранных войск (военные базы, оккупация; военные колониальные анклав).

Политический аспект определяется наличием институтов и организаций, обеспечивающих в той или иной мере проведение необ-

ходимой для ведущих держав политики (наместники, колониальная администрация, политически подконтрольное или зависимое правительство и пр.).

Все три аспекта связаны между собой, но имеют разную значимость. Главным из них является экономический, на основе которого формируется военный. Эти аспекты формируют реальную силу того или иного государства. Политический аспект скорее отражает экономический и военный аспекты, является их политической формой. Выраженность этих аспектов и их сочетание отражает нахождение территории в той или иной стадии колонизации.

Типы колонизации по взаимодействию с коренным населением и хозяйством. Исторически процессы колонизации различались по своему взаимодействию с коренным населением. В общем можно выделить следующие типы отношений.

1) Сочетание с местным хозяйственным укладом и населением. Обычно такой вид колонизации происходил на тех территориях, где уже сформировались устойчивые и территориально обширные площадные структуры хозяйства на основе производящей экономики. Территориальные структуры местных хозяйственных укладов в таких случаях были устойчивы, население – многочисленно и не могло быть легко истреблено. На таких территориях формировалась устойчивая местная власть (обычно феодального типа), с которой колонизаторы должны были вести переговоры и которая в итоге выступала посредником колонизации, добиваясь для себя, в обмен на содействие, определенных привилегий в соответствии с соотношением сил. Поскольку развитое площадное хозяйственное освоение могло возникнуть обычно в природных условиях, лишенных крупных барьеров, серьезных природных препятствий и убежищ для сопротивляющегося населения (имеющихся, например, в горной местности), то колонизация могла проходить более или менее гладко, социальные процессы имели не очаговое развитие, а охватывали обширные территории. Конечно, регулярно происходили обширные народные восстания и выход местных феодалов из подчинения колонизаторам, но если в результате борьбы все же устанавливалось равновесие на основе но-

вого устойчивого соотношения сил, то колонизаторам уже не приходилось ждать «удара из-за угла».

Основной задачей колонизаторов было получение дани от хозяйственной деятельности местного населения; получение доступа к ресурсам и возможность производства специфической продукции, для которой в метрополии не было условий (обычно продукции сельского хозяйства и полезных ископаемых). В таких условиях хозяйственный уклад метрополии подчинял хозяйственный уклад колонии, вносил в него новые характеристики, и так формировалась хозяйственная многоукладность с характерным сочетанием старых и новых элементов и наложением новой территориальной структуры хозяйства и населения на старую. Классический пример подобного типа – английская колонизация Индии.

2) Ассимиляция местного населения. Этот процесс происходил обычно в тех случаях, когда колонизаторы приходили на территории с господством примитивных хозяйственных укладов на основе присваивающего хозяйства, а система расселения местного населения имела очаговый характер. В этих случаях, как и в первом типе, колонизаторы ставили население в политическое подчинение и обязывали платить дань, а также использовали имеющиеся здесь природные ресурсы. Сопротивление колонизации на таких территориях имело свою специфику. Господство присваивающего хозяйства и соответствующее ему отсутствие серьезной централизации приводило к очаговости сопротивления, которое относительно легко преодолевалось централизованным колонизаторским натиском, способным на длительную осаду сопротивляющихся очагов – основной метод борьбы колонизаторов с сопротивлением. К этому добавлялась еще большая разница в оружии. С другой стороны, примитивный присваивающий уклад сочетался с пятнистостью ландшафта, большим количеством природных барьеров, позволявших местному населению укрываться в недоступных местах. Одновременно различие используемых ресурсов местными народами (в основном ресурсы леса) и колонизаторами (в основном – земли, пригодные для сельского хозяйства и полезные ископаемые) часто выступали «естественно-экономической» защитой местных народов: в этом случае не было конкуренции за ресурсы, и императива

истребления местного населения для заселения территории колонистами у колонизаторов могло не существовать.

В целом из-за неустойчивости территориальных структур присваивающего хозяйства и из-за его слабой способности давать прибавочный продукт, местные хозяйственные типы начинали деградировать под воздействием нового уклада, а местные народы – ассимилироваться. Классическим примером можно считать русскую колонизацию Сибири и Дальнего Востока.

3) Изгнание и истребление местного населения. На протяжении истории было немало примеров подобного развития колонизации. При всех их различиях, для всех них необходимо было одно обязательное условие: наличие острейшего кризиса способа производства.

Любой общественный способ производства рано или поздно подходит к собственному кризису, исчерпав возможности расширения за счет новых территорий. Выход из такого кризиса возможен двумя путями. Первый путь – скачок к новому общественному способу производства. Трудность этого пути заключается в том, что он связан со сменой господствующих классов, а значит не может произойти иначе как через их борьбу. Второй путь – нахождение новых территорий для продолжения расширения старого способа производства (колонизация, своего рода нахождение нового пространства для сброса накопившейся в системе энтропии). До тех пор, пока один из этих выходов не найден, система обречена на жизнь в условиях кризиса, социальных конвульсий и процессов саморазрушения.

Выражением такого «выхода» для способа производства является разрушение части производительных сил на какой-то территории, ее «расчистки» для повторного вовлечения в оборот (обычно происходящей в виде войн) – то есть выход через «самопоедание» системы. Накопленная энтропия системы, будучи сброшена в окружающее пространство, может сильно задеть или даже уничтожить другие системы. Чем острее кризис, то есть чем больше накопленные противоречия, тем с большей силой энтропия устремляется через найденный выход и тем сильнее может быть ее удар по другим системам. Именно в таких случаях колонизация и сопровождается изгнанием или истреблением населения.

В ближайшей истории можно выделить два таких кризиса: кризис феодального спо-

соба производства и капиталистического, в рамках которых колонизационные процессы осуществлялись в форме изгнания и истребления населения и расовой сегрегации, но имея различия от места к месту.

Кризис феодального способа производства. Общий процесс колонизации в таких случаях включает два обязательных элемента: кризис аграрного перенаселения, вызывающий массовый поток колонистов на новые, но уже заселенные территории. Если в России этот кризис решался за счет постоянного и относительно мирного оттока населения на восток (замедляя этим развитие российского капитализма), то в Европе ситуация была иной. Ограниченный естественными природными границами, кризис европейского феодализма, с одной стороны, дал толчок капитализму, а с другой стороны создал «мощный выброс» колонистов в Америку. Если из «российского котла» «пар» постепенно улетучивался в восточном направлении, то перегретый и зажатый со всех сторон пар «европейского котла» «пробил в нем брешь» (направившись в сторону Америки), но до этого все-таки «сдвинул поршень» капиталистического развития. В этой связи интересно различие процессов в разных странах Европы. В Португалии и Испании «котлы» не выдержали раньше. «Энергия пара» ушла в сторону Америки, сделав эти страны самыми первыми колониальными империями, но сильно затормозив капиталистическое развитие, которое не было приведено в движение. В Англии, Франции и Голландии, напротив, основная энергия дала толчок развитию капитализма, а уже во вторую очередь направилась на колонизацию. И поскольку английская колонизация осуществлялась уже на более высоком – капиталистическом – уровне, то она смогла вскоре вытеснить отставших от Англии Испанию и Португалию.

Стремительность европейского капиталистического развития, рост обезземеливания и капиталистических отношений в деревне делали и без того болезненный кризис феодальной деревни еще более концентрированным и взрывным (характерный пример – развитие английского капитализма с его огораживанием, бродяжничеством и потоком колонистов из числа маргинализованного населения). Массовый поток европейских колонистов в Америку, искавших новых земель,

стал тем сбросом энтропии, который смел коренное население в Новом Свете. Кроме того, физическое истребление стало инструментом нанесения поражения ожесточенному сопротивлению местных народов колонизации. Это пример Южной и Северной Америки, а также Австралии.

Рассматриваемый тип колонизации в условиях кризиса капиталистического способа производства имеет два существенных отличия от колонизации в условиях кризиса феодального общества, проистекающих из факта поделенности мира между ведущими державами. Во-первых, борьба за колонии – это уже борьба не луков коренного населения против ружей и пушек европейских колонизаторов, а между вооруженными по последнему слову техники передовыми державами. Во-вторых, в условиях поделенности мира уже нет возможности относительно легкой колонизации. Поскольку формирующееся перенаселение уже не может найти выход через отток колонистов, то накапливается избыточная относительно производительных сил (при данном способе производства) масса населения. Эта ситуация особенно усугубляется при циклических кризисах. Как следствие, колониационное давление (углубление колонизации) становится сильнее. В таких условиях независимость какой-либо страны от ведущих держав становится для последних нетерпимым фактом, который должен быть изменен любой ценой. Если колониационному давлению оказывается мощное сопротивление – то полное истребление народа может стать единственным способом подчинения территории.

Одним из первых примеров истребительной колонизации в условиях капитализма стал Парагвай. Во второй половине XIX в. капитализм в нем развивался самостоятельно, в отличие от других стран Латинской Америки, в том числе Аргентины и Бразилии, зависимых от английских капиталов. Как следствие, Парагвай был самой передовой страной Америки после США (с первой в Латинской Америке железной дорогой, положительным торговым балансом, без внешнего долга, с самостоятельно развивающимся промышленным производством, в том числе оружия, и с сильной армией). Для ликвидации этой независимой страны Англией через свои полуколонии была организована война против Парагвая. В течение пяти лет (1865 – 1870) армия Парагвая сопротивлялась

объединенным и снабжаемым Англией армиям Аргентины, Бразилии и Уругвая. В итоге Парагвай был побежден через физическое уничтожение более половины его населения (в том числе почти всего мужского населения). Так страна была поставлена под экономический контроль Англии, перестав быть экономически независимой территорией.

В XX в., в 1930-х гг., неподчиненной территорией был СССР. Эта ситуация в совокупности с самым мощным на тот момент капиталистическим кризисом и при ожесточенном сопротивлении народов Восточной Европы стали факторами войны на уничтожение, которую вела Германия под нацистским руководством на востоке. Победа нацизма создала бы новую колонию с богатыми ресурсами и истребила бы «излишнее население».

Отдельный пример в рамках данного типа колонизации XIX–XXI вв. представляет собой колонизация в Палестине. Своим истоком она также имеет кризис мелкого ремесленного производства и торговли (сферы с традиционно высокой занятостью евреев) при развитии восточноевропейского капитализма. Если западноевропейский развитый капитализм, в большей или меньшей степени, включил евреев в состав наций европейских стран и в целом преодолел антисемитизм, то в Восточной Европе отсталый, но одновременно входящий в кризис, капитализм этого осуществить не смог, сделав евреев разоряющейся угнетенной группой населения, страдающей от постоянного антисемитизма и стремящейся эмигрировать – преимущественно в Западную Европу. С начала эмиграции евреев из Восточной Европы и особенно с использованием трагедии евреев во время Второй мировой войны, этот поток в геополитических целях был перенаправлен ведущими державами в Палестину, где в итоге местное палестинское население было оттеснено и замещено колонистами.

Похожий тип колонизации имел место в Южной Африке. Однако при схожести процессов есть различие в изменениях территориальных структур этих территорий. Если в Южной Африке колонизация создавала новую сеть поселений (до прихода европейцев здесь не было крупных городов), то в Палестине система расселения (и территориальная структура в целом) мало изменилась, поскольку новые еврейские поселения возводились на месте бывших палестинских.

Также имели место смешанные типы колонизации, где сочетались различные типы взаимодействия с местным населением и хозяйством (например, колонизация Индокитая, сочетающая первый и третий типы). Континентом, испытавшим все типы колонизации и в самых тяжелых формах, является, безусловно, Африка. Ее разделенность природными барьерами (пустыни, нагорья, порожистые реки), происходящая из этого примитивность хозяйственных укладов и соответствующая этому многонациональность неизбежно приводили к такой «разносторонней» колонизации.

Периоды колонизации. Можно по-разному и с различной детальностью выделять этапы мировых колонизационных процессов, но одной из важнейших вех в их истории является начало XX в., разделяющее ее на два больших периода.

1) Колонизация до начала XX в. Этап характеризуется колонизацией свободных от контроля ведущих держав территорий. В этот период мир еще не был поделен до конца ведущими державами, и сохранялись возможности развития «вширь». Такая ситуация давала возможности отдельным странам совершать рывки, выходя из состояния колонии (полуколонии) за счет использования еще не колонизированных территорий и ресурсов. Классическим примером такого рывка стали США.

2) Колонизация в период после начала XX в. К этому моменту в ведущих капиталистических странах сложились монополии, а весь мир оказался поделен между ведущими державами; мировая система капитализма полностью сложилась, и возможности ее развития «вширь» за счет новых территорий исчезла. Одновременно при слиянии промышленного капитала с банковским образуется финансовый капитал, к которому переходит ведущая роль в экономике.

Эта ситуация имела несколько следствий:

а) В мире выделилось небольшое число передовых государств с одной стороны, и подчиненные им остальные экономически зависимые периферийные страны и территории с другой, колонии и полуколонии.

б) Из-за поделенности мира ведущими державами у зависимых стран, колоний и полуколоний уже не стало возможности совершить качественный рывок и догнать передовые ка-

питалистические страны. Фундаментальная роль в этой ситуации принадлежит финансовому капиталу: из-за зависимости производства от финансовых структур ведущих капиталистических стран, промышленный рост в колониях и полуколониях, обогащает в основном метрополию. В экономически благоприятные периоды привилегированные колонии (полукolonии) испытывают определенный рост богатства, но который является лишь тенью роста богатства в метрополиях и сразу превращается в дым при экономических кризисах.

в) Если раньше кризисы перепроизводства имели одним из решений нахождение нового рынка сбыта на еще не колонизированной территории, то теперь такая возможность исчезла, и нахождение рынка сбыта стало происходить исключительно за счет ожесточенных войн за передел колоний и сфер влияния.

г) Если раньше получение новых ресурсов и возможностей развития могло достигаться экстенсивным путем за счет новых колоний, то теперь, в условиях отсутствия новых территорий, это возможно исключительно за счет интенсификации эксплуатации, то есть «выжимания» любого ресурса (природного, человеческого) «до сухого остатка».

Выражаясь языком системного подхода, можно сказать, что если раньше общественная система производства могла сбросить энтропию за счет включения в оборот новых еще не колонизированных территорий, то теперь сбрасывать энтропию стало некуда, она остается и накапливается внутри системы.

Такая ситуация еще настоятельнее требовала углубления эксплуатации колоний и полукolonий, для чего необходим максимальный контроль над периферийными территориями. Последнее означает, что колонизация – это не только исторический процесс, но постоянная присущая капиталистической экономике императивная тенденция. Она выражается в общей тенденции перевода независимых стран в разряд полукolonий, а полукolonий – в колонии. С разделом мира между ведущими державами тенденция колонизации не только не исчезла, но напротив, стала еще более императивной.

При отмеченном выше эпохальном разделении истории колонизации на два крупных этапа, можно выделить и более дробные периоды развития колонизации, в том числе этапы ее прогресса и отступления.

Когда мы говорим об этапах наступления и отступления, то имеем в виду итогов-

ый результат двух противодействующих друг другу тенденций: колониальной и антиколониальной. Нет ни одного периода, когда бы не существовало этого противостояния, и «знак» этапа определяется итоговым соотношением этих тенденций. При этом в рамках периода общего отступления колонизации могут происходить отдельные крупные успехи в колонизации и наоборот. Остроту противодействия этих тенденций придают два фактора: а) экономическая потребность в расширении (углублении) колонизации, обостряющаяся в периоды кризисов; б) активность антиколониальной борьбы народов. Можно выделить следующие этапы:

1) 1492–1770 гг. Колонизация, связанная с Великими Географическими открытиями. Начало положено открытием Америки, конец – началом борьбы за независимость США.

2) 1770–1820 гг. Период первого кризиса колониальной системы, олицетворением которой стало обретение независимости США и странами Латинской Америки. Одновременно с этим расширились прибрежные ареалы колонизации в Африке и Азии. Окончание периода определяется началом масштабной колонизации Азии.

3) 1820–1880 гг. Масштабная британская колонизация Индии, Азии и Австралии.

4) 1880-е – нач. XX в. Масштабная колонизация Африки. Конец этапа – достижение поделенности всего мира между крупными державами и начало борьбы за передел колоний и сфер влияния. Выход на первое место финансового инструмента колонизации.

5) Начало XX в. – 1929 г. Это противоречивый этап. Он отмечен вторым кризисом колониализма; Первой мировой войной за передел колоний; прекращением существования Российской Империи и выключением из мировой капиталистической экономики 1/6 части суши; волна национально-освободительного движения в Китае и ее поражение (1927–1929). Окончание этапа – начало крупнейшего в XX веке мирового экономического кризиса.

6) 1929–1943. Начало этапа положено крупнейшим мировым экономическим кризисом, выдвинувшим перед ведущими капиталистическими державами необходимость нового передела колоний и сфер влияния, а также распространения контроля корпораций ведущих держав на территорию СССР и

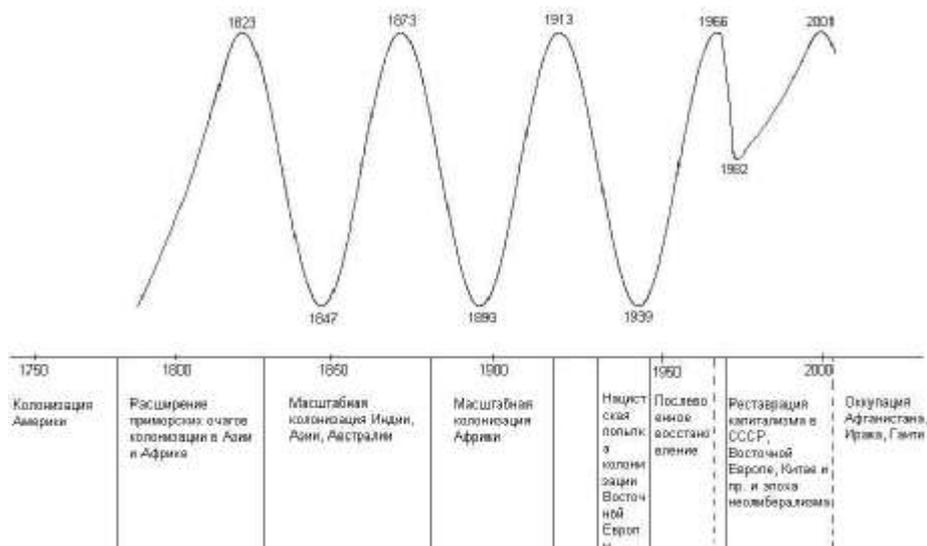

Рис. 1. Соотношение циклических экономических кризисов и волн колонизации

колонизации его территорий. Как следствие, осуществляется попытка совершить скачок в уровне колонизации через германскую оккупацию Восточной Европы и СССР.

7) 1943 – середина 1970-х. Начало этапа положено переломным поражением под Сталинградом колонизаторского плана нацизма. С этого начинается третий кризис колониализма. Этап характеризуется:

- поражением нацистской Германии в ее попытке колонизации Восточной Европы и СССР.
- установлением некапиталистической экономики в странах Восточной Европы (то есть выход их экономик из-под контроля ТНК);
- подъемом антиколониального движения в Африке и Азии, обретением независимости большинством африканских и азиатских стран;
- революциями и установлением некапиталистических экономик в Китае и ряде стран Азии, что вывело эти страны из полуколониального положения.

8) Середина 1970-х – по н. в. Это эпоха глобализации и неоллиберализма. Начало положено установлением диктатуры Пиночета и первым опытом неоллиберальных реформ в Чили. Основной характеристикой данного этапа стало расширение контроля над экономиками менее развитых стран со стороны ТНК ведущих держав. В рамках этого процесса с реставрацией капитализма в бывших некапиталисти-

ческих государствах (Китай, СССР, Восточная Европа, Куба и др.) ТНК получили прямой контроль над их экономиками; также произошло расширение доступа ТНК к экономикам остальных стран, следствием чего стало разрушение национальной промышленности. Главным военным выражением этого процесса стали оккупации Ирака и Афганистана [10].

Периоды колонизации и экономические кризисы. Этапы колонизации имеют тесную связь с экономическими волнами. Начиная с первого кондратьевского цикла, восходящей волне всегда предшествует скачок в колонизации территории или попытка ее совершения (рис.1). Окончание колониационного периода приходится на нисходящую экономическую волну или непосредственно предшествует ей.

Восходящей волне первого цикла предшествовало расширение прибрежных очагов колонизации в Азии, Африке и Австралии. Восходящей волне второго цикла – масштабная колонизация Индии, Азии и Австралии, достигающая территориальных пределов на нисходящей волне второго цикла.

Восходящей волне третьего цикла предшествует масштабная колонизация Африки, достигающая территориальных пределов к началу XX в. Этим завершается территориальный раздел мира и поэтому с данного момента динамика колониационных волн становится более сбивчивой и конвульсивной (посколь-

ку отсутствует «стабилизатор» в виде свободных территорий), а их соотношение с кризисами приобретает более сложную динамику.

С исчерпанием возможностей экстенсивного капиталистического роста происходит Первая мировая война за передел колоний и открывается нисходящая волна, которую не останавливает робкое послевоенное восстановление. Кульминацией нисходящей волны стал мировой кризис, открывшийся в 1929 г.

С приходом к власти нацистов в Германии осуществляется новая попытка колонизации – на территории Восточной Европы и СССР, единственно неподконтрольного мировым монополиям. С этой попытки начинается новая восходящая волна. В случае поражения СССР, последующая за этим колонизация его территории, возможно, обеспечила бы мировой экономике устойчивый экономический рост; то есть капиталистическая экономика нашла бы традиционный выход из кризиса за счет колонизации новых территорий. Однако поражение нацизма разрушение Европы войной привело к тому, что основой новой восходящей волны (четвертого цикла) стал процесс восстановления Европы. То есть основой выхода мировой экономики из кризиса стало масштабное разрушение избыточных производительных сил (также традиционный способ выхода из кризиса перепроизводства). Более того, масштаб поражения нацистской попытки колонизации и вызванный этим рост национально-освободительной борьбы в Азии привел к временному отступлению колонизации. Поэтому послевоенный экономический бум происходил на фоне общей деколонизации. Кроме того, наиболее выигравшие от Второй мировой войны США для своего окончательного закрепления в положении мировой сверхдержавы поддерживали деколонизацию, то есть лишение европейских держав своих колоний, видя в этом возможность усиления своего влияния. В действительности в рамках так называемого процесса деколонизации происходит процесс деколонизации колоний европейских держав (при поддержке этого процесса со стороны США) при одновременном усилении колониального влияния самих США.

С конца 1960-х гг. начинается новая нисходящая экономическая волна, а с середины 1970-х гг. – новая волна колонизации. Реставрация капитализма в Китае (с 1978) а позднее

в странах Восточной Европы и СССР, включение их экономик в мировую систему в качестве зависимой периферии, а также навязывание неолиберальных реформ экономически зависимым странам повысили нормы прибыли транснациональных корпораций и стали основой для начала новой восходящей экономической волны (пятого цикла) [9].

В конце 1990-х гг. этот импульс стал подходить к концу, выразившись сначала в кризисах в периферийных странах (дефолты в Азии, Латинской Америке, России), а в 2001 г. – затронув экономические центры. Для выхода из кризиса, помимо усиления долговой экономики, была сделана новая колонизационная попытка, главным выражением которой стала оккупация Ирака, Афганистана, Гаити, а также жесткий прессинг в отношении тех стран «оси зла», экономики которых остаются вне прямого подчинения ТНК. К 2007 г. долговая экономика и поражения оккупаций стали причиной продолжения кризиса.

Колонизация как естественный процесс. Таким образом, можно сделать несколько выводов:

- Колонизация – это естественный процесс, присущий капиталистической экономике.
- Исторически колонизация была одним из основных ответов на циклические капиталистические кризисы; расширение колоний давало возможность преодоления кризиса.
- С завершением раздела свободных территорий ведущими державами, резко вырастает потребность в углублении колонизации.
- Благодаря сочетанию факторов, имел место процесс «деколонизации» мира; но этот процесс обратим из-за сохраняющейся общей колонизационной тенденции.
- Сегодня можно говорить о процессе реколонизации земного шара. Это процесс территориально неравномерный, доходящий до разных стадий на различных территориях.

Сегодня углубление колонизации находит следующие выражения:

а) Растущая подчиненность периферийных экономик ТНК и финансовому капиталу ведущих стран. Осуществление этого процесса имеет следующие инструменты:

- «свобода торговли», открывающая рынки отсталых стран для продукции ТНК и ведущая к разрушению старой «национальной» промышленности;
 - разгосударствление производства, дающее доступ ТНК к собственности страны, в том числе к природным ресурсам
 - «независимость центральных банков» и вплоть до разрушения собственных систем национальных финансов (как в Эквадоре, где официальная валюта – американский доллар или в Восточной Европе с евро).
 - формирование долговой петли внешнего государственного и коммерческого долга;
- б) Рост роли военного контроля, который проявляется:
- в расширении сети военных баз;
 - в шести Флотах США в различных частях земного шара (IV Флот – у берегов Латинской Америки, V Флот – у берегов Азии и т.п.).
 - в колониальных войнах и оккупации стран войсками ведущих держав или под их руководством.
- в) Рост политического контроля (на основе экономической зависимости) через участие национальных правительств в процессе реколонизации.

Современные типы зависимости. Общим результатом процесса реколонизации земного шара является факт, что большинство стран мира сегодня имеют меньше суверенитета, чем 50–100 лет назад. Эта ситуация стала особенно заметна в последние 25–30 лет, когда разгосударствление и денационализация экономик периферийных стран создали возможность резкого увеличения контроля над ними со стороны ведущих мировых держав и их корпораций. Неравномерность процесса реколонизации отражается в современном многообразии типов экономической и политической зависимости. В общем можно выделить следующие типы, которые могут сочетаться между собой и которые можно уточнять дальше:

а) Действительные колонии (сохраняющиеся колонии Франции, Великобритании, США, Испании и т.д.) с политическим подчинением метрополии.

б) Страны под контролем иностранных войск с марионеточными правительствами (Гаити, Афганистан, Ирак).

в) Территории – военные плацдармы в регионе (Косово, Израиль).

г) Полуколонии (большинство стран мира), среди которых можно отметить:

- страны с большим военным присутствием ведущих держав и ролью их главного союзника в регионе (Колумбия, Пакистан, Грузия).
- страны, лишённые собственной финансовой системы (восточно-европейские страны зоны евро, Эквадор).

д) Независимые государства (Иран).

Итак, можно сделать несколько выводов относительно роли колонизации в формировании территориальных структур хозяйства и населения как мира в целом, так и отдельных стран.

Источником колонизации является кризис общественной системы, развивающейся в рамках конкретных природных условий и достигающей насыщения, исчерпывающая возможности экстенсивного использования территории с ее ресурсами, в том числе пространственными. В последние 500 лет эпохальными кризисами стали кризис феодального и капиталистического способов производства. В рамках промышленного капитализма наблюдается ряд циклических капиталистических кризисов, выход из которых давали колонизационные волны. В связи с этим, колонизация является естественным процессом. Подтверждение этому – увеличение зависимости большинства стран от ведущих держав по сравнению с ситуацией конца XIX – начала XX вв. Процесс деколонизации был лишь временным откатом колонизации, став результатом сочетания поражения нацистской Германии и окончательным закреплением США в роли ведущей мировой державы.

Положению территории в качестве колонии (полуколонии) соответствует специфическая функция места в рамках территориального разделения труда на планете, наиболее характерной из которых является роль источника промышленного и сельскохозяйственного сырья и дешевой рабочей силы.

Масштабы экономического кризиса в экономических центрах, в совокупности с природными условиями новых колонизируе-

мых территорий и типами уже сформировавшихся на них хозяйственных укладов (с соответствующими территориальными структурами хозяйства и населения), определяют тип колонизации, характеристики сочетания новых привносимых колонизацией хозяйственных укладов и территориальных структур со старыми.

Важным рубежом истории колонизации стал окончательный раздел мира между крупнейшими державами. Исчезновение возможности экстенсивного расширения капитализма сделало необходимым углубление колониационных процессов на уже колонизированных территориях, трансформируя сложившиеся экономики и соответствующие территориальные структуры хозяйства и населения по двум направлениям. Во-первых, в новой ситуации отсталые страны потеряли возможность прогрессивного капиталистического развития за счет неколонизированных территорий, а значит, старые территориальные структуры хозяйства и населения оказались в этих странах законсервированы. Во-вторых, с углублением колонизации имели место процессы дезиндустриализации в тех странах, где исторически успела сформироваться собственная национальная промышленность (Россия, Восточная Европа, Бразилия, Аргентина и пр.).

Смена преобладающих инструментов контроля ведущих держав над колониями (полуколониями) прямо отражалась в территориальных структурах обоих типов государств. До появления монополистического финансового капитала территориальные структуры хозяйства колониальных стран формировались на основе производств первичного сектора при размещении основного промышленного производства в ведущих державах. Пре-

вращение финансового капитала в главный инструмент контроля и начало экспорта капитала стало толчком для развития обрабатывающей промышленности в большом количестве зависимых стран и образования крупных индустриальных центров.

Отдельная тема исследований в данном направлении – формирование специфических территориальных структур в самих колониальных и полуколониальных странах как результат колонизации. Так, помимо отмеченных в начале статьи характеристик территориальных структур хозяйства и населения экономически отсталых стран, можно отметить латиноамериканский лагифундизм, который берет начало у европейского феодализма, однако отличается тем, что стал следствием развития европейского капитализма. Если развитие капитализма в Европе уничтожило феодализм в Старом Свете и на первых порах ликвидировало крупную собственность на землю, то оно же и создавало латифундистское землевладение (с капиталистическими масштабами концентрации) в Новом Свете, как основу производства в сельском хозяйстве, в котором трудились и рабы, и крестьяне-арендаторы, и наемные работники. С началом периода неолиберализма, в рамках мирового процесса реколонизации, латифундизм получил свое продолжение в виде колоссального расширения принадлежащих ТНК гигантских плантаций экспортных культур (сои и пр.).

В целом можно сказать, что колониационные процессы не только сами по себе являются ярким географическим процессом, но также играют роль своеобразного моста между территориальными структурами экономических центров (ведущих держав) и колонизируемых территорий.

Библиографический список

1. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую и социальную географию зарубежного мира. Избранные сочинения. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1998.
2. О показателях для экономико-географической характеристики капиталистических стран. Избранные сочинения. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1998.
3. Витвер И.А. Латинская Америка. Избранные сочинения. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1998.
4. Машбиц Я.Г. Территориальная структура хозяйства развивающихся стран: типологические закономерности формирования и тенденции географических сдвигов. В сб. Динамика территориальных систем производства и населения в странах разных типов. – М.: ИГАН СССР, 1986.
5. Bunge W. Fitzgerald: The Geography of a Revolution, 1971.
6. Harvey D. Social Justice and the City, 1973.
7. Harvey D. The Urban Experience, 1989 (Перевод на русский: <http://www.urban-club.ru/?p=105>).
8. Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development, 2006
9. Эдуардо Альмейда / Открывается новая нисходящая волна // Живой Марксизм. – 2009. – № 4.

А.А. Дорофеев, С.И. Яковлева
(г. Тверь)МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТУРИЗМА В РОССИИ¹Dorofeev A.A., Yakovleva S.I. (Tver)
INTERDISCIPLINARY AND REGIONAL APPROACHES
TO TOURISM IN RUSSIA

Аннотация. Данная работа очерчивает круг вопросов, изученных российскими учеными при проведении диссертационных исследований по туристской тематике

Abstract. The paper outlines the subjects of theses of Russian researchers in tourism studies

Ключевые слова: туризм, диссертационные исследования, Россия.

Key words: tourism, theses, Russia.

По электронным каталогам библиотек, архивам Диссертационных Советов вузов Российской Федерации (РФ) составлен список диссертаций по туристской тематике за период 1985–2010 гг. Использовались следующие электронные источники:

- Обзор диссертаций по Библиотечно-му каталогу российских диссертаций 1988-2010 гг., <http://www.lib.ua-ru.net/disser/ru/>
- Каталог диссертаций России, http://www.dissros.ru/diss_ru/ist-33--1-ru--st-369--s-2.html
- сайты Диссертационных советов вузов РФ
- <http://www.inpos.com.ua/625>
- Единый электронный каталог (ЭК) РГБ – РГБ
- www.rsl.ru/ru/s97/s339/

Представляется, что нам удалось найти в каталогах большинство защищенных по туризму диссертаций за двадцатипятилетний период, начиная со времени «перестройки». При анализе названий выявленных диссертаций особое внимание было уделено междисциплинарным связям в исследованиях по туризму, а также региональным аспектам туристской проблематики.

Всего было выявлено около 1410 работ (защищенных кандидатских и докторских диссертаций) по 17 различным научным направлениям. Из них 86% приходится всего на три направления: доминирует экономика (751 работа, или 53%), педагогика – 331 работа (23%) и география – 140 работ (10%).

Среди прочих, редкие работы (от 1 до 32) других специальностей: архитектура, технические науки (в т.ч. – работы по картографии); история, социология, юриспруденция, культурология, философия, психология, биология, медицинские, сельскохозяйственные, геолого-минералогические, филологические и политические науки (табл. 1).

Междисциплинарный характер исследований туризма означает не только участие в них различных научных дисциплин, но и главное – их тематическую содержательную взаимосвязь и определенную последовательность в комплексном изучении туризма для разработки рекомендаций и стратегий развития на конкретной территории.

Всё разнообразие тематики трех ведущих дисциплин можно свести к нескольким тематическим группам (табл. 2). Наиболее близки по содержанию экономические и географические исследования туризма. В тематической структуре исследований ведущие темы разные: в географии – оценка туристских ресурсов (52% работ), а в экономике – вопросы управления (30%), в том числе стратегические разработки туризма региона/страны. Структура экономических исследований равномерная, в географии и педагогике – доминирование одной темы (рис. 1). Исходная тематика педагогики туризма – школьный туризм – дополнена значительным количеством исследований по содержанию профессионального образования и методике (технологиям) подготовки специалистов для туризма.

¹ Публикация подготовлена в рамках работы по программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы». Мероприятие 1.2.2. Госконтракт 31100_NK-607P.

Таблица 1

Количество диссертаций по туристской тематике, защищенных по различным научным направлениям (по состоянию на 1.02.2011 г.)

№	Наименование научных дисциплин	Кол-во	Процент
1	Экономические науки	751	53 %
2	Педагогические науки	331	23 %
3	География	140	10 %
4	Социология	32	2,2 %
5	Биология и сельскохоз. науки	30	2,1 %
6	Архитектура	29	2,0 %
7	Юриспруденция	25	1,8 %
8	История	25	1,8 %
9	Технические науки	15	1,1 %
10	Культурология	10	0,8 %
11	Философия	5	0,4 %
12	Психология	4	0,3 %
13	Медицинские науки	4	0,3 %
14	Филология	4	0,3 %
15	Политические науки	3	0,2 %
16	Геолого-минералогические науки	1	0,1 %
17	Искусствоведение	1	0,1 %
	Всего	1383	100 %

Таблица 2

Сопоставление и взаимосвязь основных тем исследований туризма в географических, экономических и педагогических науках

Тематические группы географических исследований туризма	Тематические группы экономических исследований туризма	Тематические группы педагогических научных исследований
1. Оценка туристских ресурсов	1. Оценка туристских ресурсов и экономического потенциала туризма	1. Развитие туристско-краеведческой деятельности детей.
2. Анализ территориальной организации туризма	2. Организационно-экономические основы развития туризма в регионе/стране	2. Содержание и технологии подготовки специалистов для сферы туризма. Учебно-методическое обеспечение образовательной деятельности в учебных заведениях туристского профиля.
3. Анализ территориальной организации отраслей (видов) туризма	3. Организационно-экономические основы развития отраслей туризма в регионе/стране	3. Организационно-педагогические условия профессиональной подготовки специалистов по различным видам туризма, турагентств и сервису
4. Роль/функции туризма в региональном развитии	4. Роль/функции туризма в региональной/национальной экономике	4. Функциональная тематика: роль/значение туризма в воспитании
5. Методология и методы исследований туризма	5. Теоретико-методологические основы управления развитием туристско-рекреационного комплекса региона и стратегические разработки	5. Управление региональной системой профессионального туристского образования.

◆ Взаимосвязь тематических групп географических и экономических исследований туризма

● Взаимосвязь тематических групп географических, экономических и педагогических исследований туризма

Доминирование оценочной ресурсной тематики в географических исследованиях определяется преимущественно физико-географическими работами: 42 работы (из 67), из них 32 – с геоэкологическими оценками ресурсов; комплексные оценки выполнены в 16 работах и экономико-географические оценки ресурсов – в 9 работах.

В междисциплинарном комплексе научных дисциплин, занимающихся исследова-

нием туризма (рис. 2), существует последовательная цепочка от географии (с обращением к истории) и далее к экономике с выходом на территориальное планирование – планировку туристско-рекреационных территорий. Разработке туристских карт посвящены работы картографов (диссертации защищаются по техническим и географическим наукам). Карты туризма используются достаточно широко – туристами, организато-

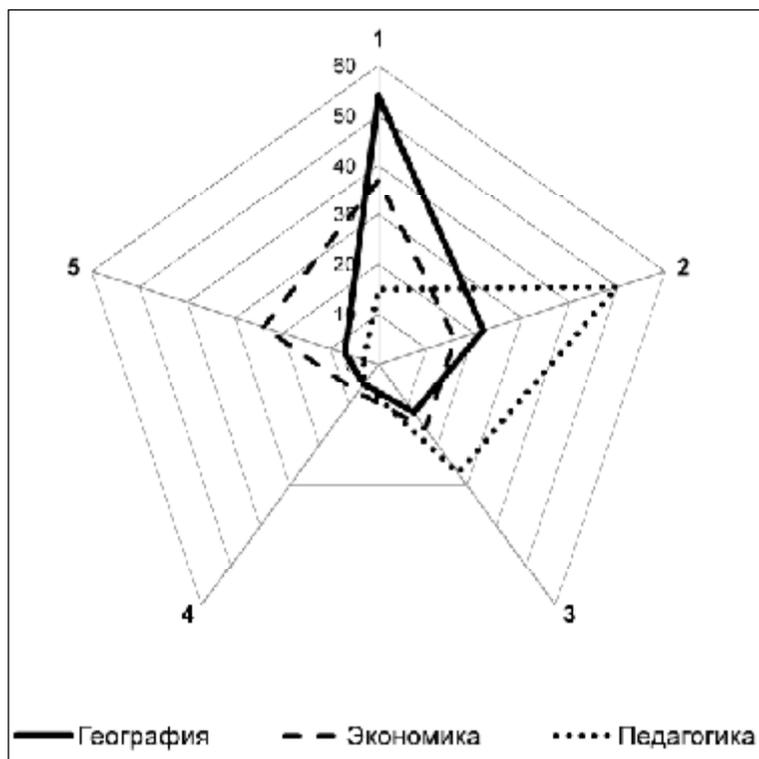

Рис. 1. Сравнение тематической структуры географических, экономических и педагогических исследований туризма: доля тематических групп диссертаций, защищенных в 1985–2010 гг., %*

* цифры – 1, 2, 3, 4 и 5 на осях диаграммы – порядковые номера основных тем исследования (см. табл. 2)

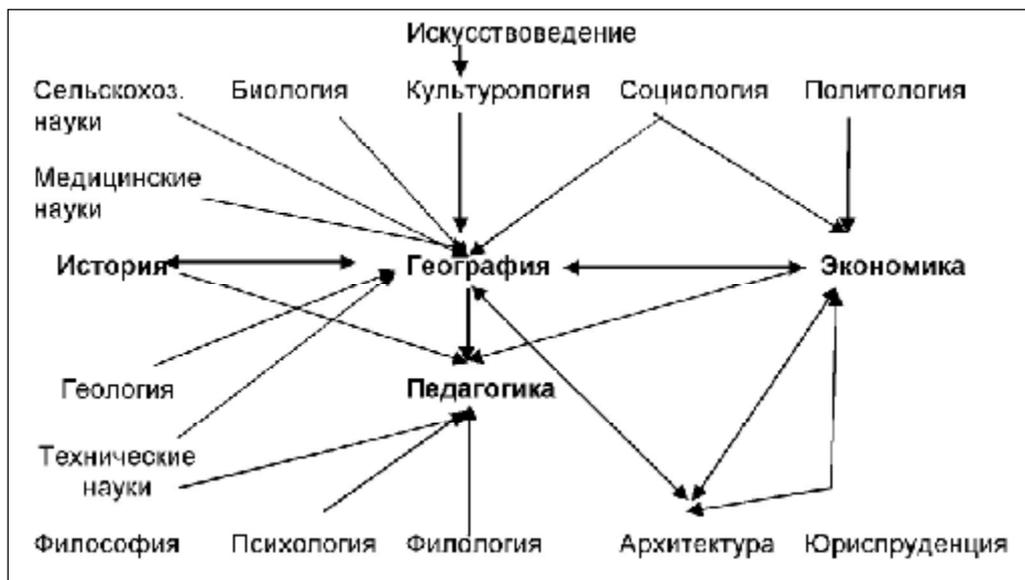

Рис. 2. Междисциплинарные связи в исследованиях туризма

Таблица 3

Структура ведущих направлений междисциплинарных исследований туризма в 1985-2010 гг. (по количеству защищенных диссертаций)

Типы диссертаций по тематике	Кол-во объектов исследования	Кол-во работ	%
1. Территориальные		572	48,5
Международный туризм (въездной и выездной)		34	3
Внутренний туризм, всего	265	538	45,5
в том числе:			
- Страны мира и регионы мира	40	57	10,6
- Россия	1	55	10,2
- Регионы России, всего	74	253	47
В том числе регионы ЦФО	18	42	
- Регионы без названий	103	103	19,1
- Туристские зоны	14	14	2,6
- Природные территории	38	56	10,5
			100
2. Отраслевые		95	8
Отрасли туризма	16	88	93
Социальный туризм	5	7	7
			100
ВСЕГО, отраслевые и территориальные		667	56,5

рами и исследователями туризма, выполняю важную информационную функцию.

Систематизирующую роль в исследованиях туризма занимает география, на ее базе ведутся исследования туризма в экономике и подготовка специалистов для туризма в профессиональном образовании, в том числе географическая подготовка будущих менеджеров туризма. Значимость географии туризма не соответствует ее низкой доле в потоке защищенных диссертаций по туристской тематике. Слабо представлены экономико-географические аспекты развития туризма (и нет работ по организации экологического туризма) – территориальная организация туристско-рекреационной сферы (в том числе вопросы управления) и ее инфраструктурное обеспечение.

Среди многочисленных диссертаций по туризму, защищенных в 1985–2010 гг. в России, около половины составляют территориальные исследования, посвященные страноведческим (национальным), международным (въездной и выездной туризм) и региональным проблемам (табл. 2). По тематике внутреннего туризма самыми многочисленными являются работы по регионам России.

В исследованиях международного туризма экономические работы составляют около 70% (24 из 33 работ), а диссертации начали защищаться раньше других дисциплин – с 1988 г. (табл. 3). Географических работ всего 6, при этом в тематике международного туризма они носят фундаментальный характер, в первую очередь это диссертация Александровой А.Ю. «Территориальная организация социально-экономической системы международного туризма»: Дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 М., 2002.

Исследования по зарубежным странам и регионам мира представлены работами по 10-и научным специальностям. Почти половина диссертаций – это географические работы (23 из 58), экономических значительно меньше (14). Среди других научных дисциплин – архитектура (работы по странам Азии и Ближнего Востока), педагогика (подготовка кадров для туризма), технические, юридические, биологические и сельскохозяйственные, а также работа по культурологии (Европа). Заметим, что защищенные в России диссертации, посвященные исследованию туризма стран и регионов мира, иногда, вы-

*Диссертации по международному туризму в РФ,
защищенные в 1985–2010 гг.*

Виды международного туризма	Междисциплинарный характер исследований международного туризма	Кол-во работ	%
1. Выездной туризм	Экономические – 3 (2000–2009) Географические – 1 (2010) Исторические – 1 (2006)	5	15
2. Въездной	Экономические – 7 (1998–2009) Исторические – 1 (2004) Экономические – 14 (1988–2009)	8	24
3. Международный туризм страны/ региона	Географические – 5 (2000–2002) Юридические – 2 (2004–2008)	21	61
	Международный туризм, всего	34	100

полнены специалистами своих стран (Китай, Камбоджа, Египет, Йемен, Ливан, Болгария, Лаос, Шри Ланка и др.).

На территории России остались «белые» пятна – это преимущественно северные территории, не изучавшиеся диссертантами в плане туризма. Есть они и в Центре России: нет диссертаций по трем регионам-субъектам ЦФО – Тульской, Костромской и Липецкой областям. Ряд старых туристско-рекреационных районов северо-запада не имеют диссертаций, посвященных отдельным регионам – это Псковская, Новгородская, Мурманская области (рис.3). Эти регионы рассматриваются только в диссертациях о туризме всего Северо-западного региона или Федерального округа. Максимальное число диссертаций посвящено Ленинградской области вместе с Санкт-Петербургом (21 работа), а также регионам Южного и Северо-Кавказского ФО (табл. 5) Краснодарскому краю (28 работ, из них по Сочи – 9), и Адыгеи (9), Кабардино-Балкарии (16), Карачаево-Черкесии (8), Ставропольскому краю (10). Относительно большое число диссертаций – о Приморском крае (10). Во всех других регионах, как правило, 1–2 работы. Регионы ЦФО (15 из 18 регионов) исследованы в 42 диссертациях. При том Москве, как крупнейшему центру туризма, посвящены лишь 4 работы (экономическая, биологическая и 2 педагогические), Московская область – в 6 работах и по этому показателю равна Воронежской области и уступает Смоленской.

Центры защит диссертаций зачастую не совпадают с исследованными регионами/го-

родами: работы о Смоленской области защищаются не только в Смоленске, но и Москве, СПб; тамбовские – в Воронеже, ивановские – в Ярославле, рязанские – в Смоленске, тверские – в Смоленске, Москве и СПб и т.д. Региональные исследования выполняют преимущественно экономисты и географы, очень редко – историки и др.

В табл.5 представлена типологическая матрица для систематизации регионов России по двум параметрам – наличию фундаментальных исследований туризма (по защищенным диссертациям о региональном туризме) и стратегических разработок для регионального развития туристско-рекреационной сферы.

Региональным особенностям туризма России посвящены диссертации 9 научных направлений: географические (в 40 работах по 83 регионам-субъектам РФ), экономические (37), сельскохозяйственные (9), педагогические (7), исторические (5), архитектура (4), биологические (2), социология (2), культурология (1). Это показывает незначительный приоритет географии в региональных исследованиях туризма.

Без географических диссертаций выполнены исследования туризма почти в 30 регионах, в том числе наиболее крупных регионах Зап. и Вост. Сибири и Д.Востока (рис. 4).

Проведенное исследование позволяет определить круг вопросов, хорошо изученных диссертантами, и воспользоваться их опытом для решения задач поставленных в других новых исследованиях. В то же время в результате анализа были определены темы

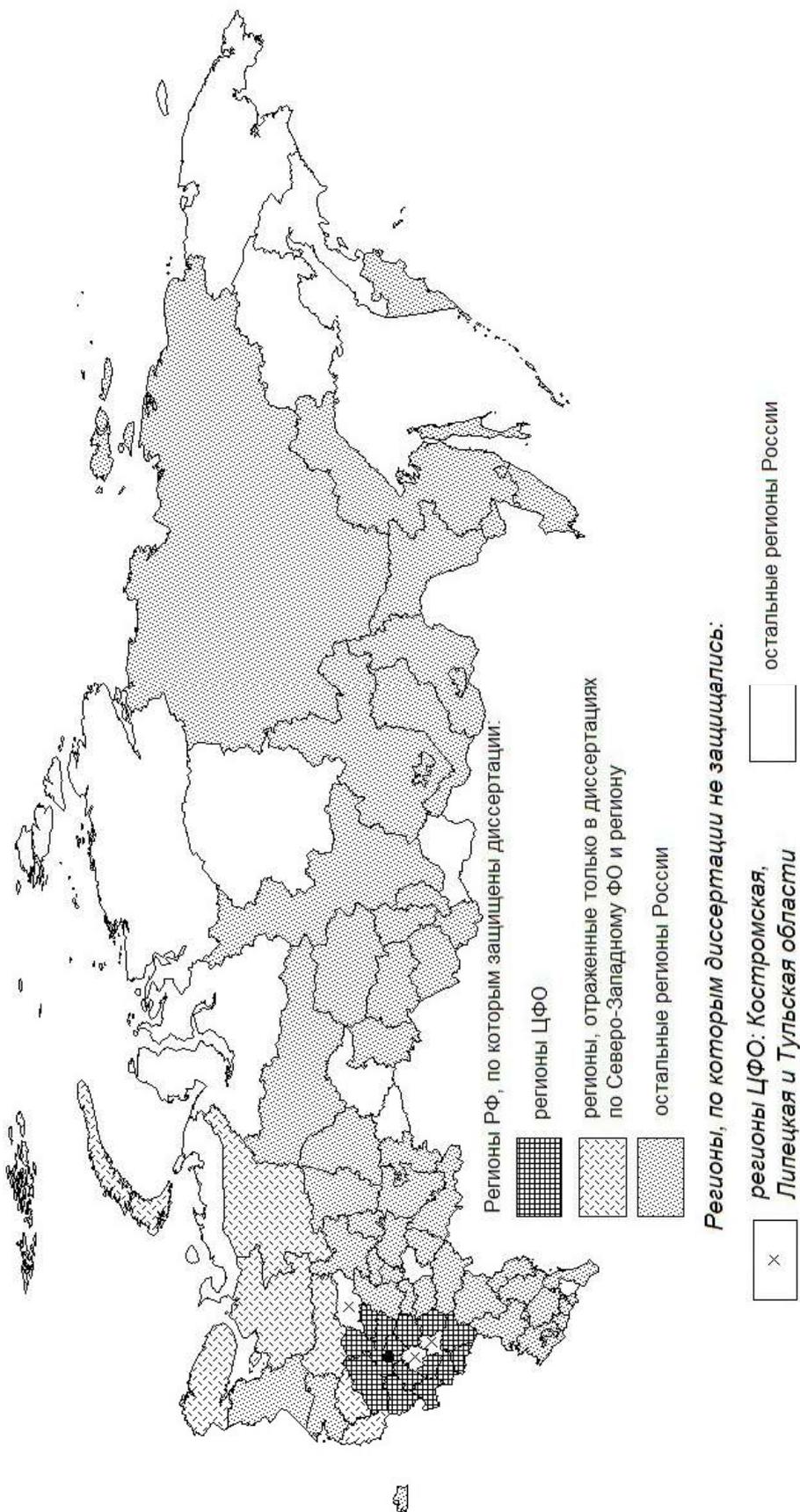

Рис. 3. Изученность регионального туризма России по наличию защищенных диссертаций в 1985–2010 гг. (считены только диссертации с названиями регионов или субъектов РФ)

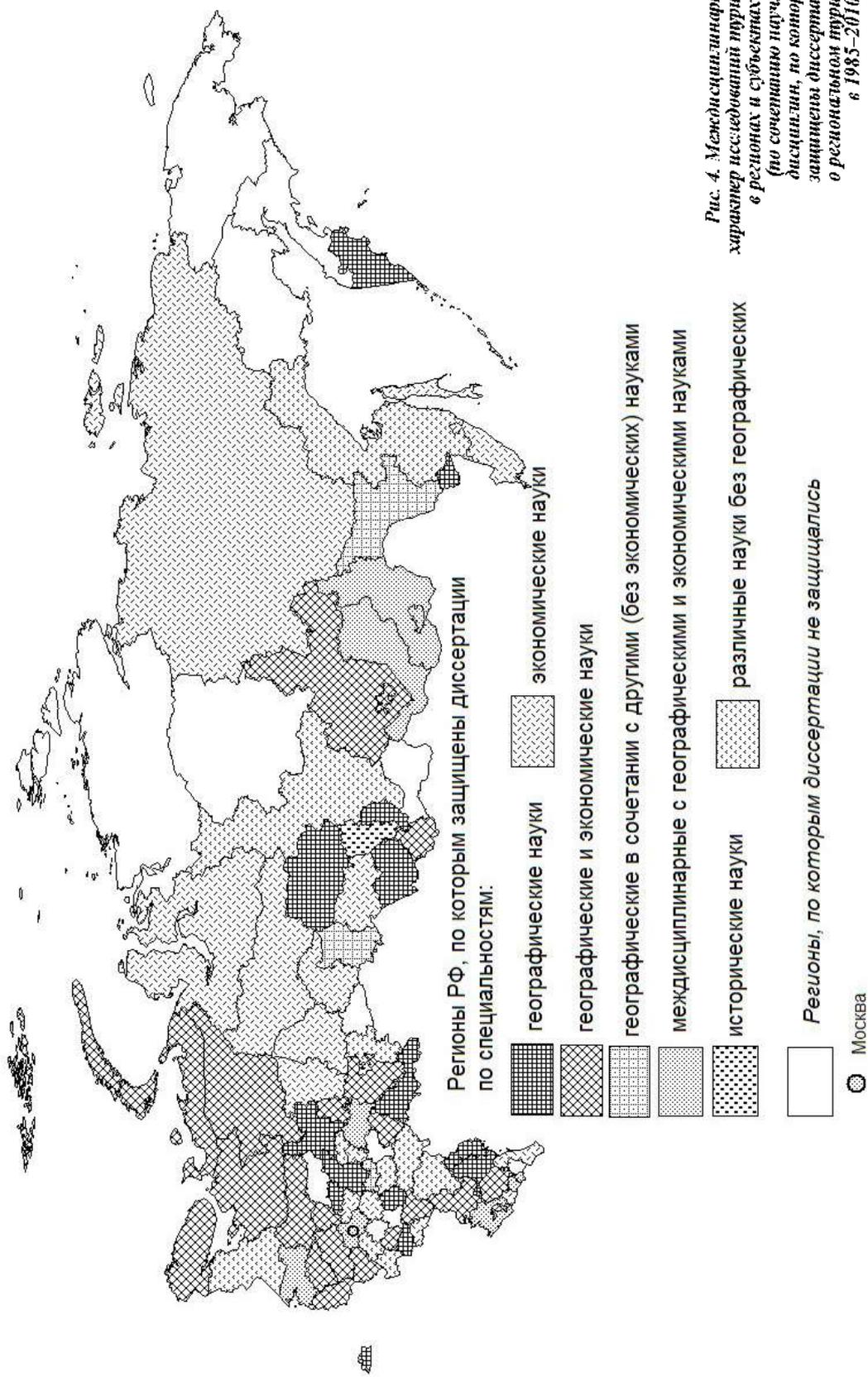

Рис. 4. Междисциплинарный характер исследовательских туров в регионах и субъектах РФ (по сочетанию научных дисциплин, по которым защищены диссертации о региональном туризме в 1985–2010 гг.)

Таблица 5. Окончание

45	Республика Мордовия										3
46	Республика Татарстан										6
47	Удмуртская Республика										2
48	Чувашская Республика										1
49	Кировская обл.										2
50	Нижегородская обл.										1
51	Оренбургская обл.										1
52	Пензенская обл.										1
53	Пермский край										2
54	Самарская обл.										3
55	Саратовская обл.										1
56	Ульяновская обл.										-
	Уральский ФО										5
57	Курганская обл.										-
58	Свердловская обл.										1
59	Тюменская обл.										1
60	Челябинская обл.										1
61	Ханты-Мансийский авт.ок.										2
62	Ямало-Ненецкий авт. окр.										-
	Сибирский ФО										22
63	Республика Алтай										3
64	Республика Бурятия										7
65	Республика Тыва										-
66	Республика Хакасия										2
67	Алтайский край										2
68	Красноярский край										1
69	Иркутская обл.										1
70	Кемеровская обл.										1
71	Новосибирская обл.										1
72	Омская обл.										2
73	Томская обл.										1
74	Забайкальский край										1
	Дальневосточный ФО										20
75	Республика Саха (Якутия)										1
76	Приморский край										10
77	Хабаровский край										3
78	Амурская обл.										3
79	Камчатский край										1
80	Магаданская обл.										-
81	Сахалинская обл.										1
82	Еврейская авт. область										1
83	Чукотский авт. округ										
	Всего районов:										
		э	г	п	б	х	а	и	с	к	
		37	40	7	2	9	4	5	2	1	

Сокращения названий дисциплин: э – экономические, г – географические, п – педагогические, б – биологические, х – сельскохозяйственные, а – архитектура, и – исторические, с – социология, к – культурология.

и регионы, которые практически не затронуты ранее проводившимися исследованиями. В дальнейшем, на основании полученных результатов, можно дать рекомендации по оптимизации тематики научных исследований в НИИ и в университетах, занимающихся проблемами географии и туризма. Материалы списка диссертаций по турист-

ской тематике могут быть использованы при разработке планов диссертационных исследований в отделах аспирантуры Вузов России и при создании образовательных курсов. Несомненно, количество диссертаций посвященных туризму должны уточняться, а их мониторинг должен продолжаться.

Н.Ю. Замятина
(г. Москва)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Zamyatina N.Y. (Moscow)

CONCEPTUAL GROUNDS OF REGIONAL IMAGES STUDIES

Аннотация. Рассмотрены концептуальные основы научного изучения представлений в географии, спектр возможных географических подходов к изучению представлений, а также основные понятия: географические образы и концепты.

Abstract. The author studies conceptual grounds for scientific analysis of images in geography, a variety of applicable geographical approaches and geographical images and concepts.

Ключевые слова: географические образы, концепт территории, гуманитарная география, когнитивная география.

Key words: geographical images, territory concept, cognitive geography.

Представления и реальность: ограниченное соответствие

Включение в сферу своих интересов географических представлений требует определенных знаний об основах их изучения. В первую очередь, что же такое представление о территории, регионе, городе?

На первый взгляд, естественно определить представление как нечто, что соотносится в сознании реально существующему объекту (в нашем случае городу). Однако в общем случае такое определение будет не совсем корректным. Дело в том, что представления формируются по своим, специфическим законам, и соотношение представлений с миром физических объектов достаточно условно. Поясним это положение.

Современная гуманитарная наука выделяет три вида предметов изучения, соотносимых друг с другом: 1) собственно объекты физического мира, 2) знаки и 3) представления. Между ними существует лишь относительное соответствие. Так, одному и тому же объекту могут соответствовать совершенно разные представления. Например, если показать корову европейцу, в его сознании всплывет один набор ассоциаций, если индусу, для которого корова представляется священным животным – другой. Глядя на руку, русский видит один объект – руку, англичанин – два (hand – руку ниже запястья и arm – руку от плеча до запястья).

Даже простое зрительное восприятие не «фотографирует» реальность, а отражает ее в соответствии с готовностью сознания:

знакомством с определенными формами, предварительными ожиданиями и т.д. Человек «видит перед собой» не столько реальность, сколько уже отсортированное, обработанное сознанием отражение реальности: с фокусировкой на одних объектах и «смазыванием», а то и игнорированием других. Иными словами, реальность, воспринимаемая глазами человека, есть сильно генерализованное, с пропусками отражение окружающей действительности – причем изменения происходят не столько из-за «технического несовершенства» глаза, сколько из-за работы сознания. Грубо говоря, чтобы что-то увидеть, необходимо научиться это видеть и опознавать.

Хорошим примером направленного восприятия реальности служит восприятие цвета. Как показали специальные исследования, непрерывная цветовая шкала видится каждому народу по-своему. Более того, существуют особые традиции в наименовании цвета определенных объектов: так, объективно коричневого медведя в русском языке принято называть бурым, кошку – не оранжевой, а только рыжей и т.п. Это доказывает, что представление о том или ином цвете спектра в определенных границах культурно (а не «объективно») обусловлено. Правило детерминированности восприятия исходными навыками (культурно или лично обусловленными) действует и для других видов представлений: младенец не умеет распознавать в окружающем мире даже собственную мать – пока не научится это делать.

Подобно тому, как одному и тому же предмету могут соответствовать разные представления, разные представления могут соответствовать одному и тому же знаку. Так, отличаются ассоциации, вызываемые словом «красный» у жителя нашей страны и у человека, не знакомого с соответствующей политической символикой. И наоборот, слово «город» может служить знаком существенно различных объектов.

Условность соответствия объектов, знаков и представлений красиво иллюстрирует в эссе Х. Борхеса:

«В XVII в. Локк предложил (и отверг) возможность языка, в котором каждый отдельный предмет, каждый камень, каждая птица и каждая ветка имели бы собственное имя; Фунес тоже пытался придумать аналогичный язык, но отказался от него, найдя, что он будет слишком обобщенным, слишком двусмысленным. В действительности Фунес помнил не только каждый лист на каждом дереве в каждом лесу, но помнил также каждый раз, когда он этот лист видел или вообразил. [...] Сам он был почти совершенно неспособен к общим Платоновым идеям. Ему не только было трудно понять, что родовое имя «собака» охватывает множество различных особей разных размеров и разных форм; ему не нравилось, что собака в три часа четырнадцать минут (видимая в профиль) имеет то же имя, что собака в три часа пятнадцать минут (видимая анфас). Собственное его лицо в зеркале, собственные руки каждый раз вызывали в нем удивление. [...]

Он без труда изучил английский, французский, португальский, латинский. Однако я подозреваю, что он был не очень способен мыслить. Мыслить – значит забывать о различиях, обобщать, абстрагировать. В загроможденном предметах мире Фунеса

были только подробности, к тому же лишь непосредственно данные».

Х.Л. Борхес. Фунес, чудо памяти.

Попытка выяснить степень соответствия представлений и реальности в некотором роде аналогична попытке выяснить, насколько собака в три часа четырнадцать минут соответствует собаке в три часа пятнадцать минут и т.д. Вопрос этот может иметь под собой рациональную основу (насколько велики, например, произошедшие в реальной собаке за одну минуту физиологические изменения, чтобы говорить об изменении на данном отрезке времени самой собаки?) – но он явно не первостепенен для научного изучения собаки, равно как и ее образа в сознании. *Вопрос о соответствии представлений некой реальности не является непременным условием их научного исследования².*

А можно ли их вообще изучать с научной точки зрения?

У традиционного географа, воспитанного скорее в естественнонаучной, чем в гуманитарной традиции, относительность представлений вызывает закономерное недоумение: как это вообще может изучаться наукой? На самом деле представления не столь беспорядочны, как кажется на первый взгляд. Все зависит от подхода: при правильно построенном исследовании «случайные» – казалось бы – представления оказываются закономерными элементами некоторой системы, вполне поддающейся научному анализу.

Начнем с напоминания о некоторых работах Крёбера, имеющих определенное методологическое значение для нашего спора. В своем исследовании эволюции женского костюма Крёбер обращается к моде, т. е. к социальному явлению, тесно связанному с бессознательной умственной деятельностью. Редко случается, чтобы мы отчетливо по-

¹ Х.Л. Борхес. Фунес, чудо памяти. // Сочинения в трех томах. Т. 1. / Пер. с исп.; Составл., предисл., коммент. Б. Дубина. – Рига: Полярис, 1994. – С. 335–337.

² Кроме того – и это главное – сам вопрос соответствия представлений реальности, строго говоря, некорректен. Для исследования этого вопроса необходимо иметь абсолютно верное и полное представление о реальности, а также о представлениях, что невозможно по определению. По сути, вопрос о соответствии представлений реальности трансформируется в вопрос о соответствии а) научных представлений об объекте и б) научных представлений о каком-либо другом виде представлений о том же объекте. Однако решение этого вопроса чревато слишком большой неопределенностью. Точность научных представлений о реальности еще признается относительно достаточной (в пределах допустимых погрешностей и т.д.) – иначе «отмерла» бы сама наука. Однако точность в системе «научные представления о предмете – научные представления о вненаучных представлениях о предмете – научные представления о соответствии научных представлений о предмете научным представлениям о вненаучных представлениях о нем же» резко падает. Главное, этот вопрос имеет весьма ограниченную практическую ценность (например, для выяснения реакции населения на некоторое научно обоснованное действие властей).

нимали, почему определенный стиль нам нравится или почему он выходит из моды. Крёбер показал, что эта внешне произвольная эволюция подчинена законам. Эти законы так же неустановимы при эмпирическом исследовании, как и при интуитивном восприятии явлений моды. Они проявляются только при измерении определенного количества соотношений между различными элементами костюма. Эти соотношения могут быть выражены в виде математических функций, вычисленные величины которых служат в данный определенный момент основанием для предвидения [415].

Мода, представляющая собой, по-видимому, наиболее произвольное и случайное выражение общественного поведения, поддается, следовательно, научному исследованию. Однако метод, изложенный Крёбером, напоминает не только метод структурной лингвистики. Он вполне сопоставим с некоторыми естественнонаучными исследованиями, а именно с работами Тейсье о росте ракообразных [811]. Этот ученый показал, что законы роста определяются соотношениями между размерами элементов, составляющих члены (например, клешни), а не их форм. Определение этих соотношений приводит к выделению параметров, с помощью которых могут быть сформулированы законы роста. Целью действительно научной зоологии не является описание животных форм в том виде, как они интуитивно воспринимаются; речь идет о том, чтобы определить абстрактные, но постоянные соотношения, где обнаруживается постижимая форма изучаемого явления.

К. Леви-Стросс.

Структурная антропология³.

Доступность представлений для научного изучения делает правомерным существование социологии и культурной антропологии, лингвистики, психологии и целого ряда других социальных и гуманитарных наук. На том же основании правомерно ставить вопрос и об изучении представлений в «нефизической» географии.

Зачем их изучать?

В современном мире, очевидно, что представления направляют деятельность челове-

ка на самых различных уровнях: от бытового до государственного. Вот простейшие примеры. Представления о престижности того или иного района города направляют инвестиции в недвижимость и «сдвигают» изолинии плотности населения, размещение населения влияет на транспортные потоки и «материальную» географию инфраструктуры (соотношение светофоров и подземных переходов на трассах разной степени престижности, качество дорожного полотна) и т.д. Представления об эффективном способе ведения экономики диктуют ту или иную экономическую политику и т.д.

Движения за независимость в Америках, как только о них было напечатано, стали «понятиями», «моделями» и настоящими «проектами». Из американской неразберихи родились эти воображенные реальности: национальные государства, республиканские институты, общины гражданства, суверенитет народа, национальные флаги и гимны и т.д. [...] (ничто так не поражает в этом контексте, как полное «вычеркивание» массового рабства из образцовых США XIX в., а также общего языка «образцовых» южных республик.)

В результате, ко второму десятилетию XIX в., если не раньше, «модель» «независимого национального государства» стала доступной для пиратства. [...] Однако в силу своей известности к тому времени эта модель предъявляла определенные «стандарты», слишком заметные отклонения от которых были непозволительны. Даже отсталое и реакционное венгерское и польское мелкопоместное дворянство с трудом, но придерживалось ее [...]. Если «венгры» заслуживали национального государства, то это означало: все венгры без исключения. Этим подразумевалось такое государство, где конечным средоточием суверенитета должно было стать сообщество говорящих и читающих по-венгерски; далее, в свой черед, должны были последовать ликвидация крепостничества, развитие народного образования, экспансия избирательного права и т.д. Таким образом, «популистский» характер ранних европейских национализмов, даже если их демагогически возглавляли самые отсталые социальные группы, был глубже, чем в Аме-

³ Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с франц. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова; Отв. ред. Н.А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985. – С. 56.

риках: крепостничество должно было уйти, легальное рабство было невообразимо – и не в последнюю очередь потому, что концептуальная модель укоренилась окончательно.

Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма⁴.

Когда речь идет об изучении общественных явлений, зачастую важнее знать представление «простого человека» о свойствах предмета, нежели собственно свойства этого предмета. Например, при изучении межнационального конфликта важнее иметь научное знание о мифах, распространенных в одном народе относительно другого, о механизмах формирования и использования этих мифов – нежели «объективные» данные об особенностях быта каждого из народов.

Изучение представлений в географии диктуется теми же практическими мотивами. В частности, в 90-е годы XX в. в США появилось направление «наивной географии», основанное на изучении неспециальных представлений о пространстве. Согласно этому направлению, для изучения бытового ориентирования человека в пространстве надо исходить из того, что человек представляет землю плоской (не по незнанию, но по ненадобности вспоминать о шарообразности земли, отыскивая маршрут в родном городе). Соответственно, в данной ситуации должна применяться другая топография пространства – основанная на представлении о плоскости земли и ее перспективном сжатии. «Наивный» человек воспринимает пространство сбоку, сжимающимся к горизонту⁵. Речь при этом идет не об ущербной топографии, а о контекстной топографии, топографии, применяемой в определенном контексте. Так, классическая топография применяется при строительных работах, «наивная» же – при создании ГИС, ориентированных на неискушенного в картографии пользователя, и потому имеющих самые широкие возможности для распространения (легкость освоения программного продукта определяет круг его пользователей).

Итак, представления есть самостоятельный объект научного изучения безотноси-

тельно к проблеме соответствия/несоответствия реальности. Изучение представлений в географии актуально для решения определенного круга географических проблем, не отменяет и не конкурирует с другими научными отраслями.

Представления – в голове?

Различные подходы к изучению представлений подразумевают различные предметы исследования. Наиболее очевидно существование закономерностей **психологического уровня**; представления рассматриваются при этом как результат деятельности сознания. Соответственно, исследователь концентрируется на самом *процессе мышления*: восприятия, организации и использовании информации мозгом.

Для географии этот уровень изучения представлений интересен, главным образом, полученными выводами. В частности, современная психология полагает, что сам процесс восприятия информации носит направленный характер. При этом особенности восприятия обуславливаются не только (и не столько) «объективным» характером информации, сколько готовностью человека к ее восприятию (понятно, что географическая карта будет для неподготовленного человека просто цветной мозаикой – на самом же деле так обстоит дело и с восприятием любой информации, даже на бытовом уровне). То, что воспринимает человек из некоторого потока информации, и то, как его сознание «распоряжается» воспринятым, во многом обусловлено его предыдущим мыслительным опытом, в свою очередь, связанным с культурной средой существования человека, определенными традициями и т.д. Таким образом, закономерным оказывается вопрос о существовании социально-культурных (и шире – вообще средовых) закономерностей в области представлений.

Таким образом, появляется второй – после психологического – уровень изучения представлений; условно назовем его **ментальным**. Научные исследования ведутся здесь, в основном, в направлении моделирования типичного знания (какие знания, оценки и решения типичны для такой-то группы

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – С. 103–104.

⁵ Существует, однако, и противоположная точка зрения: о врожденной способности ориентироваться так, как если бы земля воспринималась сверху – см. работы Ю.Ф. Книжникова.

населения). По сути, это аналог характерного для социологии изучения *среднего человека*.

Типичные для той или иной социальной группы представления связаны с общностью познавательного опыта членов этой группы – и дают основания для предположений о возможной общности их поведения в определенных ситуациях. Именно этот аспект широко используется в так называемой поведенческой географии, имеющей дело с социально-ментальным уровнем представлений.

Однако, типичное для социальной группы знание обычно включает довольно разнотипные фрагменты: какая-то часть представлений усваивается в школе, какая-то – под влиянием вчерашней телепередачи, воспринятой в контексте уже имеющегося знания, и т.д. Социологическая исследовательская «оптика», как правило, настроена на изучение этой неоднородной массы в целом, «всем куском».

Между тем среди этого, казалось бы, хаотического набора информации есть фрагменты, образующие *целостные, внутренне уравновешенные системы*. С такими системами связан третий – **культурный** (т.е. изучающий культуру) уровень исследования представлений. Если на психологическом уровне изучались представления «в одной голове», а на ментальном – «в нескольких однотипных головах», то системы, изучаемые на культурном уровне, можно вообще не привязывать к конкретной «голове»: они не «вмещаются» в нее. Точнее, в каждом конкретном сознании существует некий вариант культурной системы, изоморфный остальным, ее индивидуальный слепок (иногда же – оторванный от системы фрагмент, «черепок» разбитой культурной системы).

Классическим примером такого «надсознательного» существования культурных систем служат сказки⁶. Так, из сказки в сказку некий герой совершает путь к некоторому сверхъестественному благу (вечная молодость, прекрасная царевна и полцарства впридачу и т.п.), причем по пути обязательно преодолевает стереотипный набор препятствий с некоторыми вариациями (проходит дремучий лес, бьется у моста с чудовищем и т.д.), а также встречается с человеком, обладающим сверхъестественной силой (типа Бабы Яги), притом обязательно ущербным

физически (костяная нога, один глаз и т.п.). Все это повторяется от сказки к сказке у самых разных народов. При этом, несмотря на общий сюжет, сказка может быть рассказана в бесчисленном множестве вариантов (переложений, экранизаций), среди которых нет и не может быть *самого* правильного: сказка, воспринимаемая нами через конкретные тексты, живет как бы помимо них – точнее, сразу во всей их совокупности (так называемый бриколлаж).

Как и сказка, другие отнесенные нами к культурному уровню представления существуют как бы «за» конкретным сознанием. Ряд исследователей полагает, что существование таких систем представлений связано с подсознанием. Они доступны для изучения через конкретные тексты и другие виды репрезентаций – напомним, содержательно различающихся между собой. Предметом научного анализа при этом служит нечто общее во всей совокупности репрезентаций, а именно, набор и соотношение устойчивых смысловых элементов. Таким образом, культурный уровень изучения представлений – уровень обобщений, уровень смысловых систем.

Одна из наиболее актуальных для географии универсальных культурных систем представлений – система представлений о централизованном пространстве, включающая образы центра, границы и периферии, с целым комплексом представлений о свойствах соответствующих пространств. Ее элемент – образ обладающего сверхъестественной силой Центра: само пространство Центра влияет на происходящие в нем события, в том числе, очень часто сообщает особую крепость данным в нем клятвам. Система представлений о пространстве центра и периферии, заметим, не только элемент традиционных сказок и мифов (о идущем через препятствия и «бабок ёжек» к Центру молодце), но активно используется в современных идеологиях централизованных государств (например, типичным вариантом репрезентации такой смысловой системы служит советский кинофильм «Свинарка и пастух» с освященной силой Центра знакомством героев, с «пропеванием» почти что заклинания о сверхъестественной силе Москвы: «И в ка-

⁶ Классическое исследование сказки: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. – М.: Либринт, 2000. – 336 с.

кой стороне я не буду, По какой не пройду я траве, Друга я никогда не забуду, Если с ним подружился в Москве»).

Своеобразным видом смысловых систем (хотя и существенно отличных от собственно сказки) можно считать так называемые дискурсы – способы видения и, соответственно, описания ситуаций. Понятие дискурса проще всего объяснить на примере: журналисты, называющие некую ведущую боевые действия группу людей вооруженным формированием, отрядом повстанцев или бандой сепаратистов используют разные дискурсы.

Дискурс – один из примеров того, как текст может нести информацию помимо той, что непосредственно «хотел сказать автор»: например, о неартикулированном напрямую отношении к описываемому событию, о характере самой ситуации описания (официальной или неофициальной), об уровне образования говорящего и т.д. Изучение дискурсов – переходный этап к изучению представлений, запечатленных в самом языке их описания – причем не только в выборе лексики, но, например, в грамматических правилах.

Принятое в языке соотношение слов, употребление предлогов тесно связано с определенными смысловыми конструкциями, естественными для данного языка. Так, например, в русском языке коричневым традиционно не принято называть некоторые объекты естественного происхождения (бурый – но не коричневый – медведь, каштановые – но не коричневые – волосы; не принято называть коричневыми стволы деревьев или землю), что, по мнению лингвистов, отражает запечатленное в языке представление о «коричневом» не только как о чем-то имеющем соответствующий цвет, но также отличающимся искусственным происхождением. О полуострове Крым говорят «в Крыму», что соответствует представлению о Крыме как об острове или отдельной стране (в отношении полуостровов принято употреблять предлог «на»: на Камчатке, на Чукотке)⁷.

Представления этого уровня – назовем его **лингвистическим** – дальше всего от тех, что «находятся в голове» конкретного человека. Действительно, говорящий о Крыме едва ли сознательно подразумевает его тер-

риториальную принадлежность (исключение здесь – современная проблема с целенаправленным внедрением выражения «в Украине» вместо «на Украине», связанного с аналогичными языковыми обстоятельствами). Зафиксированные в языке представления (говорят о языковой картине мира) связаны уже не с «головой», но с историей формирования языка как автономной системы, а через язык – с историей соответствующего народа (в частности, языковой образ Крыма, возможно, связан со временем Крымского ханства⁸).

Изучение представлений в географии

Понятно, что один и тот же объект может изучаться представителями различных профессиональных и научных сфер. Так, город может служить объектом исследования архитектора, климатолога (климат города), историка искусства и просто историка, специалистов по миграциям, общественному транспорту и географии промышленности, собственно геоурбаниста. Каждый видит в городе свои аспекты, «встраивая» город в систему знаний своей специальности. Аналогично, сфера представлений не может быть запретной для географа – при том, что географ будет изучать представления со своей точки зрения.

При всем богатстве подходов, веками уживающихся под крышей названия «география», легко можно выделить две основных тенденции, с переменным успехом претендующие на главенствующую роль, но само существование каждой из которых едва ли вызовет возражения. Обе они применимы и для изучения представлений.

Первая тенденция – изучение взаимовлияния различных объектов и явлений, связанных общей территорией: это изучение ландшафта или, скажем, территориально-производственного комплекса – иными словами, комплексное изучение «вертикальных», привязанных к месту систем.

Вторая – изучение пространственной организации («горизонтальных» взаимосвязей) в рамках некоторой совокупности однородных по природе объектов: это, например, географические исследования динамических пространственных

⁷ См.: Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.

⁸ Там же.

систем от ландшафтной катены до теории центральных мест.

Две этих основных тенденции, так или иначе сочетаясь между собой – например, почти поровну они представлены в типичных отраслевых исследованиях от гидрологии до географии промышленности – лежат в основе абсолютного большинства географических подходов.

Распространив две данные тенденции на область представлений, получим два возможных географических подхода: это комплексное изучение образа места и изучение систем пространственных представлений. Оба подхода – образа места и систем пространственных представлений, в принципе, применимы для изучения представлений различного уровня от психологического до лингвистического. Приведем некоторые примеры.

1.3.1. «Крайние» слои представлений (психологический и лингвистический) до настоящего времени интересовали географов значительно слабее ментального и культурного. Тем не менее, примеры таких работ можно найти.

Так, рассуждения американского географа Йи Фу Туана о топофилии⁹ и топофобии – хотя его труды в целом близки культурологии – по-видимому, можно классифицировать как работу по психологическому образу места.

Психологические представления о пространственных системах служат предметом анализа группы географов из университета г. Буффало¹⁰. Специалисты по геоинформатике, они исследуют восприятие человеком пространства через простейшие формы (арел, площадь, длины и размеры и т.п.). Эта деятельность связана с практикой создания ГИС – в частности, ГИС, наиболее адекватных сознанию неискушенных в географии пользователей компьютеров (направление так называемой наивной географии).

1.3.2. Ментальный уровень представлений широко изучается так называемой *поведенческой* географией – целым направлением, уже достаточно давно, с 50-х годов XX в., развиваемым географами, главным образом, англоязычных стран.

Образ места – одна из традиционных тем поведенческой географии. В наиболее глубоких работах представления о месте рассматриваются в поведенческой географии в связи с условиями их формирования, причем учитываются как собственные особенности соответствующего места, так и особенности информации, чаще всего опосредующей формирование образа. В качестве примера типичного частного исследования приведем анализ образов мест по их официальным сайтам в сети Интернет. Суть работы – в изучении влияния той или иной информации, а также формы ее подачи, на восприятие страны; правомерность вопроса обусловлена положением, согласно которому информационные ресурсы страны ставятся в один ряд с другими ее ресурсами (от климатических до образовательных). Работа имеет прикладное значение для развития экономики стран, особенно таких отраслей как туризм, банковское дело и инвестиционная деятельность.

Классическим исследованием пространственной системы представлений ментального уровня стала книга американского архитектора К. Линча «Образ города»¹¹. Хотя название книги отсылает к «вертикальной», комплексной традиции изучения места, суть ее связана с восприятием и использованием города как «горизонтальной» пространственной системы, состоящей из *путей, границ, районов, узлов и ориентиров*. Пожалуй, это одна из наиболее разработанных географических моделей систем пространственных представлений вообще.

Среди прочих К. Линч использовал в своей книге метод ментальных карт – характерный признак последовавших географических исследований пространственных систем представлений.

Отличительной чертой исследований представлений ментального уровня до настоящего времени является акцент на изучение восприятия и/или принятия решений в ущерб собственно содержанию представлений. Основной вопрос такого рода исследований (как «вертикальных» исследований образа места, так и «горизонтальных» исследований систем пространственных представ-

⁹ См.: Tuan Yi-Fu. *Topophilia* (a study of environmental perception, attitudes, and values). University of Minnesota, 1976..

¹⁰ См.: Mark D.M., Frank A.U. (Eds.). *Cognitive and linguistic aspects of geographical space*. – Cleveland, 1990. – 519 p.; также см.: <http://www.geog.buffalo.edu/ngia/i21/ng/NG51.html#RTFToC1> -- Egenhofer M.J., Mark D.M. *Naive Geography*.

¹¹ Линч К. *Образ города* / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

лений» можно сформулировать следующим образом: «Что известно группе лиц А об объекте X (или группе объектов X_{1-N})».

Чаще всего при таком подходе исследователь имеет дело с пространственными стереотипами – это те представления, которые актуализируются в ответ на вопросы типа «что для вас Москва», «с чем для вас ассоциируется Америка» – т.е. наиболее общие, «бесконтекстные», представления. К особому виду стереотипам мы относим и традиционные вернакулярные районы¹². Как и все стереотипы, пространственные стереотипы представляют собой обобщенные, предельно выхолащенные суждения – скорее «метки» сознания, чем полноценные образы.

1.3.3. Отличительным признаком исследований представлений культурного уровня служит используемый в них методический прием: поиск системы, в которую «вписывается» изучаемый комплекс представлений, ради которого производится отбор материала; из «всего, что известно» (ментальный уровень) вычлняются куски, адекватные той или иной культурной системе.

Одно из наиболее глубоких исследований образа места на культурном уровне принадлежит культурологу и филологу В.Н. Топорову – «Петербургский текст русской культуры»¹³. Топоров выстроил целостную систему представлений о Санкт-Петербурге и его пространстве, основные элементы которой повторяются из текста в текст. Мрачные картины петербургских повестей проанализированы на фоне статистического видения города: относительно высокая для России смертность, нездоровая половозрастная структура, скученность застройки, высокий уровень

преступности и т.д. Однако главное, что обеспечивает комплексность топоровской работы – это не соотношение литературы и «реальности», но *потрясающее соединение различных аспектов представлений* о городе. Топоров нашел взаимодополняющие мотивы петербургских описаний: отрицательные природные явления (дождь, тьма, холод, сырость), дополненные планировочными особенностями (теснота квартир и дворов), достраиваются того же тона «настроенческими» (ночные размышления, тоска) и социальными (одиночество, самоубийства) аспектами – и т.д. вплоть до эсхатологических картин потопа как возмездия проклятому городу; этот мрачный ряд противопоставит светлому: ширь Невы и перспективы проспектов, очищение, торжество разума и т.п. образуют столь же полную систему. Для географии важно, как различные системы смыслов соотносены с пространством города: по сути, Топоровым даны соответствия систем «общечеловеческих» и пространственных смыслов; город размечен на участки различного духовного значения.

К исследованиям «горизонтальных» географических систем представлений можно отнести, например, работы по структуре мифологического пространства (другие работы В.Н. Топорова¹⁴, а также М. Элиаде¹⁵; упомянем в этой связи и работы российского географа Г.Д. Костинского¹⁶). В зарубежной географии в последнее время популярны исследования по тематике колониализма и постколониализма (в нашем случае интересны работы ряда британских географов¹⁷) Суть такого рода работ в изучении зависимости восприятия образов стран от имперской (коло-

¹² Zelinsky W. North America vernacular regions // Annals of the association of American geographers. – Vol. 70. – № 1. – March 1980. – P. 1–16.

¹³ См., например, в книге: Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

¹⁴ Ключевая работа: В.Н. Топоров. Пространство и текст. // Текст: семантика и структура. Отв. ред. Т.В. Цивьян. – М., Наука, 1983. – С. 227–284.

¹⁵ См., например: Элиаде М. Космос и история: Избранные работы / Пер. с франц. и англ.; Общ. ред. И.П. Григулевича и М.Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.; Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

¹⁶ Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. – Серия географическая. – 1997. – № 5.

¹⁷ Назовем некоторые работы, позволяющие судить о состоянии исследований в данной области: Driver F., Gilbert D. (Eds.) Imperial Cities: Landscape, Display and Identity. – Manchester: Manchester University Press, 1999. – 283 p.; Ryan J.R. Picturing Empire: Photography and the Visualization of the British Empire. – Chicago: University of Chicago Press, 1997. (См. также рецензию: Annals of the Association of American geographers. 1999. – Vol. 89. – № 2. – P. 366–368. By J. R. Gold); Crowhurst A. Empire theatres and the empire: the popular geographical imagination in the age of empire // Environment and Planning D: Society and Space. – 1997. – Vol. 15. – P. 155–173; Driver F., Gilbert D. 'Heart of Empire? Landscape, space and performance in imperial London' // Environment and Planning D: Society and Space. – 1998. – 16. – P. 11–28.

ниальной) точек зрения, накладывающих на итоговые образы, а также на рукотворный ландшафт весьма характерные отпечатки.

Изучение «горизонтальных» систем пространственных представлений культурного уровня пока ведется на уровне отдельных типов таких систем (выше приведены примеры исследований мифологического и имперского типов). Между тем, нам видится очень перспективным широкий теоретический подход к данной проблеме (соответствующее направление мы предлагаем называть когнитивной географией): выявление различных типов взаимосвязей образов мест, их механизмов и условий взаимодействия.

Более того, нам представляется сомнительным возможность достаточно глубокого анализа собственно «вертикальных» систем пространственных представлений культурного уровня – т.е. без связи с образами других мест. Приведенный пример – работа В.Н. Топорова – не является образцом строго «вертикального» исследования образа места: важным аспектом исследования является соотнесение образа Петербурга с образом Москвы, объясняющее формирование многих особенностей первого. Синтезу «вертикальных» и «горизонтальных» исследований соответствует концепция так называемых географических образов, принадлежащая Д.Н. Замятину: суть ее в изучении образа места в контексте образов других мест¹⁸.

1.3.4. Можно назвать немало лингвистических работ, связанных с изучением как языковых образов отдельных стран и народов, так и отраженных в языке пространственных структур (о тех и других можно прочесть, например, в труде Е.В. Рахилиной¹⁹). Однако лингвисты рассматривают такого рода знания как элемент особых – лингвистиче-

ских – систем. Комплексные языковые образы стран в сравнении друг с другом, а также глубоко структурированные системы отраженных в языке пространственных представлений, как нам видится, могли бы стать предметом собственно географических исследований.

Таким образом, спектр научно-географического изучения представлений в географии может охватывать самые различные виды представлений, как индивидуальные, так и коллективные, репрезентированные самыми различными способами.

Географический образ и концепт места

В рамках изучения представлений в географии, таким образом, постепенно развивается изучение нематериальных объектов: образов отдельных стран и территорий, географических образов и локальных мифов, нематериального культурного наследия, символических аспектов формирования культурных ландшафтов²⁰. Ключевым, наиболее часто используемым понятием при этом выступает термин *образ территории* (и как синоним – *географический образ*). Данные понятия используются как некая «единица» географических представлений – между тем за ними в различных случаях стоят содержательно различные объекты.

Рассмотрим возможные трактовки понятий «географический образ»/образ территории.

1. В наиболее поверхностной трактовке географический образ определяется как часть представлений о географическом объекте, основанная на атрибутивной информации о нем (в отличие от пространственной информации)²¹. Между тем доказано²², что провести (вслед за Дж. Голдом²³) строгой границы между пространственными и атри-

¹⁸ Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. – Смоленск: Изд-во «Ойкумена», 1999. – 256 с.

¹⁹ Рахилина. Ук. соч.

²⁰ Замятин Д.Н. Ук. соч.; Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003; Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: Аграф, 2004; Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006; Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001; Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) / Науч.ред. Ю.А. Веденин. – М.: Ин-т Наследия, 1998; Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. – Смоленск: Ойкумена, 2004.

²¹ Замятина Н.Ю. Взаимосвязи географических образов в страноведении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. – М., 2001. (На правах рукописи). Мир глазами россиян: Мифы и внешняя политика. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

²² Замятина, 2001.

²³ Голд Дж. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Авт. предисл. С.В. Федулов. – М.: Прогресс, 1990.

бутивными представлениями нельзя: информация о местоположении объекта автоматически несет информацию о его свойствах в силу явления трансляции географических образов. Само разделение информации на атрибутивную и пространственную оказывается условным. Поэтому географический образ в данной трактовке оказывается синонимом понятия «представления о географическом объекте».

2. Согласно другой трактовке (преобладающей, в основном, в англоязычной литературе), образ территории – мысленное визуальное представление о территории, «картинка», встающая перед мысленным взором в связи с некоторой территорией²⁴. Географические образы в данном понимании, в свою очередь, можно разделить на квазикартографические (образ карты, представляемый в связи с некоторой территорией) и квазипейзажные (любые мысленные «картинки», отличные от представлений о карте, и увязываемые с определенной территорией: элементы пейзажа, достопримечательности, фигуры людей, а также гербы и другая официальная символика и др.).

Образ карты, возникающий перед «мысленным взором» в связи с некоторой территорией, нередко называют ментальной картой (понятие ментальная карта также употребляется в различных значениях²⁵. Американский географ К. Боулдинг дал поистине образное описание именно такого рода образа – ментальной карты:

«Сидя за своим письменным столом, я знаю, где я нахожусь. Я вижу перед собой окно; за ним – несколько деревьев; затем красные крыши зданий Стэнфордского университета; дальше – деревья и верхушки крыши города Пало-Альто; еще дальше – голые золотистые склоны Гамильтоновых гор. Я знаю, однако, больше, чем вижу. <...> Если я снова взгляну перед собой, то за горами, ограничивающими сейчас мой горизонт, есть, я знаю, широкая долина; за ней – цепь

еще более высоких гор; за этими горами – снова хребет за хребтом, пока не появятся Скалистые горы; дальше – Великие равнины и Миссисипи; за ними – Аллегань, еще дальше – Восточное побережье, еще дальше – Атлантический океан...»²⁶

Однако именно данный фрагмент Боулдинга подверг критике психолог, специалист по когнитивной психологии У. Найссер, указав, что предстающие перед мысленным взором «картинки» – отнюдь не заложенный в сознании «образ», а лишь мгновенный «срез» значительно более сложной и главное – динамичной мысленной системы (так называемая «мысленная схема»), происходящей в мозгу человека²⁷. Аналогично, фиксация сознания на той или иной ассоциации, увязываемой, например, с названием страны и служащей предметом многочисленных популярных социологических опросов – лишь мгновенный, ситуативно обусловленный о ситуативной обусловленности ассоциаций см. – пример с молоком коров и т.д.) «срез» более сложных мыслительных структур – и взятый сам по себе вообще не представляется нам в качестве объекта продуктивного исследования.

3. В качестве ключа к пониманию третьей из возможных трактовок понятия образ то же время, определенная «визуальность» характерна и для русской семантики слова «образ» (ср.: «образá» в смысле «иконь»). Икона-образ – не изображение само по себе, но символ, служащий посредником между обыденным миром, «данным нам в ощущении», и миром «горним»: икона трактуется как напоминание, а не изображение.

По аналогии географический образ может рассматриваться не только как изображение, но как представление, презентация сложного, «незримого» явления – в данном случае, происходящих в мозгу человека процессов, сложной сети мысленных взаимосвязей, возникающих «по поводу» определенного географического объекта. Заметим, что

²⁴ Cosgrove D.E. Models, descriptions and imagination in geography // Remodelling geography / Ed. by B. MacMillan. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230–244; Tuan Yi-Fu. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, a. values / With a new pref. by the author. – New York: Columbia University Press, 1990. – 260 p.

²⁵ Замятина Н.Ю. Ментальная карта. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5. М.: Институт наследия, 2008; Книжников Ю.Ф. Зрительный образ местности как геоизображение // Вестник Московского университета. Серия 5. 1999. № 1. С. 31–35; Книжников Ю.Ф. О генетических предпосылках человека картографически отображать окружающий мир // Вестник МГУ. Серия 5. – География. – 2000. – № 6. – С. 8–15.

²⁶ Цит. по: Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 126.

²⁷ Там же. С. 126.

речь здесь не идет о мысленных «картинках» (см. второе значение понятия «географический образ», а о более сложных мысленных «схемах», участвующих в мышлении²⁸.

Подобная трактовка понятия географический образ априори предполагает, что географический образ – это репрезентированные представления, представления не «в голове», но отраженные в той или иной доступной для восприятия форме: визуальный образ, литературный образ («Образ мира, в слове явленный»), в некоторых случаях – даже отдельный топоним («Москва! Как много в этом звуке...»).

Заметим, что обычная географическая карта является, по сути, иконической символической системой – и тем самым, собственно географическим образом в данном значении²⁹.

Остановимся на третьей трактовке географического образа подробнее. По сути речь идет о географическом образе как элементе знаково-символической системы. Из этого следует наличие у географического образа трех основных свойств.

Во-первых, символ (по определению символа в семантике – см. например...) может быть понятен только тому, кто знаком с соответствующей символической системой (язык, культурный код и др.): «...много в этом звуке для сердца *русского* слилось», но для нерусского (скажем, японского или даже готтентотского) сердца данная репрезентация представлений русских о Москве (в данном случае, просто топоним «Москва») говорит совсем другое и вообще ничего. Тем самым, географический образ формируется и «читается» только в рамках определенной символической системы (т.е. носителями определенной культуры или субкультуры; говорят также о *коммуникативной компетентности адресата*). Географический образ – не только сам текст (пейзаж и

т.п.) – но и «несомый» им смысл, доступный к пониманию только в рамках соответствующей смысловой системы (системы культурных кодов и т.п.)

Во-вторых, символ есть обозначение сложного в простом – отсюда определение географического образа как «емкой, целостной, компактной» характеристики некоторой территории³⁰.

В-третьих, любой символ (в отличие от знака) подразумевает некоторую вариативность прочтения: обращаясь к географическим образам в данной трактовке необходимо перейти от причинно-следственных к вероятностным построениям, от онтологии Ньютона к онтологии Выготского³¹.

4. Обратимся к тому, что стоит за географическим образом – например, то самое, что «слилось для сердца русского» в звуке «Москва». Среди многочисленных терминов, используемых современными гуманитарными науками для обозначения такого рода представлений, наиболее подходящим нам представляется термин «концепт». Концепт понимается как «сгусток культуры в сознании человека, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру. <...> Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека»³²

Географический образ и концепт места формируют связную структуру, где географический образ «лежит на поверхности», а концепт места отражает то, что «стоит» за данным географическим образом в соответствующей культурно-символической системе.

Пара «географический образ – концепт места» находит свои параллели в других областях знания. Так, например, в концепции общественных представлений Москвичи рассматривается процесс «заякоривания»

²⁸ Там же.

²⁹ О карте как символической системе см.: Берлянт А.М. Образ пространства: карта и информация. – М.: Мысль, 1986. 240 с.; Берлянт А.М. Геоинформатика М.: Астрель, 1996. 208 с.; Берлянт А.М. Виртуальные геоизображения. – М.: Научный мир, 2001. 56 с.; Серапинас Б.Б. Мысленные геообразы и ментальные геоизображения // Вестник МГУ. – Серия 5. – География. – 2007. № 1. – С. 8–12.

³⁰ Замятин Д.Н. Географический образ. Материалы к словарю гуманитарной географии // Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. – М.: Институт наследия, 2007. – С. 273–275.

³¹ Подробнее см., например: Макаров М.Л. основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 15–17.

³² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. С. 43; подробнее о понятии концепт см. там же, с. 43–83. Классическим описанием концепта места можно считать анализ образа Петербурга в «петербургском тексте» русской литературы Топорова: Топоров. Ук. соч.

³³ См.: Макаров. Ук. соч. – С. 69–71.

сложных понятий путем представления их в массовом сознании через относительно простые образы³³.

5. В трактовке Д.Н. Замятина географический образ рассматривается не только как символ, но и как более широкая сеть, комплекс связанных с местом представлений: «система знаков, символов, архетипов и стереотипов»³⁴. С когнитивно-психологической точки зрения синонимами географического образа в данном случае будут фрейм, ментальные репрезентации, возможно – когнитивная схема и др.

При этом большое значение имеют территориальные ассоциации с данным местом – когда, например, сухие водоразделы Черноземья мысленно «разворачиваются» в пустынные пространства Центральной Азии. И даже внетерриториальные (на первый взгляд) ассоциации (с отдельными личностями, понятиями) при этом могут быть территориализованы (по Делёзу) – и тем самым, весь ряд ассоциаций втягивается в пространство. Само мышление превращается в пространственное мышление, а любые образы – в географические, -- что, впрочем, вполне созвучно геофилософии³⁵ и некоторым другим современным европейским философским школам³⁶.

В итоге, мы можем систематизировать рассмотренные объекты, «распределив» каждому объекту наиболее адекватное, на наш взгляд, понятие:

1. **Географический образ** – сжатое репрезентированное представление о некой территории, «работающее» как знаково-символическая система («образ как напоминание») и изучаемое, соответственно, с применением методологии герменевтики и семиотики, структурного анализа и т.п. В такой трактовке географический образ – это знаки и символы территории, предназначенные для «прочтения» компетентным (посвя-

щенным в соответствующую символическую систему) читателем: географические карты для географа, системы ландшафтных вех (поклонные кресты, памятники, заборы, граффити) для местного жителя, вербальные и невербальные (например, кинофильм) тексты, понятные представителям определенной культуры и т.д.

Географический образ в трактовке Д.Н. Замятина будем его называть географическим образом в широком смысле.

2. **Мысленный образ места** (территории) – ассоциации, чаще зрительные, но также и вербальные, звуковые, вкусовые и т.д., возникающие в сознании отдельного человека (или группы респондентов) в связи с некоторой территорией. Мысленные образы зависят от ситуации актуализации, хотя могут быть той или иной степени устойчивости. Это наиболее поверхностный

3. **Концепт места** – обобщенное представление о смысле места, формируемое на базе географических образов.

Определенным образом дополненные и систематизированные концепты места лежат в основе локальных мифов и идеологий, которые, в свою очередь, представляют культурную репрезентацию территориальной идентичности.

4. Совокупность представлений о свойствах места (атрибутивных и пространственных) в сознании конкретного человека или социальной группы можно называть **представлением о месте**. Представление о месте – предмет скорее социологического подхода (или ментального уровня изучения представлений в географии), тогда как концепт места и географический образ – культурно-антропологического (в географии, соответственно – направлений культурного уровня изучения представлений, а именно, когнитивной и сакральной географии, мифогеографии и др.).

³⁴ Замятин, 2007.

³⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.-СПб., 1998. – 288 с.; Замятина Н.Ю. География мысли (Рецензия на книгу: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998.) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 1999. – № 4.

³⁶ Применительно к географии см. также: Тютюнник Ю.Г. Как мы представляем ландшафт? // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. – М.: Институт наследия, 2007. – С. 77–96.

А.Р. Короленко
(г. Москва)

СРАВНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА РЕОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ

Korolenko A.R. (Moscow)

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE IN THE AREA REDEVELOPMENT

Аннотация. В данной статье проанализированы предпосылки, сильные и слабые стороны развития реорганизации территорий, выявлены существенные различия между различными, выделенными школами реорганизации территорий, оценена эффективность каждой модели в рамках школы, даны рекомендации по совершенствованию российской школы и модели реорганизации территорий.

Abstract. This article provides the analysis of background, merits and drawbacks of the area redevelopment trend; it also studies significant differences between various area redevelopment scientific approaches, assesses efficiency of every model, provides recommendations for further improvement of the Russian approach and model of area redevelopment.

Ключевые слова: реорганизация территорий, регенерация городских территорий, джентрификация, реорганизация производственных зон.

Key words: area redevelopment, regeneration of urban areas, gentrification, industrial area redevelopment.

В настоящее время для России актуальна тема реорганизации территорий, что связано с переходом к рыночной экономике и необходимости изменения функционального назначения территорий, в некоторых случаях для повышения эффективности их использования. Данная статья посвящена раскрытию термина «реорганизация территорий», его развитию и географии распространения на примере зарубежного опыта.

Актуальной проблемой, тесно связанной с понятием реорганизаций территорий является поиск путей повышения эффективности использования территорий, главным образом, городских, что включает в себя решение задач управления и финансирования с учетом экономических особенностей региона.

Понятие «реорганизация территорий» часто заменяется понятиями «трансформация территорий» или «редевелопмент», которое основывается на понятии «девелопмент». Применительно к недвижимости термин «девелопмент» подразумевает развитие объектов недвижимости, связанных с их качественным преобразованием. Это совокупность действий, направленных на изменение объекта и повышение его эффективности, что влияет на повышение цены. Второе значение этого термина трактуется как профессиональная деятельность по организации процессов девелопмента.

Автор статьи выделяет три уровня реорганизации: микро-, мезо- и макроуровень.

На *микроуровне* реорганизация тесно взаимосвязана с изменением функционального назначения отдельных помещений или зданий. Такой опыт интересен с точки зрения изучения формирования рынка недвижимости отдельных городов или городских территорий.

На *мезоуровне* реорганизация затрагивает городские зоны, в первую очередь, в настоящее время, производственные. Реорганизация городских зон широко распространена в развитых странах, что связано с переходом к постиндустриальному развитию и выражается в изменении функционального назначения территорий. Предметом реорганизации является процесс изменения назначения земли, его развитие и основные закономерности, объектом – изучение накопленных знаний о территории, подвергающейся реорганизации.

На *мезоуровне* реорганизацию можно условно поделить на два вида, в зависимости от приоритета мотивации изменения назначения территории (социальной или экономической): джентрификацию и реорганизацию городских зон.

На *макроуровне* реорганизация тесно взаимосвязана с понятием «Городской регенерации», которое официально появилось в 1954 г., но по факту существовало с 1950 г. [1] и было

связано с необходимостью изменения функционального назначения отдельных районов Бостона (промышленных и районов старого жилья) под парки и офисы. В процессе реорганизации могут трансформироваться общественные зоны, производственные, жилые и прочие.

Реорганизация территорий – изменение функционального назначения территорий в соответствии с наилучшим и наиболее эффективным использованием городской земли.

Изучение реорганизации территорий в Российской Федерации опирается на рассмотрение и анализ зарубежного опыта. На основании изученного материала: научных статей, докладов конференций, книг, посвященных мировому опыту реорганизации территорий, автор данной работы выделяет четыре школы: американскую, европейскую, южно-азиатскую и российскую. Каждая из них отличается от другой в силу своих специфических и уникальных черт. Внутри каждой школы была выделена соответствующая модель, которая, по мнению автора присуща школе.

Основной школой изучения реорганизации автор данной работы посчитал американскую, поскольку именно в США реорганизация развита на всех трех уровнях. Реорганизация как широкомасштабное явление появилась в США после Великой депрессии в 1940-х годах XX века и представляла собой изменение функционального назначения земель, занятых трущобами. США обладают уникальным опытом реорганизации городских территорий, а также джентрификации. В Вашингтоне действует Институт городских земель (ULI) – некоммерческое образовательное и исследовательское учреждение, которое на сегодняшний день насчитывает 17 тысяч членов и партнеров в 60 странах мира, представляющих весь спектр дисциплин, связанных с землепользованием и развитием.

Члены ULI работают в Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Нидерландах, Португалии, Турции и Франции. [2] В Бостоне функционирует центр городской и региональной политики Северо-Восточного университета, основанный в 1999г., занимающийся вопросами городского планирования, экономического развития, городского и местного финансирования, транс-

портного планирования. Данные Институты отдают приоритет изучению реорганизации на всех трех уровнях. К основным направлениям исследований Институты относятся регенерация городских территорий, джентрификация, реорганизация производственных зон.

Уровень изученности явления американской школой автором оценивается как высокий. Внутри школы выделяются свои специфические черты, делающие ее уникальной. Выделяются основные направления исследований, существуют Институты, изучающее явление на всех существующих уровнях: на уровне городской регенерации, реорганизация производственных зон, джентрификации и реорганизации (реконструкции, модернизации) помещений – макро-, мезо- и микроуровни.

В рамках школы автор выделяет *американскую модель реорганизации территорий*, рис. 1.

Европейская школа реорганизации стала активно формироваться в 1940–50-е годы XX века и затронула все развитые страны, столкнувшиеся с проблемой необходимости изменения функционального назначения территорий по разным объективным причинам. К направлениям исследования европейской школы следует отнести реорганизацию производственных зон и «культурную регенерацию». То есть, также как в американской школе, реорганизация представлена на всех трех уровнях. Главной европейской страной в области реновации производственных территорий можно считать Великобританию (университет Оксфорд; Школа изучения городского пространства, Бристольский университет; Департамент земельной экономики, университет Абердин (Шотландия пр.)). В Европе также проводятся конференции и публикуются работы, посвященные теме реорганизации. В частности, среди стран, ученые которых активно занимаются изучением темы реорганизации, следует также выделить: Германию, Францию, Австрию, Португалию, Италию, Нидерланды и Испанию. В связи с реструктуризацией экономики Рурского бассейна, еще в 1970-е годы в Германии было написано значительное количество научных работ, посвященных реорганизации старопромышленных районов Германии, и легших в основу механизмов изменения функционального назначения произ-

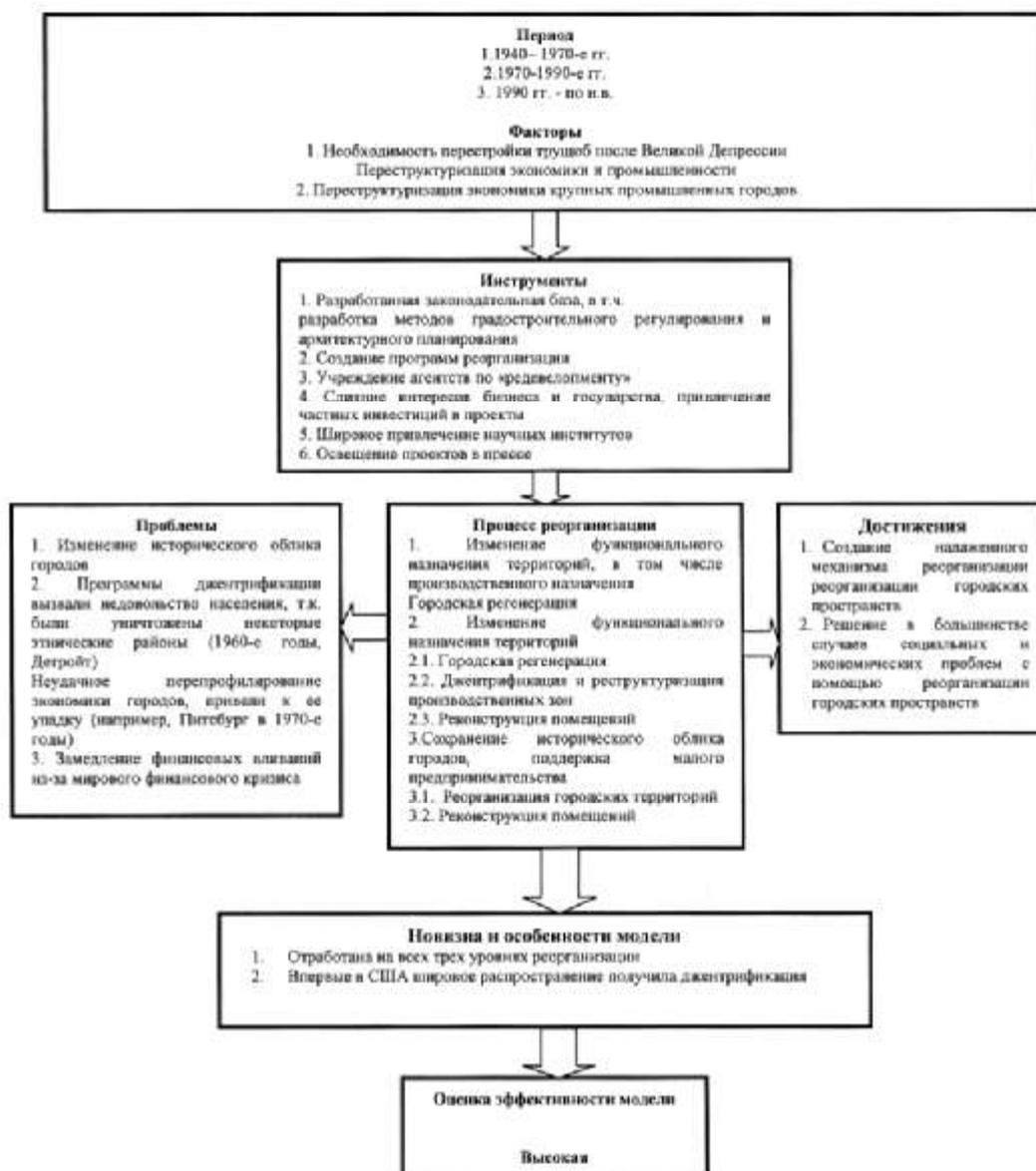

Рис. 1. Американская школа реорганизации территорий

водственных территорий. Отдельно следует выделить Турцию, чье развитие в данном научном вопросе во многом ориентировано на труды английских и голландских ученых (Технический Университет в Анкаре, Измирский Институт Технологий и пр.).

Для европейских стран с развитой экономикой характерно понимание необходимости учёта исторических и природных особенностей каждого региона, для которого планируется проведение реорганизации. При этом в европейских странах не создавались агент-

ства, как в США[3]. Каждый проект контролировался напрямую государством и проводился с привлечением государственных организаций и частного капитала. В европейских странах проработан механизм осуществления реорганизации на законодательном и исполнительном уровнях.

Особенностью развития реорганизации в Европе заключается в том, что реорганизация распространялась как диффузия инноваций, затронув сначала страны с наиболее развитой экономикой и затем коснулась

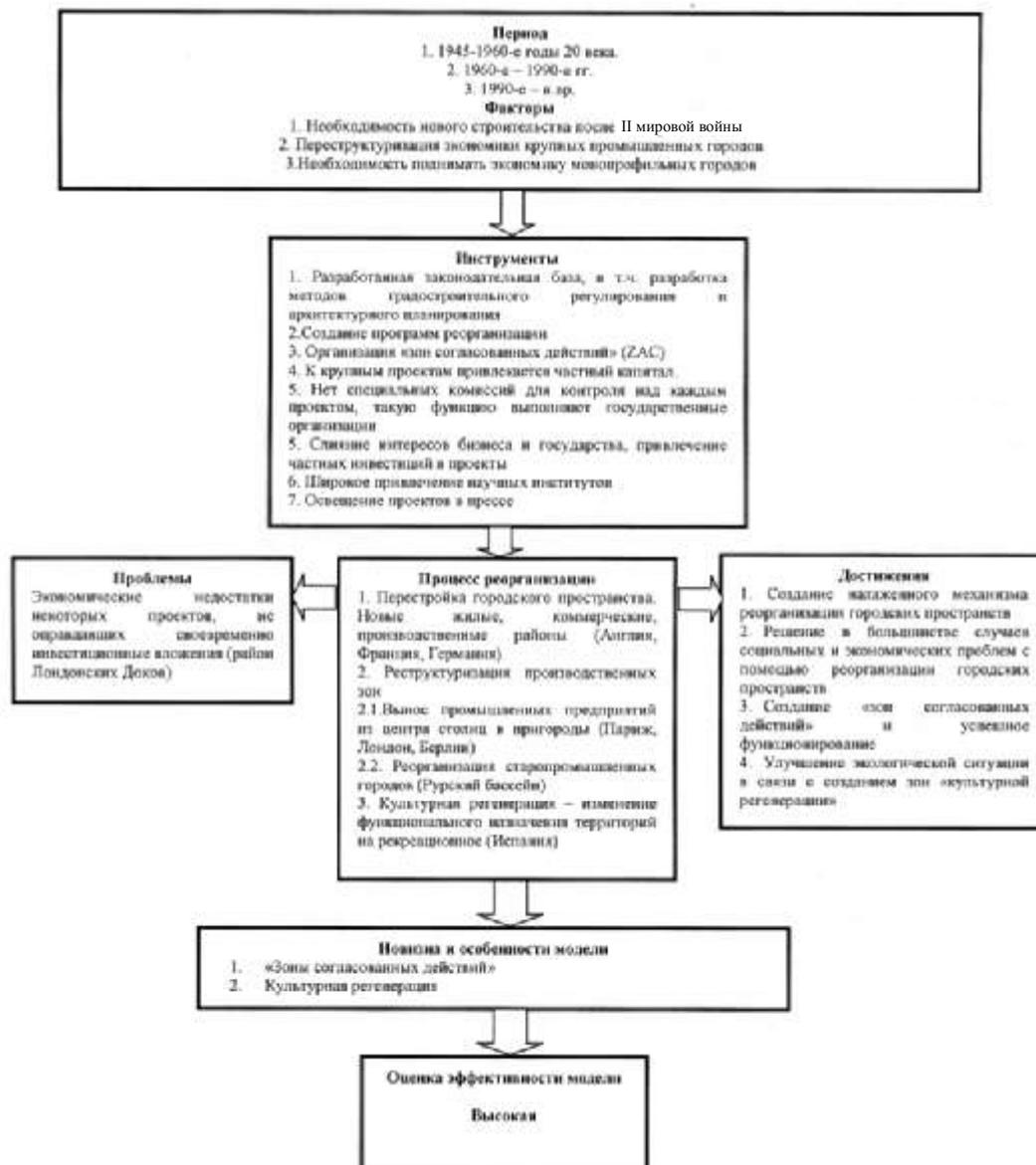

Рис. 2. Европейская школа реорганизации территорий

стран с менее развитой экономикой, что связано с вытеснением промышленных производств сферой услуг и появившейся в связи с этим необходимостью изменения функционального назначения территорий.

В настоящее время в Европе реорганизация территорий происходит в соответствии с единой, согласованной политикой Евросоюза. Для Европы особенно характерна «культурная регенерация».

Уровень изученности явления европейской школой автором также оценивается как

высокий, но не столь высокий как американской школой. Внутри школы выделяются свои специфические черты, делающие ее уникальной. Выделяются основные направления исследований, существуют Институты, изучающие явление на всех существующих уровнях.

В рамках школы выделяется *европейская модель реорганизации территорий*, рис. 2.

Южно-азиатская школа реорганизации сформировалась под влиянием европейской и американской школ. Ее форми-

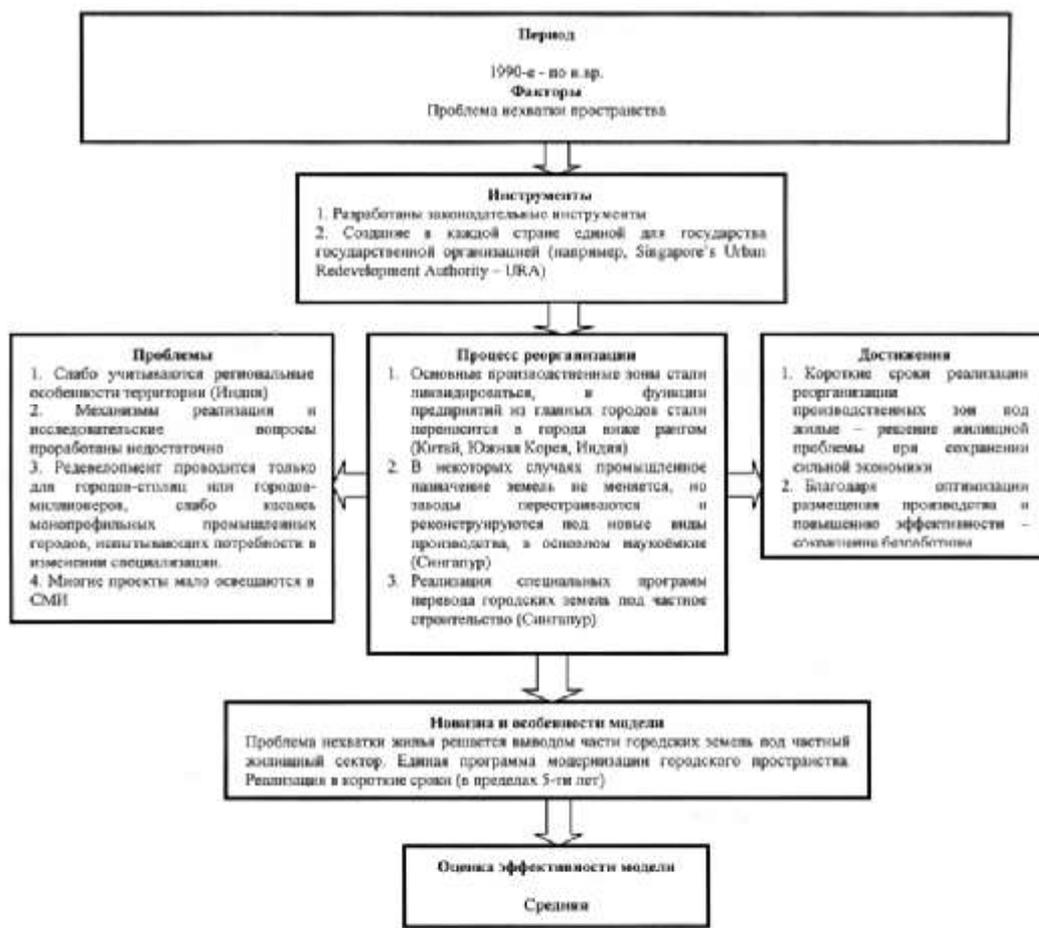

Рис. 3. Южно-азиатская школа реорганизации территорий

вание было вызвано необходимостью изменения функционального назначения городских территорий под коммерческую недвижимость и жилье вместо производственных зон и ветхого жилья. В большей степени реорганизация представлена джентрификацией, в меньшей – реорганизацией территории производственных зон. Среди стран, занимающихся вопросами реорганизации можно перечислить: Китай, Сингапур, Южную Корею, Индию и пр. Среди Институтов, занимающихся этим вопросом, следует перечислить: Пекинские исследовательские институты, Департамент недвижимости, школа дизайна и окружающей среды, Национального Сингапурского университета; Южнокорейский исследовательский институт населенных пунктов, и пр.

Южно-азиатская школа реорганизации во многом дублирует европейскую, но сла-

бо учитывает региональные особенности территории (например, как это происходит в Индии). Между тем, регион очень интересен и работы посвященные ему пишутся как европейскими, так и американскими учеными. По мнению автора, механизмы реализации и исследовательские вопросы в южно-азиатской школе проработаны недостаточно. Во второй половине XX века стремительно стали расти города Азии, обостряя тем самым проблемы нехватки пространства. В частности, в Китае, Сингапуре, Южной Корее, возникла необходимость изменения функционального назначения производственных зон под коммерческую и жилую недвижимость либо под другие виды промышленности. То же самое касается и Индии. В процессе реорганизации основные производственные зоны стали ликвидироваться, и функции предприятий из главных городов стали переноситься в города ниже

рангом. Этот процесс начался в 1990-е годы и продолжается по сей день. На вооружение был взят опыт США и используется активно джентрификация как элемент внутренней политики стран. В некоторых случаях промышленное назначение земель не меняется, но заводы перестраиваются и реконструируются под новые виды производства (Сингапур). На вооружение в таких случаях был взят опыт американской модели, оправдавшей себя в Бостонской городской агломерации.

К примеру, в Сингапуре все процессы реорганизации территорий в городе контролируются государственной организацией Singapore's Urban Redevelopment Authority (URA), которая разработала детализированный Мастер-план развития города, согласно которому Сингапур был разделен на 55 территорий, каждая территория затем делится на субзоны, у каждой из которых есть коммерческий центр. Размер территории каждой субзоны зависит от ее назначения и существующей инфраструктуры [4]. Изменения вносятся каждые 5 лет. Практика выделения субзон с коммерческим центром и разработка на них мастер-плана на 5 лет была бы полезна для применения в Российской школе.

Существует опасность того, что Южно-Азиатские страны до конца не учтут опыт США в джентрификации, что может привести к усугублению социальных проблем. К проблемам работы модели можно отнести малую изученность явления реорганизации местными учеными. Многие проекты мало освещаются в СМИ. Если в странах Европы и США реорганизация как явление устанавливался больше века, то в Южно-Азиатских городах-миллионерах процесс идет гораздо быстрее.

Уровень изученности явления южно-азиатской школой автором оценивается как средний. Внутри школы выделяются свои специфические черты, делающие ее уникальной. Выделяются основные направления исследований, существуют Институты, изучающие явление на всех существующих уровнях.

Можно говорить о том, что сформировалась *южно-азиатская модель реорганизации территорий*, рис. 3.

В стадии формирования находится российская школа реорганизации. В СССР явление реорганизации территорий не существовало в том виде, в котором она суще-

ствует сейчас, не было разработанных инструментов: градостроительных и социальных программ, законодательной базы, единой концепции развития, преобладала точечная застройка. Сейчас в России вопросами реорганизации занимаются такие организации как, институты архитектуры городов, а в Москве – ГУП «НИ и ПИ Генплана г. Москвы».

Российская школа сформировалась под влиянием европейской и американской школы реорганизации. Реорганизация территорий, в частности, городских производственных территорий, затрагивает в основном города-миллионеры, в меньшей степени проявляясь в монопрофильных городах, и включает в себя реорганизацию производственных зон и реорганизацию зон с ветхим жильем [5]. В настоящее время крупные города России переживают процесс, который Москва прошла 5–7 лет назад. В России научные исследования в области градостроительства, управления недвижимостью и девелопмента долгое время сдерживались недостаточностью современных правоустанавливающих регламентов и опыта реализации в рыночных условиях земельно-имущественных отношений. Современное состояние, условия и перспективы российской реорганизации, в частности, в научной литературе освещены недостаточно, что препятствует формированию оптимальных предпосылок его дальнейшего развития и принятию необходимых нормотворческих решений. Распространенной ошибкой остается непродуманность перемещения производств за границы городов при реорганизации производственных зон и отсутствие четкого механизма взаимодействия между частным капиталом и государством.

Уровень изученности явления российской школой автором оценивается как низкий, переживающей начальную стадию развития. Внутри школы выделяются свои специфические черты, делающие ее уникальной. Выделяются основные направления исследований, существуют Институты, изучающее явление на мезоуровне. В той или иной мере по этому пути идут все государства бывшего СССР.

В рамках Российской школы сформировалась *российская модель реорганизации территорий*, рис. 4.

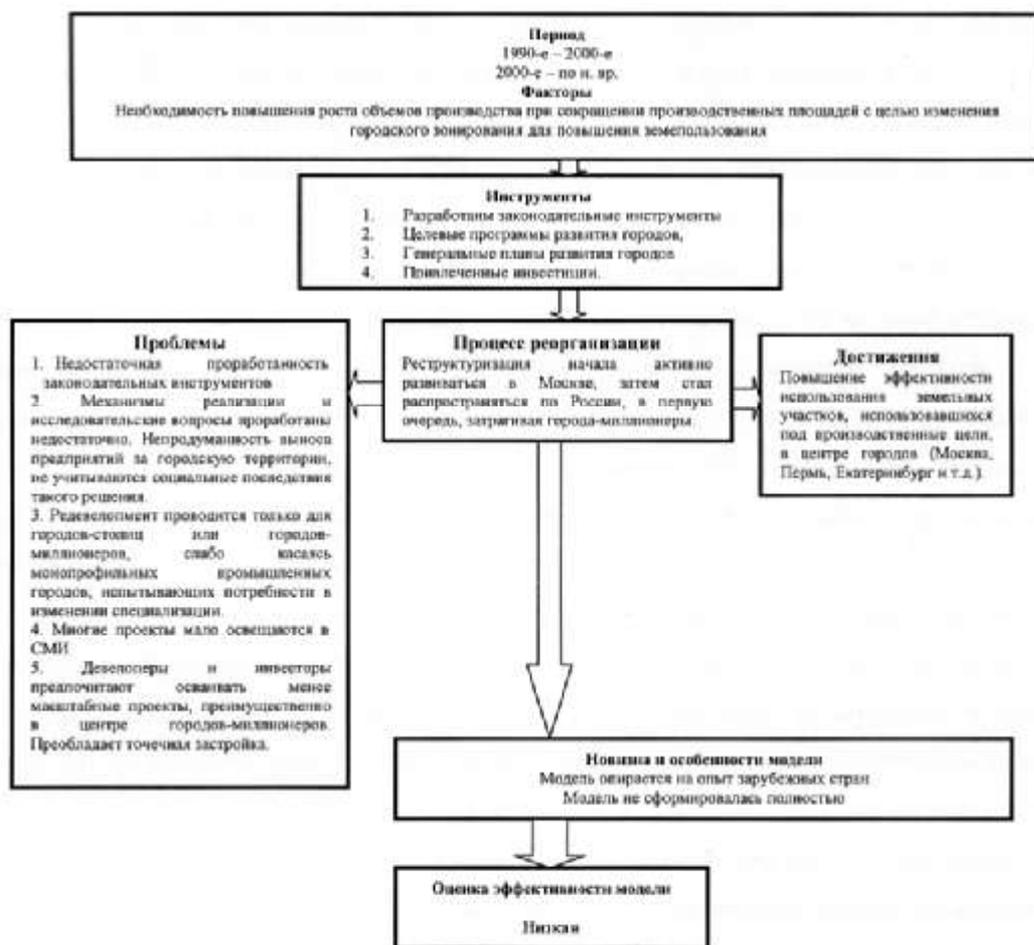

Рис. 4. Российская модель реорганизации территорий

Выводы: во всех школах реорганизация городских пространств является экономическим феноменом, дифференцированным в зависимости от сформированной школы. Наиболее проработаны инструменты в американской и европейской моделях. Недостаточно проработаны инструменты в южно-азиатской и российской моделях. В статье были рассмотрены зарубежные и российские школы и модели реорганизации территорий. Российская школа и, соответственно модель, реорганизации находится в стадии формирования. Автором выделены инструменты различных школ, которые можно было бы использовать при дальнейшем формировании российской школы и внутри ее модели реорганизации производственных зон.

Инструменты *американской* школы:

- разработанная законодательная база, в т.ч. разработка методов градостро-

ительного регулирования и архитектурного планирования;

- создание программ реорганизации; учреждение агентств по «редевелопменту»;
- **слияние интересов бизнеса и государства, привлечение частных инвестиций в проекты;**
- широкое привлечение научных институтов;
- освещение проектов в прессе.
- сохранение исторического облика городов и поддержки малого предпринимательства через реорганизацию.

Рекомендуется взять на вооружение все эти инструменты.

Инструменты *европейской* школы реорганизации:

- создание программ реорганизации,
- организация «зон согласованных действий» (ZAC),

- широкое привлечение научных институтов и т.д.
- для некоторых территорий в Европе предусматривается культурная регенерация, что следовало бы обязательно учесть при реорганизации производственных территорий российской городов.

Инструменты южно-азиатской школы:

В Южной Азии заводы перестраиваются и реконструируются под новые виды производства, в основном на укромные, либо сносятся и на их месте строится жилье. Практика выделения субзон с коммерческим центром и

разработка на них мастер-плана на 5 лет была бы полезна для применения в Российской школе.

Анализ российской модели показывает отставание в вопросах реорганизации территорий. Зачастую реорганизация территорий носит вынужденный характер, а не целевой. Рекомендуется взять на вооружение зарубежный опыт реорганизации на всех трех уровнях и уделить особое внимание реорганизации производственных зон, как наиболее актуальной в настоящее время, используя инструменты зарубежных школ реорганизации территорий.

Библиографический список

1. Официальный сайт города Бостон, штат Массачусетс, США <http://www.cityofboston.gov/>
2. Urban Land Institute (ULI), <http://www.uli.org/>
3. D. Adams, C. de Soussa, S. Tiesdly « Brownfields development : a comparison of North American and British Approaches», Glasgow, UK, Milwaukee, USA, Urban Study, January 2010, Volume 47.
4. Калабеков И. «Россия и Сингапур в цифрах. Огромная страна и крохотный остров», Москва, 2008.
5. Концепция развития научного и промышленного потенциала Москвы до 2025г., титул №1-07/980, ГУП НИ и ПИ Генплана г. Москвы.

З.В. Лысенкова
(г. Смоленск)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ)

Lysenkova Z.V. (Smolensk)
REGIONAL NATURE MANAGEMENT
(THEORETICAL AND CONCEPTUAL APPROACHES)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению природопользования как компонента территориальной организации общества. Особое внимание уделено проблемам развития регионального природопользования горных территорий в контексте концепции «центр – периферия».

Abstract. The article is devoted to nature management studies viewed as a component of the territorial organization of the society. Special attention is given to the problems of regional nature management development of the mountain territories in the context “the center – periphery”.

Ключевые слова: региональное природопользование, дихотомия «горы – низменности», концепция «центр – периферия», устойчивое развитие.

Key words: regional nature management, a dichotomy “mountain – lowlands”, conception “center – periphery”, sustainable development .

Региональный подход в географических исследованиях традиционно обращается к изучению процессов и результатов освоения территории, в ходе которого формируются различные территориальные структуры – расселения населения, природопользова-

ния, производства и т.д. [1]. Эти структуры, охватывающие все пространственные проявления общественной жизни, А.А. Ткаченко [12] рассматривает как компоненты территориальной организации общества (ТОО) в целом. Очевидно, что каждому из компо-

ментов ТОО присуща своя территориальная организация, которая обусловлена спецификой взаимодействующих элементов и характером связей между ними.

В предлагаемой статье основное внимание уделено региональному природопользованию, под которым понимается всё сочетание взаимодействий территориальных социально-экономических структур с природно-ресурсными структурами и природными в целом в пределах некоторой территории [2]. Региональный аспект в данном исследовании связан с горными территориями, особенности которых будут рассмотрены ниже. Ключевыми понятиями при изучении природопользования являются «природные ресурсы» и «природно-ресурсный потенциал». В настоящее время почти общепринято к числу природных ресурсов (см., например, [10]) относить не только природные объекты, тела и явления, т.е. материальные «предметы», используемые человеком для удовлетворения своих разнообразных потребностей, но и эстетические, а также экологические свойства среды (ландшафтов). Включение экологической компоненты в представление о природных ресурсах отражает хотя бы частичное признание обществом того, что усиливается детерминированность социально-экономического развития качеством окружающей среды [7]. Современные представления о природно-ресурсном потенциале (ПРП) также дополнены его экологической составляющей, от которой зависит сохранение и воспроизводство условий существования человека как биологического вида и общества в целом. Компонентная структура и величина природно-ресурсного потенциала имеет свои пространственно-временные особенности, что обусловлено природными условиями формирования, а также социально-экономическими и технологическими факторами использования ПРП.

К изучению природопользования могут быть применены базовые представления о территориальной организации общества, которые сформулированы следующим образом [12]: 1) взаимодополнение мест; 2) гравитационная закономерность; 3) пространственная концентрация; 4) концентрическое строение географического пространства; 5) иерархическое строение географического пространства; 6) стадийность территориального (регионального) развития; 7) принцип

местного соответствия. Как отмечает А.А. Ткаченко, эти положения, отражающие наиболее существенные закономерности ТОО, дают начало большому количеству концепций, моделей, представлений: например, с законом концентрического строения, который восходит к И. Тюнену, связана популярная концепция «центр – периферия». Известно, что «центр» и «периферия» в данной концепции, имеющей непосредственное отношение к исследованию мирового хозяйства как системы, представляют собой функционально различные части пространства: со ссылкой на И. Валлерстайна Р. Taylor и С. Flint [15] пишут, что ядро (центр) эксплуатирует, периферия эксплуатируется.

В.Л. Каганский [6] названную модель (концепцию) применил к культурному ландшафту (как среде, пространству), подчеркнув, что без периферии система лишена гибкости, запаса возможностей. Мы рассмотрим данную концепцию применительно к дихотомии «горы – низменности», которая объективно отражает глобальную особенность физического строения суши, являющейся основной «площадкой» для расселения населения и его деятельности. Исходя из того, что 90% населения мира сосредоточено в пределах низменностей, не сложно предположить, что именно они будут играть роль «центра» по отношению к горным территориям, за которыми достаточно прочно закрепился статус «периферии». В то же время отмечается устойчивый рост исследовательского внимания к горам, обусловленный различными причинами, среди которых и то, что примерно 40% площади суши (включая Антарктиду) занято горными сооружениями. В России к горам и возвышенностям относится уже более 50% площади страны.

Значение горных территорий хорошо обозначено в издании «Горы мира – глобальный приоритет» [4]. Так, авторы этой книги отмечают, что горы не только поставляют необходимые ресурсы (включая половину мировых запасов пресных вод), обеспечивающие жизнеспособность мировой системы, но также при неправильном управлении этими ресурсами потенциально могут оказать опустошающее воздействие на низменности. От устойчивого развития горных территорий, относящихся к разным по уровню социально-экономического развития странам, во многом зависит будущее

как всего человечества, так и конкретных регионов. В качестве наиболее общих условий и тенденций развития горных регионов отмечаются не только их историческая, культурная и ландшафтная пестрота и своеобразие, но и высокая степень экономической зависимости от районов низменностей [4]. В целом, горные регионы находятся на периферии социально-экономического развития (даже в странах «центра» мирового хозяйства), что связано с более высокими производственными затратами на обеспечение жизнедеятельности населения этих регионов. «Правительства склонны рассматривать горы как территории, неблагоприятные для регионального развития. Осуществляются прогнозы о том, что горы становятся все более маргинализированными районами» [там же, с. 116].

Горные регионы России – не исключение из общего «правила» социально-экономической маргинальности современного развития. В перечне главных проблем, присущих горным территориям нашей страны, выделяются экономическая слаборазвитость, неразвитый рынок труда, низкие доходы населения, неудовлетворительное состояние здоровья населения [11, 4 и др.]. Все это относится и к Республике Алтай (РА), охарактеризованной как слабозаселенная и слабоурбанизированная южная периферия Сибири на границе с Казахстаном, Монголией и Китаем, полностью зависящая от федеральной помощи [11]. Периферийный в социально-экономическом смысле статус РА, как и других горных регионов юга Сибири, отмечается одновременно со значительным и разнообразным природно-ресурсным потенциалом (ПРП) этих территорий. Именно с его использованием определяются перспективы и приоритеты экономического развития горных регионов. Например, для Республики Алтай перспективы развития связываются с природно-климатическими рекреационными ресурсами региона, использование которых должно привести к созданию сезонных рабочих мест и увеличению доходов местного населения, а также становлению Алтая курортом всероссийского значения и объектом международного туризма [5]. В числе других приоритетных видов природных ресурсов там же названы лесные (в том числе недревесные) и минеральные (преимущественно строительного назначения). Очевидно, что для реализации этих планов требуется

развитие инфраструктуры, создание условий для развития эффективной многоотраслевой экономики. В соседних с Республикой Алтай по югу Сибири Тыве, Хакасии, Бурятии, где значительные площади так же заняты горами, в структуре природно-ресурсного потенциала заметная роль принадлежит минеральным ресурсам, на базе которых развивается местная промышленность, а также земельным, агроклиматическим и рекреационным.

Признание ресурсного «веса» горных территорий не ускоряет решения проблем их социально-экономического развития, наиболее характерные из которых были названы выше. Серьезные проблемы социально-экономического развития российских горных регионов, в частности, сибирских, связаны с рассмотрением их как сырьевых приделков равнинного центра страны, недостаточной проработанностью крупных хозяйственных проектов с учетом специфики регионального природопользования и других компонентов ТОО, недооценкой экологического значения и т.п. [3, 13]. Другими словами, дальнейшее закрепление за горными регионами статуса периферийных, прежде всего, в социально-экономическом смысле, отражает дефициты в применении системного подхода к изучению территориальной организации общества в целом в интересах устойчивого развития (УР).

Распространение идей УР способствует тому, что важным природным ресурсом признаются особо охраняемые природные территории (ООПТ), которые во многих странах мира, в том числе и в России, образованы и в горных регионах. К сожалению, признание ООПТ в качестве ресурса, с которым, в числе прочих, связано представление о национальном богатстве, практически не отражается в программах социально-экономического развития нашей страны. Так, в перечне причин, обусловивших дотационность Республики Бурятия, наряду со сложными природно-климатическими условиями и географической отдаленностью от крупных промышленных и торговых центров, названо наличие «байкальского фактора» [5]. По данным специалистов ИЭ РАН [8], проводивших оценку природных ресурсов как элемента национального богатства стран мира, доля ООПТ в общем объеме стоимости природных ресурсов в России и США составляет по 5%, в Канаде – 19%, в Дании и Нор-

вегии – 17%, Австрии и Японии – по 21%; доля полезных ископаемых в величине суммарной оценки природных ресурсов (в том же порядке стран) составляет 65, 26, 18, 11, 66, 3 и 2% соответственно. Заметный вклад охраняемых природных территорий в стоимость природных ресурсов в развитых странах (странах «центра» мирового хозяйства) обязан научно обоснованной организации ООПТ, большая часть которых активно эксплуатируется – имеет контролируруемую и регулируемую антропогенную нагрузку в виде экотуризма и традиционного природопользования местного населения.

ООПТ (прежде всего, биосферные заповедники и национальные парки) с присущими им ландшафтами можно рассматривать в качестве «узлов» сохранения локального, регионального и национального экоравновесия, без которого воспроизводство природных ресурсов либо невозможно, либо требует таких материальных, трудовых и денежных затрат, которые обществу не по силам. Игнорирование, сознательное или неосознанное, роли ООПТ в региональном природно-ресурсном потенциале и природопользовании приводит не только к экологическим, но и социально-экономическим потерям в виде утраченного здоровья населения, снижения производительности труда, недополучения сельскохозяйственной и иной продукции, уменьшения притока туристов и рекреантов и т.д. И, наоборот, рациональное использование ООПТ содействует увеличению природно-ресурсного потенциала любых регионов, а также сохранению их критического природного капитала, т.е. необходимых для жизни природных благ, которые невозможно заменить искусственным путем и потому необходимо сохранять при любых условиях.

Участие в географическом разделении труда, обмене функциями, является необходимым условием общественного развития; данное обстоятельство раскрывает содержание такого закона территориальной организации общества, как взаимодополнение мест. Для горных регионов это участие выражается, прежде всего, в поставке своей сельскохозяйственной продукции, древесины, минерального сырья и предоставлении природно-рекреационных услуг для жителей более урбанизированных равнинных территорий. Горные регионы, будучи поставщиками

преимущественно сырья, фактически меняют свой ландшафтно-экологический потенциал, экономически недооцененный, на необходимые местному населению товары, произведенные в странах «центра», в пределах «низменностей». В такой ситуации оказываются многие страны «периферии» мирового хозяйства. Существующий характер обмена между горными и равнинными регионами и их взаимозависимость обуславливает необходимость введения на законодательном уровне норм, касающихся восстановления и сохранения ландшафтно-экологического и, в целом, природно-ресурсного потенциала гор. Однако из-за экономической недооцененности социально значимых экологических свойств окружающей среды и отсутствия социального заказа принятие и выполнение таких нормативов – крайне затруднительная задача.

Биосферные функции гор – регуляторные, продукционные, средо-защитные и восстановительные, а также культурные – дают возможность рассматривать горные регионы как своеобразный экологический резерв мира. Это обстоятельство возвращает нас к ландшафтно-экологическому потенциалу как части ПРП горных территорий. Его величина тесно связана с экологической емкостью территорий (ЭЕТ), которую В.М. Разумовский [9] рассматривает как своеобразный природный ресурс. Оценка ЭЕТ основывается на выявлении доминантных средообразующих ландшафтов (геосистем), от потенциалов устойчивости которых и зависит экологическая емкость территории. В связи с этим, изучение природопользования, особенно его региональных аспектов, требует применения ландшафтного подхода. Здесь следует отметить, что современные представления о ландшафте давно вышли за рамки понимания последнего лишь как природного комплекса. В настоящее время исследования ландшафта все чаще обращаются к его социально-экологической сущности, что подчеркивает взаимосвязь между обществом и окружающей средой. Развиваемая в нашей стране и зарубежом концепция безопасности окружающей среды базируется на сохранении ландшафтной целостности регионов как условия сохранения необходимых экосистемных услуг (выполнения экологических функций) в течение длительного времени для многих поколений и на разных масштабах [14].

*Результаты SWOT-анализа регионального природопользования
(на примере Республики Алтай)*

Таблица 1

Сильные стороны	Слабые стороны
1) Разнообразие природных условий и типов ландшафтов 2) Разнообразный природно-ресурсный потенциал 3) Наличие ООПТ разных рангов, в том числе объектов Всемирного природного наследия 4) Структура ПРП и система ландшафтов с точки зрения положения Алтая в бассейне р. Обь	1) Деградация средообразующих ландшафтов 2) Снижение ландшафтно-экологического потенциала региона 3) Упрощение ландшафтной структуры на региональном уровне 4) Снижение устойчивости ландшафтов к антропогенным нагрузкам 5) Постоянное омоложение природных экосистем
Возможности развития	Угрозы развитию
1) Включение средообразующих компонентов ПРП в стратегию развития региона 2) Оптимизация природопользования на основе учета ландшафтно-экологического потенциала региона 3) Использование ландшафтного разнообразия в организации территории	1) Высокая зависимость использования ПРП от потребностей других регионов 2) Экономическая недооцененность ПРП горных регионов в целом 3) Истоцительный характер природопользования 4) Периферийный социально-экономический статус региона 5) Дефициты в применении системного подхода к планированию регионального природопользования

Ландшафтный подход применительно к целям оптимизации взаимодействия общества и природы позволяет определить для каждой территории «узловые», обуславливающие ее экологический потенциал, ландшафты. Для горных регионов такими «узлами» чаще всего оказываются ландшафты наиболее плотно заселенных котловин и речных долин, а также средообразующих ареалов в каждом высотном ярусе – низко-, средне- и высокогорном. Так, для гор юга Сибири к ведущим средообразующим, требующим к себе особого внимания при разработке региональных планов социально-экономического развития, ландшафтам относятся степные, таежные и гляциально-нивальные геосистемы.

Природопользование и социально-экономическое развитие горных территорий тесно связаны с состоянием ее ландшафтов, которые являются вместилищем (носителем) природных ресурсов и конкретным базисом жизнедеятельности населения. Иначе говоря, ландшафты так же, как и любая деятельность человека в связи с использованием их возможностей, участвуют в определении актуальной и перспективной экологической и социально-экономической ситуации любого региона. Выявление сильных и слабых сто-

рон, например, регионального природопользования, способствует объективному отражению текущей ситуации в регионе; выделение же возможностей регионального природопользования, как и угроз его развитию, направлено на прогнозирование ситуации. Традиционно данные факторы регионального развития в целом и его отдельных составляющих определяются в ходе SWOT-анализа, результаты которого, выполненного с точки зрения ландшафтного подхода к изучению регионального природопользования, представлены в таблице 1.

Отмеченное в таблице содержание факторов современного и перспективного состояния природопользования в Республике Алтай характерно (за исключением положения в бассейне р. Обь) и для других горных регионов России, особенно ее азиатской части. В определении перспективного состояния регионального природопользования горных территорий в целом более выражены угрозы, чем возможности. В качестве возможных угроз развитию регионального природопользования нами выделены опасности, преимущественно связанные с внешними, в том числе институциональными условиями, изменение которых только на уровне регио-

на невозможно. Однако истощительный характер природопользования может и должен преодолевать на региональном уровне.

Таким образом, природопользование, в том числе в его региональном аспекте, будучи компонентом территориальной организации общества (ТОО), развивается в соответствии с ее законами, имеющих множество проявлений, часто комбинирующихся между собой. Одним из наиболее очевидных базовых положений ТОО является закон взаимодополнения мест, хорошо прослеживающийся на примере дихотомии «горы – низменности», которая также может быть рассмотрена в рамках концепции «центр – периферия», раскрывающей содержание закона концентрического строения географического пространства. Если в природной по своему происхождению паре «горы – низменности» горные территории являются равноправными по отношению к низменностям, то в модели «центр – периферия», имеющей социально-экономический харак-

тер, горные регионы – подчиненный и зависимый компонент. Традиционно периферийность горных регионов рассматривается как их положение в экономическом пространстве и констатирует их более низкий уровень социально-экономического развития в сравнении с урбанизированными равнинными территориями. Но периферийный статус горных регионов не соответствует роли их природно-ресурсного потенциала, в том числе экологического, в развитии равнинных регионов. Идея устойчивого развития, предполагающего сочетание глобального, регионального и локального подходов к исследованиям и практической деятельности, актуализирует пересмотр взглядов «центра» по отношению к горным территориям как «периферии». Преобладание угроз развитию по сравнению с его возможностями для гор, что было показано на примерах регионального природопользования, делает невозможным устойчивое эколого-социально-экономическое развитие низменностей.

Библиографический список

1. Алаев, Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Бакланов, П. Я. Динамика и устойчивость регионального природопользования / П. Я. Бакланов // Современные проблемы географии и природопользования. Вып. 5 - 6. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 16–22.
3. Безруков, Л. А. Роль территории Сибири в экономическом развитии России / Л. А. Безруков, Корытный Л. М. // География и природные ресурсы. – 2009. - № 3. – С. 22–30.
4. Горы мира – глобальный приоритет / Ред. Б. Мессерли, Дж. Д. Айвз. Ред. русск. изд. Ю. П. Баденков, В. М. Котляков. – М.: Издат. Дом «Ноосфера», 1999. – 450 с.
5. Гуртов, В. А. Приоритеты экономического развития субъектов Российской Федерации / В. А. Гуртов, Березин Л. Я., Матвеев В. А., Сигова С. В. – М.: Изд-во «Кучково поле», 2005. – 496 с.
6. Каганский, В. Л. Центр – провинция – периферия – граница: основные зоны культурного ландшафта / В. Л. Каганский // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72–101.
7. Лопатников, Д. Л. Постиндустриализм и экологическая перспектива / Д. Л. Лопатников. – М.: АБФ, 2004. – 293 с.
8. Особенности воспроизводства национального богатства в начале XXI века / Отв. ред. Л. И. Нестеров; Ин-т экономики. – М.: Наука, 2006. – 215 с.
9. Разумовский, В. М. Проблемы пространственной организации природопользования / В. М. Разумовский // География на грани веков. Труды XI съезда РГО. СПб: РГО, 2000. – С. 197.
10. Реймерс, Н. Ф. Природопользование: Словарь – справочник / Н. Ф. Реймерс. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
11. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 278 с.
12. Ткаченко, А. А. Территориальная организация общества: элементы общей теории / А. А. Ткаченко // География на рубеже тысячелетий. Труды Русского географического общества. Т. 1. – СПб., 2005. – С. 169–173.
13. Тулохонов, А. К. Системный подход к природопользованию в Байкальском регионе / А. К. Тулохонов // География и природные ресурсы. – 2009. - № 3. – С. 17–22.
14. Mueller, F. Contributions of Landscape Sciences to the Development of Environmental Security / Mueller, F., Jones K. B., Krause K., Li B.-L., Victorov S., Petrosillo I., Zurlini G., Kepner W. G. // Use of Landscape Sciences for the Assessment of Environmental Security. – Springer, 2008. – Pp. 1–17.
15. Taylor P. J., Flint C. Political Geography: world economy, nation-state and locality / Fourth Edition. – Prentice Hall, 2000.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

В.А. Бабурин
(г. Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИИ

Baburin V.L. (Moscow)
GEOGRAPHICAL ASPECTS OF MODERN
ECONOMIC PROBLEMS IN RUSSIA

Аннотация. Автор анализирует возможности устойчивого развития России в условиях нарастающей глобализации мирового хозяйства в сочетании с резким ростом неустойчивости как природной, так и социально-экономической среды обитания человека.

Abstract. The author analyses perspectives of the sustainable development of Russia in increasing globalization of the world economy accompanied by instability of natural, social and economic the man's habitat.

Ключевые слова: Россия, социально-экономические проблемы, устойчивое развитие, глобализация.
Key words: Russia, social and cultural problems, sustainable development, globalization.

Введение. В экономико-географической литературе довольно давно не употребляется понятие «пространственно-временной континуум», как один из инвариантов комплексной парадигмы. А между тем именно пространственно-временной континуум является формой целостности культуры (Дягилев Ф.М., 1998). «Принципиальное отличие пространства как формы общественного бытия от всех иных разновидностей пространства заключается в том, что его возникновение и развитие всецело связано с деятельностью общественного субъекта (общества в целом, социальной группы, индивида). Социальное пространство является специфической формой этой деятельности. Его свойства определяются исторически развивающимся способом жизнедеятельности того или иного субъекта» (Виноградский В.Г., 1988, с. 17). Игнорирование данного методологического основания, особенно свойственно современным нелиберальным экономистам, буквально заикленным на конкуренции и частном предпринимательстве.

Угрозы неолиберальной модели развития экономики России. Кризис 2008–2010 гг. (а возможно и более длительный) во многом

похоронил концепцию долгосрочного развития России (КДР) до 2020 г. В настоящее время к корректировке стратегии привлечена группа, позиционирующая себя в экспертном сообществе как последовательные либералы, во главе с В. Мау и Я. Кузминовым. Изложив вполне резонные критические замечания по КДР, они сделали из этого сомнительные выводы.

Во-первых, предлагается «снижение бюджетной нагрузки относительно ВВП, т.е. уменьшение расходов бюджета и налогов» (Прямые инвестиции, 2011). При этом авторы апеллируют к опыту стран с догоняющей моделью развития, в то время как этот путь, именно по опыту указанных стран, не обеспечивает прорыва.

Во-вторых, предписывается снижение бюджетного дефицита и таргетирование инфляции, как основной рецепт дальнейшей либерализации экономики, несмотря на продемонстрированную кризисом крайнюю неустойчивость этой модели.

В ряду предлагаемых мер также обеспечение открытости экономики для стимулирования внутренней конкуренции (хотя даже П. Кругман отмечал, что свободной конкурен-

ции давно не существует в природе). Авторы призывают вернуться к идеологии и практике омертвления выручки от продажи углеводородов в Стабфонде, приватизация пенсионной системы и здравоохранения в целях «приведения их в соответствие с демографическими и финансовыми реалиями» (Прямые инвестиции, 2011).

Обобщенным выражением всех этих «новых» предложений является «священная корова» либерализма – последовательная приватизация, и разумеется защита прав собственности, развитие конкуренции и преодоление коррупции. В принципе это все «инновационные отходы» зарубежной экономической науки 80–90-х гг., которые в новой упаковке предлагаются государственной власти России.

При этом авторы абсолютно игнорируют два важнейших обстоятельства.

С одной стороны это неоднородность самого внутреннего пространства России, для которого шаблонные решения несут возрастающие риски продолжения нарастания территориального неравенства разрывающего страну. Идеи модернизации огромных пространств на базе Сколково говорят об абсолютном непонимании эффекта наличия колоссальных низкоплотных как по демографическому, так и по социально-экономическому потенциалу пространств. Модернизация это отнюдь не только научно-технологические и организационно-управленческие инновации (точнее западные заимствования). Это подготовка кадров, это модернизация отраслей всех технологических укладов, это поддержание функционирования унаследованного потенциала, который имеет свойство морального и физического износа и многое другое, то, что в географии традиционно называется комплексным подходом. Это, безусловно, и привязка к территории любых решений и действий. Диффузия инноваций, как процесс модернизационного освоения территории, не менее важен, чем создание полюсов роста, ибо последние имеют смысл лишь в том случае, если обеспечены предпосылки для быстрого и эффективного распространения полученных результатов на всю остальную страну.

С другой стороны, нарастающая глобализация мирохозяйственных отношений в сочетании с резким ростом неустойчивости как природной, так и социально-экономической

среды обитания человека, ставит перед мировым сообществом и российским социумом проблему выбора, между стихией «чистого» капитализма и управляемого, планируемого, в т.ч. и через нерыночные механизмы развития общества. Без этого невозможно удержать свойственные рынку социальные и территориальные неоднородности в приемлемых рамках. К этим механизмам можно отнести инструменты стратегического планирования (отраслевого, территориального и программно-целевого) ориентирующие развитие социума не на корпоративную, а на народнохозяйственную эффективность. В принципе, представители либеральных течений об этом также говорят, но предлагают уходить от управляемости развития, от целеполагания, как и во времена А. Смита уповая на «невидимую руку рынка».

А между тем, именно управление, как процедура выработки (планирование), принятия, реализации решения и контроль его выполнения позволяет существенно ограничить циклический характер функционирования окружающей природной среды и рынка, общую нелинейность социально-экономических процессов, экономить значительные общественные ресурсы за счет эффекта концентрации и механизмов подавления конкуренции. Да и термин «устойчивое развитие» имеет не только традиционную трактовку, с обычными ссылками на неточность русского перевода этого зарубежного выражения. Действительно, определение «устойчивое развитие» означает отнюдь не только просто устойчивый, постоянный рост. В ряде европейских языков *sustainable development*, *nachhaltige Entwicklung*, *developement durable* он имеет более узкий смысл. Это – развитие «продолжающееся» (можно, пожалуй, сказать «самодостаточное»), то есть такое, которое не противоречит дальнейшему существованию человечества и развитию его в прежнем направлении. Тот же С.В. Туманов пишет об устойчивом развитии как «управляемом развитии» и это представляется более точной трактовкой его сущности.

В 2012 г. исполняется 20 лет, как в тогдашней РСФСР отказались практически от всех механизмов управления рыночной экономикой и планирования ее будущего развития. Итого первых 10 лет подобных экспериментов оказались катастрофическими как

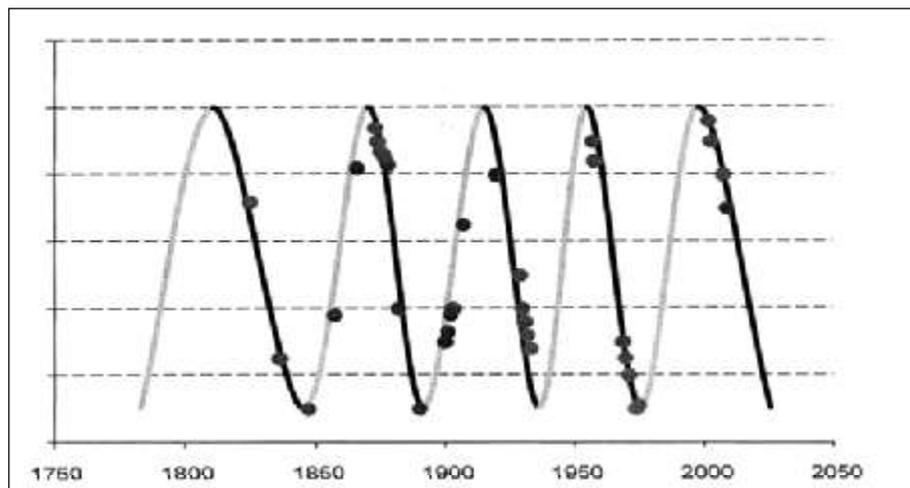

Рис. 1. Циклы Кондратьева (осредненные по различным моделям) и экономические кризисы

для экономики, так и, что особенно важно, для населения показали. Итог — череда непрерывных кризисов, столь характерных для природных и неуправляемых социальных процессов. При этом, так и не выйдя полностью из глубочайшей депрессии 90-х гг. прошлого века, страна после непродолжительного компенсационного подъема (и то далеко не во всех сферах деятельности), вновь оказалась ввергнута в очередной, уже мировой циклический кризис.

Следует сказать, что подобный подход не есть чисто российское заблуждение. После почти двух десятилетий иллюзий, что мировая экономика может развиваться без глобальных кризисов, стало очевидным, что глобальная нелинейность развития капитализма и циклическая природа — его неизменные, органически присущие свойства и никакие научно-технические революции вместе с организационно-управленческими инновациями в этой его природе ничего не меняют.

Полициклизм как появление пространственно-временной нелинейности развития. Циклический характер развития экономики был выявлен еще в начале XIX века, а наиболее разработанными являются 11–12 летние циклы конъюнктуры К. Джуглара, которые К.Маркс использовал при исследова-

нии циклических кризисов перепроизводства при капитализме. С началом НТП в рамках общего ускорения экономической динамики произошло сжатие циклов Джуглара до 5–7 летней размерности. Более того, происходящие кризисы прекрасно укладываются и в циклы Кондратьева, которые моделируют среднесрочные циклы конъюнктуры (В.Л. Бабурин, 2010).

Суть теории Кондратьева, как уже писалось выше, заключается в чередовании 25-летних периодов благоприятной конъюнктуры и 25-летних периодов неблагоприятной конъюнктуры. На восходящей волне (см. рис. 1) кризисы редки, носят частный характер и неглубоки. На нисходящей волне, напротив, идут сериями, чрезвычайно глубоки и на каждой нисходящей волне обязательно происходит один глобальный кризис перепроизводства.

На рисунке 1. хорошо видно, что каждый глубокий кризис ложился на нисходящую волну контратьевских циклов. Первый из известных кризисов перепроизводства (1825 г.) пришелся на нисходящую волну первого Кондратьевского цикла. Первый глобальный кризис 1857 г. пришелся на начало нисходящей волны второго Кондратьевского цикла. Великая депрессия (1929–33 гг.) прилась на нисходящую волну 3-го кондратьевского цикла,

когда, в среднем падение промышленного производства по капиталистическим странам составило 38%, внешнеторговый оборот сократился на две трети, в то время как в СССР были самые высокие темпы экономического роста (до 20% в год). На Западе, было около 30 млн. безработных, а в СССР с 1931 г. стал ощущаться недостаток рабочей силы. Кризисы 1957–58 гг., 1970–71 гг. (в августе 1971 г. прекращается обмен долларов на золото) и 1974–75 гг. (всеобщий) пришлось также на нисходящую фазу 4-го кондратьевского цикла.

Крушение социалистической системы и разрушение СССР отсрочили глобальный экономический кризис, который мог начаться еще на рубеже XX–XXI вв. Тем не менее, уже в 2002–2003 гг. прошел кратковременный частный кризис в странах юго-восточной Азии. Находящаяся в стадии компенсационного посткризисного подъема российская экономика, тогда еще слабо ин-

тегрированная в мирохозяйственные связи оказалась им слабо затронутой. Но это кризис открыл долговременную серию кризисов, которая, в этом отбросив иллюзии необходимо отдавать себе полный отчет, будет длиться до 2020–2025 гг. Один из них будет всеобщим, он будет глубоким и затяжным. Является ли кризис 2008–2009 гг. именно таким покажут дальнейшие исследования. Вполне возможно, что повторится модель российского кризиса 1990-х гг., когда после «полки» в 1997 г., произошел обвал 1998–99 г. Но еще раз подчеркнем, он будет не единственным. Очередной кризис наиболее вероятен в 2014–2018 гг., а следующий в 2021–2023 гг. Следует добавить, что нисходящая волна среднесрочных циклов Кондратьева накладывается на начавшуюся в 1975 г. нисходящую фазу вековых циклов конъюнктуры Ф. Броделя (рис 2).

Напомним, что Ф. Бродель выделяется шесть так называемых вековых циклов:

Первый установленный цикл	повышательный – ?? понижательный – 1350–1507 (157 лет)
Второй установленный полный цикл	повышательный – 1507–1650 (143) понижательный – 1650–1733 (83)
Третий установленный полный цикл	повышательный – 1733–1817 (84) понижательный – 1817–1896 (79)
Четвертый установленный цикл	повышательный – 1896–1970 (74) понижательный – 1970–2040(50)?

Если исходить из прогностической ценности циклов Броделя, то чередой кризисов и сложностей хозяйственного развития с 1974 г. могла бы рассматриваться как примета новой понижательной вековой тенденции, совпадающей с началом восходящей волны 5 кондратьевского цикла (рис. 1) и знаменующим собой научно-техническую революцию и формирование информационного (постиндустриального, постэкономического и т.д.) общества. Не трудно заметить, что первые два установленных подцикла имеют длительность около 150 лет и соответствуют преиндустриальной эпохе в развитии экономики Западе. С началом индустриальной эпохи циклы «укорачиваются» до 70–80 лет, но длина полного цикла сохраняет интервал 140–150 лет. Это позволяет предполагать, что и понижательная фаза четверто-

го полного цикла продлится 70–80 лет, т.е. до 2040–2050 г. (см. рис. 2).

Из рисунка также видно, что и циклы Чижевского до 2020 г. будут находиться в понижательной фазе 24 установленного цикла, что, как показали исследования автора, будет сопровождаться снижением среднегодовой урожайности зерновых (Бабурин В.Л., Чистяков П.А. 2007).

Таким образом, для правильной оценки предлагаемых неолибералами мер важно понимать, что в ближайшие 10-15 лет экономика России будет развиваться в условиях крайне неблагоприятной конъюнктуры, производной от наложения нисходящих фаз всех типов циклов (долгосрочных и среднесрочных).

Иными словами, технологические и социальные инновации начала XXI в. ничего не меняют в нелинейности развития. Эта

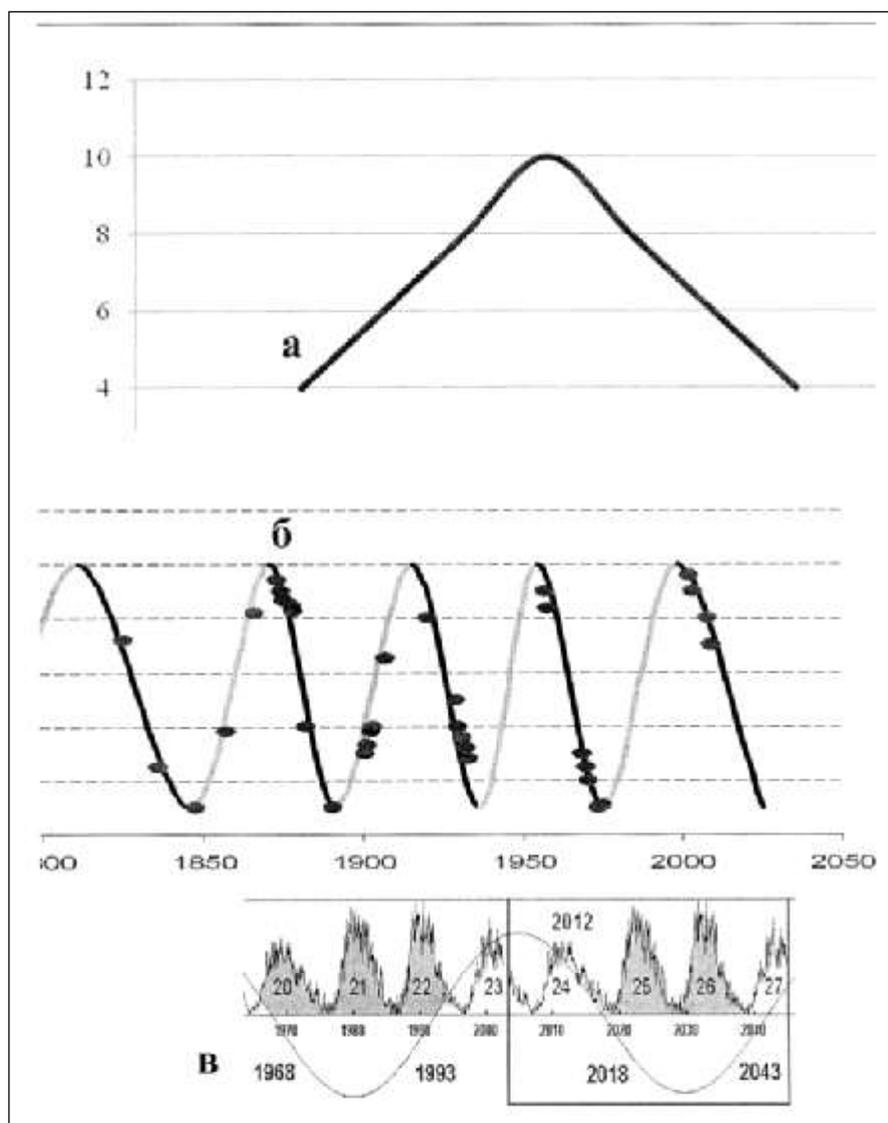

Рис. 2. Соотношение циклов Броделя (а), Кондратьева (б) и Чижевского (в)

нелинейность, циклически воспроизводящая кризисы имеет свою проекцию на российский пространственно-временной континуум усиливая в нем неоднородность, неравенство и провоцируя все новые и новые разрывы в социально-экономической ткани. Вся мировая история демонстрирует невозможность борьбы с этими явлениями в рамках либеральных механизмов и инструментов регулирования экономического развития.

Глобализация как современная форма монополистического капитализма. Еще более обостряется ситуация в связи с вступлением мирового сообщества в эпоху глоба-

лизации. Почти весь мир стал рынком транснациональных корпораций и мультинациональных банков. Глобализация – это монополизация экономики, финансов, информационных сетей, сфер обслуживания. Глобализация капитализма предопределяет: 1) разрушение государств; 2) крах среднего класса; 3) возникновение новых форм бедности.

Важно понимать, что процессы формирования мировых рынков, интернационализации экономики как роста взаимосвязи и взаимозависимости национального и мирового хозяйства носят объективно исторический характер и отражают тенденции, которые были вскрыты еще в начале прошлого века в

работах Дж. Гобсона, Р. Гилфердинга, К. Каутского. В.И. Ленин в своей, ставшей классической, работе «Империализм как высшая стадия капитализма» определил пять признаков и дал свое видение исторического места империализма. По его мнению, в будущем, т. е. при империализме, в политической и экономической жизни индустриально развитого общества господствует финансовая олигархия, контролирующая капитал банковских и промышленных монополий. Международные экономические объединения и монополии ведут острую конкурентную борьбу за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала. Эпоха империализма неотделима от колониализма и неоколониализма – форм эксплуатации экономически отсталых стран и территорий. Неравноправный дискриминационный характер отношений империалистических стран к развивающимся приводит к созданию военно-политических блоков, локальным войнам и агрессиям.

Очевидно, что с помощью выделенных В.И. Лениным признаков можно в меру точно и полно охарактеризовать основные политические и экономические стороны современного индустриального и постиндустриального развитого общества – общества начавшейся эпохи глобализации. Собственно говоря, именно в качестве альтернативы глобальному капитализму возникла концепция устойчивого развития.

В современных исследованиях дается ряд существенных дополняющих ленинскую характеристик сущности глобализма, как формы управления империализма.

Во-первых, технический прогресс привел к изменению коммуникационных возможностей человека и общества в пространстве и времени. Пространственно-временное сжатие мира «уменьшило» не только физические, но и социальные дистанции, поставило людей многих слоев и классов на планете в относительно схожие условия жизни.

Во-вторых, все исследователи отмечают резко возросшие масштабы взаимосвязей и степень взаимозависимостей современного общества. Этот процесс идет настолько интенсивно, что М. Кастельс назвал возникающее общество «сетевым», в качестве ядра ко-

торого возникает и развивается глобальная экономика, которая, в отличие от иерархически выстроенной модели мировой экономики Ф. Броделя и И. Валлерстайна, «работает как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» (М. Кастельс, 2000).

Третьей сущностной характеристикой глобализации стал все усиливающийся процесс взаимодействия различных культур. Однако, несмотря на это понимание, в мире продолжает доминировать западная, в частности, североамериканская культурная традиция с ее идеей «общества всеобщего потребления». В ее массово-потребительской форме.

В-четвертых, происходит ускоренное формирование системы глобальных социальных отношений как основы становящегося глобального общества, что стало возможным в силу «разгосударствления» международных отношений. В мире резко возросло число международных неправительственных организаций (Гринпис, Красный крест и др.), а также таких акторов социальной жизни, как глобальные социальные движения в защиту прав человека, за мир, в защиту окружающей среды и пр.

В общем виде сущностные признаки глобализации можно свести к 5 тезисам:

1) рост коммуникационных возможностей (и это отмечают в своих отчетах в качестве преимущества глобализации студенты 5 курса географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)¹;

2) становление системы мировой экономики, работающей в режиме реального масштаба времени (отсюда и многократное ускорении диффузии любых нововведений);

3) усиление процессов межкультурного взаимодействия (что эти же студенты отмечают как преимущества и как угрозы глобализации для России);

4) Снижение роли государства (что студентами воспринимается как безусловная угроза для России);

5) Становление глобализма как формы общественного сознания (эта позиция воспринимается ничтожным количеством опрошенных студентов).

Несомненно, также, что кризисы становятся все более дорогостоящими для мирового сообщества. Произошел разрыв между со-

¹ Тестирование проводилось в течение 2008–2011 гг. в рамках лекции «Устойчивое развитие и глобализация» на почтовом курсе Ю.Л. Мазурова «Устойчивое развитие».

циальной и экономической эффективностью: первая превратилась в почти исключительно заботу государства, а вторая практически полностью отдана на откуп бизнесу. В результате нарушена главная социально-экономическая пропорция между распределением прибыли и социальных обязательств, что создало идеальные условия для наращивания социальной и территориальной несправедливости. Пространственным результатом происходящих процессов стало нарастание всех видов территориального неравенства, причем как на стадии спада, так и на фазе подъема и в этом российская специфика эпохи перехода от социализма к капитализму.

В условиях последнего кризиса, особенно наглядно видна особая «этика» буржуазных правительств, которая состоит в том, что на фазе подъема госимущество активно приватизировалось, а прибавочная стоимость, особенно в форме сверхприбыли почти полностью присваивалась олигархией. Это они рисковали на рынках ипотеки и проводили сомнительные финансовые операции, а теперь посредством правительств пытаются переложить все издержки на население. Приватизировать прибыль и обобществить издержки – такова логика капитализма, точно также, как риски моногородов, получавших в течение 2003–2007 гг. сверхприбыль, теперь компенсируются госпрограммами из общественных фондов потребления.

Выводы. Есть ли выход? Да! Необходимо стратегическое планирование экономического развития, своевременная блокировка предкризисных явлений и соотнесение формы собственности с уровнем обобществления производства. Бессмысленно делать государственным малый бизнес, но столь же абсурдна частная собственность на крупнейшие банки и кор-

порации. Необходимо взять под государственный контроль финансовые институты, ответственные за кризисные явления, в том числе в социальной сфере, поставить под общественный контроль (в том числе на региональном уровне) финансовые потоки.

Принципиальное значение для повышения устойчивости региональной экономики будет иметь ее диверсификация и сбалансированность по внешнеэкономическим и внутриэкономическим связям. Именно моноспециализация несет повышенные риски на нисходящих фазах кондрагьевских циклов. При этом, учитывая эффект глобализации, диверсификацию отраслевой структуры экономики в целом, промышленности и сельского хозяйства в частности, необходимо осуществлять, прежде всего, за счет специализаций наименее зависимых в динамике от внешних факторов развития. Т.е. это должны быть отрасли и хозяйствующие субъекты преимущественно ориентированные на отечественные источники сырья, комплектующих и внутренних потребителей.

Однако с другой стороны именно территориальная специализация существенно повышает эффективность функционирования экономики. Следовательно, должны быть механизмы межрегионального перемещения капиталов и финансовых ресурсов для текущей деятельности. На фазах благоприятной конъюнктуры сверхприбыль изымается из отраслей и регионов моноспециализации для перераспределения в отрасли и регионы моноспециализации находящиеся в депрессивной фазе и наоборот.

С социальной точки зрения наиболее значимым является создание устойчивых к мировой конъюнктуре рабочих мест, как в государственном и корпоративном секторах, так и в сфере малого бизнеса.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в Российской экономике. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. – М., КРАСАНД, 2010.
2. Бабурин В.Л., Чистяков П.А. Циклы Чижевского и нелинейные социально-экономические процессы. В сб: Развитие идей А.Л. Чижевского в науках о жизни, обществе и Земле. – М.: Гелиос, 2007.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. – М., 2006.
4. Виноградский В.Г. Социальная организация пространства. – М., 1988.
5. Дягилев Ф.М. Концепции современного естествознания. – М.: Изд. ИЭМПЭ, 1998.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. Ленин В. И, Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 27.
8. Прямые инвестиции. – 2011. – № 3.

В.Р. Битюкова, П.А. Кириллов
(г. Москва)

МЕТОДЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИИ

Bitjukova V.R., Kirillov P.L. (Moscow)

METHODS OF COMPLEX ESTIMATION OF THE REGIONAL DIFFERENCES UNDER THE ECOLOGICAL STRESS IN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена особенностям построения комплексного показателя антропогенного воздействия для оценки экологической напряженности в регионах России. Обоснована система индикаторов антропогенного воздействия для целей экологического мониторинга, рассмотрены особенности различных способов нормирования и агрегирования показателей. Приведены результаты различных видов комплексной оценки.

Abstract. The article is devoted to the problems of stating the complex index of anthropogenic impact formation estimating the ecological stress level in the Russian regions. The author justifies the system of indicators of anthropogenic stress for ecological monitoring and analyses different methods of normalization and aggregation of indices. The paper provides the results of various estimations.

Ключевые слова: экологическая напряженность, антропогенное воздействие, комплексная оценка.
Key words: Ecological stress, anthropogenic impact, complex estimation.

Экологическая напряженность (ЭН) – это специфическая ситуация конфликта, когда уровень антропогенного воздействия (АВ) превышает величину потенциала устойчивости природного комплекса. Социологические исследования добавляют еще критерий ЭН – а экологическая ситуация, воспринимается субъектом (слоем, группой, территориальной общностью и т.п.) как реально угрожающая его интересам [15]. Для оценки неравномерности АВ на природную среду регионов могут применяться как системы *показателей*¹ в дезагрегированной форме, так и синтетические (интегральные) *индексы*², которые наиболее адекватны комплексности предмета исследования. Метод комплексной оценки АВ – это системное изучение, измерение и обобщение влияния факторов ведущего условия ЭН регионов путем обработки специальными приемами показателей, отражающих влияние хозяйственного комплекса и других источников с целью мониторинга экологической ситуации.

Интегральные оценки экологической ситуации начали появляться практически одно-

временно в СССР и на Западе. Но различия в условиях развития этого метода исследований, в целевых установках, невозможность обмена опытом предопределили расхождение путей уже на начальном этапе формирования комплексных оценок. Обобщая имеющийся зарубежный опыт в этой области работ коллективов ученых, правительственных и международных комиссий, можно выделить ряд особенностей. Это, прежде всего, использование базовых показателей (ВВП, валовые внутренние сбережения, чистый внутренний продукт), скорректированных на стоимостную оценку истощения природных ресурсов, экологического ущерба, природного капитала, т.е. индикаторов не столько экологической ситуации, сколько экологической цены экономического развития стран и регионов (*индекс адаптированных чистых (истинных) сбережений, экологически адаптированный чистый внутренний продукт*)[1].

Во-вторых, это интегральные индексы устойчивого развития (*экологической устойчивости, реального прогресса и др.*), включающие наряду с показателями качества жизни

¹ Показатель – обобщенная характеристика свойств объекта или процесса, инструмент, обеспечивающий возможность проверки теоретических положений с помощью эмпирических данных. Различают качественные показатели, фиксирующие наличие или отсутствие определенного свойства; и количественные показатели, фиксирующие меру выраженности, развития определенного свойства.

² Индекс АВ – показатель измерения АВ (во времени или пространстве) достигнутого уровня некоторого явления по сравнению с другим его уровнем, принятым за базу сравнения для в классификации, сравнения и измерения и конструируются путем комбинации индикаторов.

(обеспеченность базовыми услугами, здоровье населения, стихийные бедствия, обеспеченность информацией) и экологические индикаторы. Главной проблемой этих индексов является использование индикаторов³ АВ и его последствий (качество воздуха, воды и т.д.) одновременно [9].

Третьей важной особенностью является исходная ориентация на поиск показателей, отражающих вклад стран в глобальные проблемы – *экологический след, индекс живой планеты*. Первый основывается на объеме ресурсов, которые потребляются при осуществлении того или иного вида деятельности, а также для переработки произведенных людьми отходов с учетом преобладающей технологии и способа управления ресурсами. Второй количественно отслеживает реакцию среды через динамику популяций 1313 видов позвоночных во всем мире. Измерение индексов в условных гектарах или кратности превышения уровня 1970 г. делает их трудно сопоставимыми с другими комплексными показателями [5, 18].

И, наконец, собственно экологические индексы, которые опираются либо на показатели антропогенного воздействия, хотя называются *«состояния окружающей среды»* (объем выбросов в атмосферу, сточных вод) или *«экологической результативности»* (воздействие экологического фактора на здоровье человека и состояние экосистем). Следствием того, что большинство предложенных подходов ориентируется на межстрановые различия, является преимущественное использование относительных, душевых показателей [1, 11].

С перечисленными особенностями связаны возможности и ограничения использования международного опыта при разработке системы индикаторов ЭН в регионах России. В настоящее время измерения экологических процессов с помощью интегральных индексов в России и за рубежом находятся на качественно разных стадиях развития. В международных оценках достигнут консенсус по ключевым теоретическим вопросам и подходам, по ряду проблем выработаны единые позиции, основывающиеся на концепции устойчивого развития, что методически подразумевает интегрирование экологических индикаторов с социально-экономическими.

К тому же сравнительно простые методы построения индексов опираются на доступную статистическую информацию, в то время как в отечественной практике ограниченность доступной статистики со множеством изъянов, нередко компенсируется чрезмерным усложнением методики, ее многослойности, включением емкости территории или коэффициентов самоочищения природных компонентов, включения одновременно индексов загрязнения, специализации промышленности, суммации загрязняющих веществ и пр. [6, 14].

В отечественной практике преобладают оценки отдельных исследователей, мнения которых по многим вопросам часто сильно различаются. В теоретическом плане они, фактически, опираются на разработанную еще в 70-е годы Л.И. Мухиной и В.С. Преображенским векторную триаду «воздействия-изменения-последствия» (аналогичную системе индикаторов ОЭСР «давление — состояние — реакция»), но в методическом плане интегральные индексы зачастую имеют весьма размытое наполнение исходными показателями [17]. Это либо оценки только одного природного компонента, но по нескольким индикаторам (водных источников, почв) [3], либо комплексные оценки АВ на различные компоненты, но по одному региону или городу [2, 16], через использование ГИС технологии, не раскрывающей методику интегрирования. Оценки регионов всей страны встречаются редко, поскольку они в наименьшей степени обеспечены сопоставимыми статистическими данными. Но главный недостаток – попытка интегрировать разнонаправленные показатели, где наряду с индикаторами АВ, учитывается сокращение видов животных и активность в области охраны окружающей среды. Это приводит к трудностям интерпретации рейтингов [12].

Интегральные оценки долгое время оставались только внутренней научной деятельностью. Но появляются первые разработчики и пользователи во власти и общественных организациях (методика Министерства природных ресурсов РФ «Критерии оценки экологической обстановки...», где для характеристики загрязнения водных объектов используется формализованный суммарный

³ Индикатор – доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта, позволяющая судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию.

показатель химического загрязнения вод) и разработка интегральных экологических индексов отдельными компаниями [7].

Разработка индексов для оценки существующих межрегиональных различий должна основываться, как на целенаправленном отборе показателей, проверке их на адекватное отражение исследуемого явления, так и на выборе наилучших методов расчета. Предлагаемая комплексная оценка ЭН основывается на учете статистически значимого воздействия на природный комплекс регионов и состоит из пяти этапов.

I этап - выбор приоритетных компонентов. Поскольку АВ по своей сути многоаспектно, не имеет общепризнанной формализованной структуры применительно к регионам, выделение приоритетных критериев неизбежно имеет субъективный характер, но иного подхода не существует. В определенной мере элемент субъективности снижается при использовании различных вариантов оценки и последующего отбора лучшего из них. Выбор индикаторов необходимо проводить по видам воздействия (на атмосферу, водные, лесные и земельные ресурсы, аграрная и радиационная нагрузка), а не по источникам, поскольку именно так будет достигнута минимальная степень дублирования показателей.

На II этапе основной задачей является *отбор показателей* по каждому блоку, которые должны отвечать следующим принципам: системность; максимальная достоверность, обеспеченность статистической информацией; выраженная территориальная дифференциация; наличие четко интерпретируемой динамики, позволяющей проводить мониторинг на основе численных изменений индикатора. Использование экологических параметров, как и большинства других показателей, сопряжено с определенными проблемами: статистической достоверностью, внутренней неоднородностью в пределах региона, системой прямых и обратных связей в природной среде, которую трудно описать. Для каждого вида АВ предлагается набор абсолютных и относительных показателей. Т.о. предлагаемая структура комплексной оценки, аналогичная дезагрегированным системам индикаторов, применяемым в международных сопоставлениях, позволяет оценить структуру экологических проблем для каждого региона (табл. 1).

Важнейшим показателем техногенного воздействия на атмосферу является объем выбросов от стационарных источников. Проблема использования данного показателя для мониторинга АВ – незначительные различия в выбросах большинства регионов на фоне огромного отрыва регионов добычи и первичной переработки экспортных ресурсов. Но это не дефект показателя, а отражение реальной территориальной диспропорции, характерной для России. Уровень локализации загрязнения выше, чем промышленного производства: на долю первой десятки промышленно развитых регионов приходится более 53% всего объема производства и 62% выбросов в атмосферу, на первые 15 субъектов – 2/3 и 3/4 соответственно. Даже использование относительного показателя в расчете на площадь земель промышленности и иного назначения сохраняет высокий уровень различий.

Объем выбросов от автотранспорта, ключевой показатель АВ, т.к. на его долю приходится около 42% суммарных выбросов загрязняющих веществ. Данный вид воздействия оценивается на основе расчетов в зависимости от объема потребляемого топлива (без учета минеральной пыли, а в связи с запретом с 1 июля 2003 г. производства и реализации этилированного бензина на территории России без учета выбросов свинца). В последние годы сокращается объем выбросов от автотранспорта в целом по стране и региональные различия (в 1,5 раза за последние 5 лет). Подавляющая часть регионов (свыше 50) характеризуются объемом выбросов 100-500 тыс. тонн. Вес этой группы усилился к 2006 г. как за счет регионов, увеличивших объем выбросов (например, ХМАО в 4 раза), так и за счет регионов снизивших объем выбросов почти в 2 раза (Свердловская, Челябинская, Ростовская области, Республика Башкортостан). Рост автопарка и интенсивности движения не приводит к росту загрязнения из-за улучшения качества бензина, структуры парка, реконструкции дорожной сети, прежде всего, в крупнейших городах.

Воздействие на водные источники оценивается показателями объема водопотребления и загрязненных сточных вод. Объем водопотребления является индикатором, истощения водных ресурсов. От их использования, сохранения качества воды

Таблица 1

Основные индикаторы комплексного индекса антропогенного воздействия [4, 10, 13]

Субиндикаторы	Индикаторы	Индекс АВ ₁			Индекс АВ ₂		
		Абсолютные показатели	max	min	Относительные показатели	max	min
А. На атмосферу	A ₁	Объем выбросов от стационарных и передвижных источников, тыс. т/год	4541	31,8	Плотность выбросов тонн/га земель промышленности, транспорта и пр. назначения	10,6	0,18
В. На водные источники	B ₁	Использование свежей воды (млн. м ³)	6255	25,0	Доля использованной воды от ресурсов речного стока, %	51,2	0,09
	B ₂	Сброшено загрязненных сточных вод всего, млн. м ³	1726	4,6	Удельный сброс стоков на единицу ресурсов речного стока, %	17,3	0,01
С. На земельные ресурсы	C ₁	Объем токсичных отходов, млн. т	18673	1,9	Плотность размещения токсичных отходов в расчете на площадь промышленных земель тонн/га	397	0,06
	C ₂	Нарушено земель, тыс. га	22	0,001	Доля нарушенных земель, %	545	0,10
D. Аграрного комплекса	D ₁	Сельскохозяйственные угодья, тыс. га	10313	8	Доля сельхозугодий, %	85	0,01
	D ₂	Пашня, тыс. га	6408	88	Доля пашни, %	88	0,10
	D ₃	Поголовье скота, тыс. условных голов без птицы	3299	55	Плотность поголовья (условных голов без птицы на га пастбищ)	597	0,27
	D ₄	Минеральные удобрения (в пересчете на 100% питательных веществ), тыс. т	307	0	Минеральные удобрения (в пересчете на 100% питательных веществ), кг/га	109	1
	D ₅	Органические удобрения, тыс. тонн	11927	0	Органические удобрения, т/га посевов	12	0,10
	D ₆	Площадь мелиорированных земель, тыс. га	587,1	0	Доля мелиорированных земель, % от посевов	17	0,17
E. На лесной комплекс	E ₁	Площадь погибших, га	98364	7	Доля погибших и гарей, %	1,47	0,004
	E ₂	Площадь рубок, всего, тыс. га	66	0	Доля рубок от площади	1	0
	E ₃	Объем нелегальных рубок, тыс. м ³	7448	0	Доля нелегальных рубок от запаса, %	35	0
F. Радиационное АВ	F ₁	Численность жителей, отнесенных к зонам радиоактивного загрязнения, тыс. чел	388	0	Доля населения, отнесенных к зонам радиоактивного загрязнения, %	27,1	0
	F ₂	Плотность загрязнения почвы лесов, Ки/км ²	132,6	0	Плотность загрязнения почвы лесов, Ки/км ²	132,6	0
	F ₃	Плотностью загрязнения местности ¹³⁷ Cs Ки/км ² значения МЭД	15	0	Плотностью загрязнения местности ¹³⁷ Cs Ки/км ² значения МЭД	15	0
	F ₄	Площадь загрязненных радионуклидами территорий предприятий Минатома, га	1039	0	Доля площади загрязненных радионуклидами территорий предприятий Минатома от земель промышленности, %	2,15	0
	F ₅	Сбросы радионуклидов с дебалансными водами на АЭС	38	0	Сбросы радионуклидов с дебалансными водами на АЭС (% от допустимых сбросов)	27,8	0
	F ₆	Среднесуточные газозро-зольные выбросы на АЭС долгоживущих радионуклидов, ИРГ (измерители расхода газа)	3,3	0	Среднесуточные газозро-зольные выбросы АЭС долгоживущих радионуклидов (% от допустимых выбросов)	1,6	0

зависит благополучие населения и развитие отраслей экономики. Являясь и источником водоснабжения, и основным приемником сточных вод, поверхностные воды испытывают двойную нагрузку. Поэто-

му для характеристики плотности воздействия использовалась доля объема водопотребления и объема стоков от объема поверхностного стока региона. Достоверность данных показателей в региональном

разрезе достаточно высока, т.к. они опираются на инструментальные замеры Росводресурсов. Устойчивый лидер по объему водопотребления – Ленинградская область (6255 млн м³ в 1,5–2 раза превышает уровень следующего региона), у которой значительная часть воды забирается из Балтийского моря двумя предприятиями, расположенными в г. Сосновый Бор: Ленинградской АЭС и НИТИ. В последние годы резко увеличилось водопотребление Тюменской области. Устойчивое присутствие в лидерах Республики Дагестан связано с забором воды сельским хозяйством на орошение в рисосеющих хозяйствах. При использовании показателя доли водопотребления в объеме ресурсов поверхностного стока в число лидеров попадают не только те регионы, у которых огромное водопотребление, но и вододефицитные Калмыкия, Челябинская, Оренбургская области, Ставропольский край.

Антропогенное воздействие на земельные ресурсы производственного комплекса и ЖКХ определяется объемом твердых отходов промышленности, бытовых отходов, вывоза мусора с территории городов, точнее плотностью их размещения на землях промышленности и специального назначения, а также долей и площадью нарушенных земель. Это в значительной степени отражает влияние добывающей промышленности, следствием чего является изменение рельефа и почвенного покрова, вторичная трещиноватость, эндогенные пожары, образование наложенных антропогенных депрессий, по площади в десятки раз превышающих размер участков добычи и пр.

В рейтинге лидируют нефтяные, золотодобывающие и уранодобывающие регионы. Доля нарушенных земель показывает интенсивность данного вида воздействия. Относительный показатель очень сильно зависит от площади региона, завышая рейтинг Москвы и Санкт-Петербурга, и, напротив, занижая обширных по площади Красноярского края, Якутии, Архангельской, Омской, Новосибирской, Томской областей, что отражает реальную остроту проблемы, т.к. ареалы обширных горных разработок чередуются с огромными территориями нетронутой природы.

Специфическим является воздействие от аграрного комплекса, оно охватывает

обширные площади, характеризуется достаточно низкой плотностью, но влияет на весь природный комплекс (рельеф, почвы, водные ресурсы, атмосферу), по пищевым цепям определенная часть загрязнения переходит в продукты питания и влияет на здоровье населения и пр. Измерить комплекс видов аграрного воздействия можно площадью (долей) распаханых земель, мелиорированных земель, внесением минеральных, органических удобрений и пестицидов (всего или на 1 га посевных площадей), поголовьем скота (всего или на 1 га пастбищ). В целом рейтинг по аграрной нагрузке понятен, но относительные показатели в определенной степени искажают картину. Например, в Мурманской области, где плотность поголовья скота на 1 га пастбищ максимальная.

Показатели уровня АВ на лесные ресурсы характеризуются наименьшей надежностью. Вырубка расчетной лесосеки в целом по Российской Федерации остается на низком уровне – 21,5%, в лесных регионах он в 2–3 раза выше. Но даже в них рост разрыва между расчетной лесосекой и объемами рубок ведет к наполнению спелых и перестойных древостоев, особенно по берегам малых рек, что приводит к падению деревьев, дополнительно создает завалы, снижающие скорость течения и потенциал самоочищения малых рек, ухудшает качество лесов. В результате трудно оценить, увеличение вырубки как однозначно отрицательный показатель. Одновременно при недорубе лесосеки в целом по региону, вдоль дорог производятся сплошные вырубки, наносится наибольший ущерб лесному хозяйству. Особую опасность представляют рубки лесов вокруг населенных пунктов, в водоохраных зонах. Низкая технологическая дисциплина на лесосеках приводит к разрушению почвенного покрова, уничтожению подроста, потерям древесины в местах заготовки. Кроме того, различия в статистических данных по заготовке древесины Росстата, основывающегося на годовых отчетах лесозаготовительных компаний, и Министерства природных ресурсов из отчетов лесхозов, составляет 74 млн м³.

Доля нелегальной древесины составляет, по разным оценкам, от 25% до 30% и

даже 50%. Если ее учесть, то в целом для России использование расчетной лесосеки составляет 35%, что на 15% больше официальных данных. А в ряде регионов расчетная лесосека вырубается на 110% (Карелия, Ленинградская обл.). В данном случае расчет нелегальных рубок основан на сравнении объемов официально заготавливаемой в регионе древесины с ее суммарным внутренним потреблением и экспортом из региона [8].

Площадь погибших лесов от болезней очень сильно меняется по годам. Доля погибших лесов не превышает 1% в подавляющем большинстве регионов, в отдельные годы, составляя 1–2%. Нередко из-за высокой доли погибших лесов при крайне невысоком абсолютном размере площадей выделяются практически безлесные регионы (Калмыкия, Ростовская обл. и др.). Аналогично и доля гарей очень нестабильный показатель, т.к. зависит от условий конкретного года, но наибольшие значения (максимально 1,4% от лесной площади в Амурской области) в тех регионах, где леса активно вырубается и особенно нелегально. Все эти показатели, дополняя друг друга, отражают проблемы лесных регионов, в относительных величинах выделяются регионы, где мало лесов и повреждение даже небольшого количества наносят большой ущерб ландшафтам, ухудшают микроклимат, качество жизни и пр.

Радиационная нагрузка является результатом глобального загрязнения окружающей среды, обусловленного проводившимися в 1954–1980 гг. испытаниями ядерного оружия в атмосфере и на полигонах разных стран, аварии на ПО “Маяк”, в Челябинской области, аварии на Чернобыльской АЭС. Кроме того, источниками локального радиоактивного загрязнения окружающей среды являются некоторые предприятия ядерно-топливного цикла: Сибирский химический комбинат в Томской области, Горнохимический комбинат в Красноярском крае и др. Расчет данного индекса – самая сложная часть исследования, т.к. он учитывает больше всего показателей, хуже всего обеспеченных статистикой.

III этап – интегральный индекс АВ, полученный при агрегировании нормированных выше перечисленных показателей. При выборе методов нормирования критерия-

ми могут быть характер асимметрии отдельных индикаторов, их воздействия на итоговую оценку и содержательный смысл нормированных показателей.

Рейтинговый метод наиболее прост, но его дефекты, влияющие на итоговую оценку, связаны с искажениями частных рейтингов: чрезмерной дифференциацией срединной группы регионов со схожими значениями показателя и недооценкой поляризации крайних значений показателя [12]. На рисунке 1 видно, насколько разные значения нормированных показателей соответствуют одному рангу.

Метод линейного масштабирования (по сути позволяющий измерить близость анализируемых территориальных единиц к условной, имеющей наибольшие значения) делает ИАВ аналогичным другим международно-признанным индексам (например, ИРЧП). Эмпирически установлено, что при высоких уровнях различий экологических показателей первый регион получает индекс равный 1, а следующие за ним – в среднем уже 0,3–0,4. При нормировании относительных показателей, различия которых меньше, в структуре возрастает роль наиболее повсеместных показателей (аграрной нагрузки), что не отражает реальную ситуацию.

Применение логарифмирования стало востребованным, т.к. несмотря на введение плотностных характеристик, сокращающих различия между регионами, они остаются чрезмерными (разброс значений превышает тысячи раз). В данном случае ряды матрицы всех показателей были логарифмированы так, чтобы вклад (максимальное значение) каждого фактора был равным.

Логарифмическое (нелинейное) масштабирование определяется по формуле:

$$X = \frac{\log_{X_{\min}} X_i}{\log_{X_{\min}} X_{\max}},$$

x_i – значение показателя в i -м регионе.

Метод логарифмического масштабирования снимает чрезмерные различия, делает структуру более равномерной.

IV этап – агрегирование индикаторов. По аналогии с международными сопоставлениями индекс антропогенного воздействия (ИАВ) рассчитывается как сумма средних значений равнозначных субиндексов, отражающих интенсивность видов АВ.

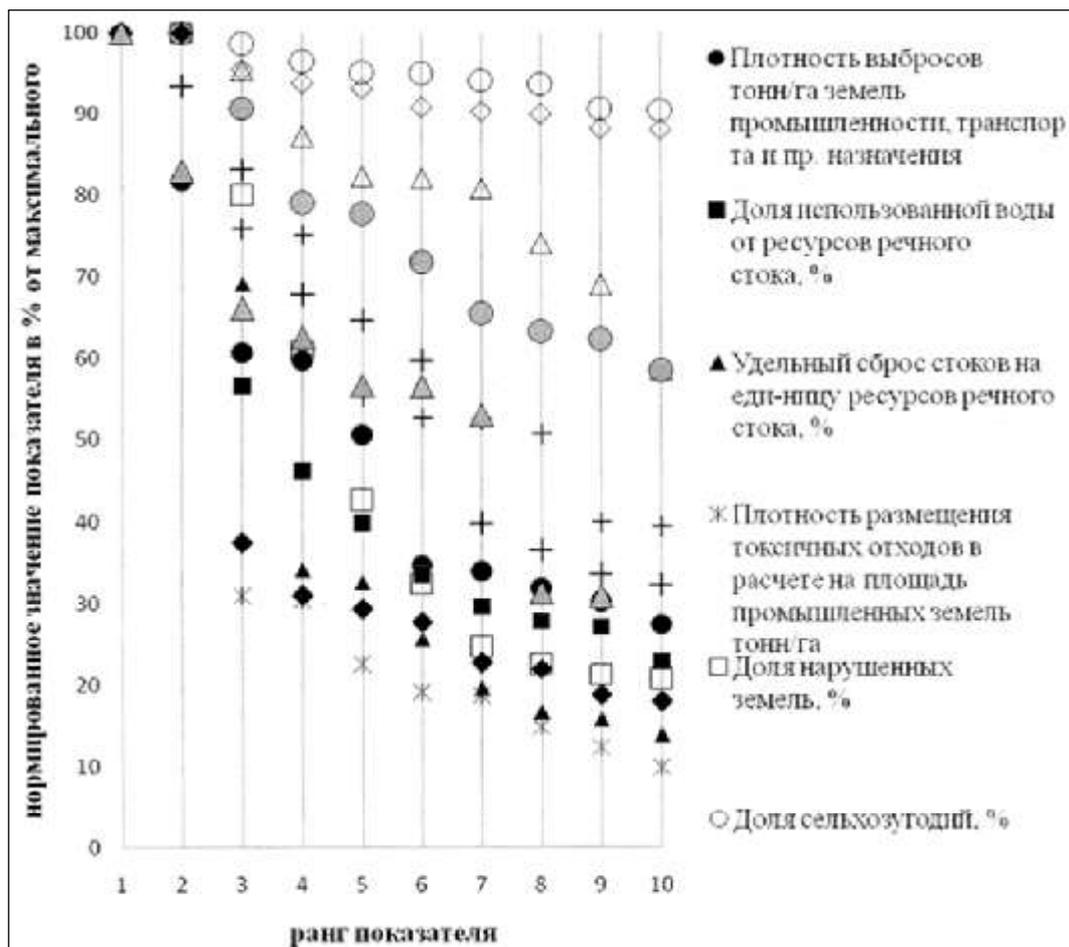

Рис. 1. Соответствие 2-10 рангу различных показателей (% , показатель с рангом 1 в каждом ряду – 100%)

$$\begin{aligned}
 ИАВ = & A + \left(\frac{B_1 + B_2}{2} \right) + \left(\frac{C_1 + C_2}{2} \right) + \\
 & + \left(\frac{D_1 + D_2 + D_3 + D_4 + D_5 + D_6}{6} \right) + \\
 & + \left(\frac{E_1 + E_2 + E_3}{3} \right) + \\
 & + \left(\frac{F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6}{6} \right)
 \end{aligned}$$

где переменные расшифрованы в таблице №1.

В целях поиска наилучшего метода регионального мониторинга АВ были рассчитаны 6 итоговых комплексных индексов: ИАВ1 – абсолютных показателей отдельных видов антропогенного воздействия, которые

показывают масштаб воздействия и ИАВ2 – относительных показателей, показывающих интенсивность воздействия, каждый из которых получен тремя выше описанными способами нормирования.

Основные различия рейтингов определяются не столько методом нормирования, сколько использованием абсолютных и относительных показателей, хотя и они меняют в основном положение «срединных» регионов (рис. 2). Высокая локализованность АВ подтверждается независимостью результатов от метода нормирования: коэффициент линейной корреляции между ИАВ1 и ИАВ2 составляет 0,61 при нормировании методом линейного масштабирования, и 0,55 при нормировании методом логарифмического масштабирования.

При использовании относительных показателей снижается рейтинг трех типов реги-

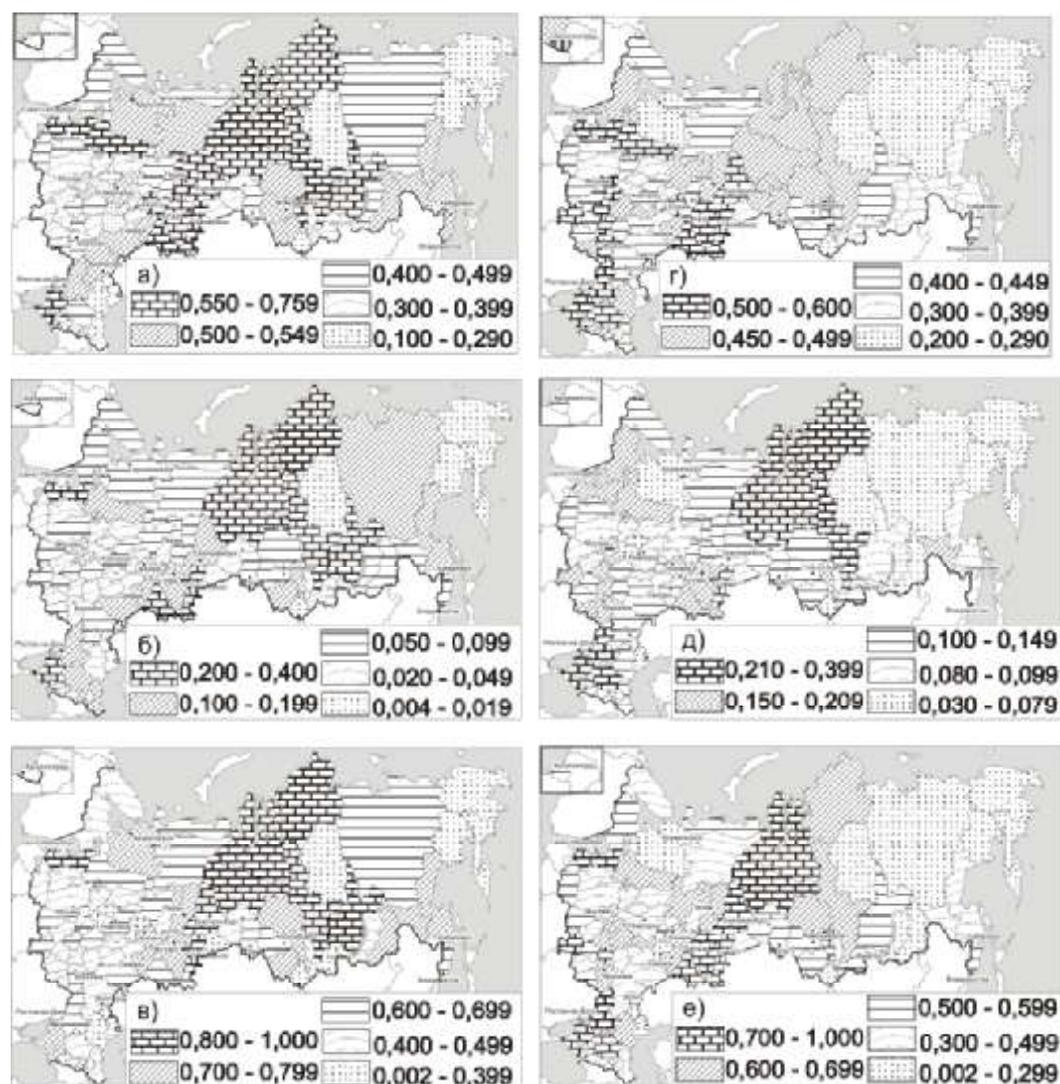

Рис. 2. Комплексная оценка антропогенного воздействия по регионам России, 2008 г.

(Индекс АВ рассчитан а, б, в – по абсолютным показателям; г, д, е – по относительным показателям.

Частные индикаторы нормированы методом: а, г – логарифмического масштабирования, б, д – линейного масштабирования, в, е – логарифмирования)

онов: (1) большие по площади с мощным, но достаточно локализованным АВ (Красноярский край, Тюменская, Архангельская, Ростовская, Вологодская, Иркутская области), (2) регионы крупных рек, которые находятся под большим антропогенным прессингом, но плотность воздействия не велика (Новосибирская, Омская, Пермская) и (3) мощные агропромышленные регионы (Ставропольский, Алтайский края), т.к. процесс территориальной концентрации производства в сельском хозяйстве шел не так, как в промышленности. В 1990-е годы преобладали

тенденции деконцентрации, обусловленные опережающим спадом производства в ведущих сельскохозяйственных регионах с наиболее интенсивным сельским хозяйством и ростом закрытости региональных рынков продовольствия.

Напротив, поднимаются в рейтинге при использовании относительных показателей промышленные регионы с локализованной нагрузкой (Тульская, Липецкая, Белгородская области) и особенно федеральные города. Из-за аграрной нагрузки усиливается экологическая напряженность в Черноземье и

южных регионах. Однако, «ядра» экологической напряженности, почти равномерно распределенные по территории страны, сохраняются при любом способе оценки. Это Челябинская, Свердловская, Кемеровская, Московская и Брянская области. Во всех федеральных округах есть регионы с высокой степенью АВ, значительно выделяющиеся по сравнению с другими, но по абсолютным показателям эти различия значительно больше. По плотности загрязнения более равномерно распределяется нагрузка в староосвоенных регионах, более локализована она за Уралом; по абсолютным показателям – максимальные объемы загрязнения во всех округах локализованы в 1-2 регионах.

Использование разных *методов нормирования* практически не меняет группу регионов с наибольшим уровнем АВ. При линейном масштабировании дисперсия наиболее высока, а среднероссийское значение значительно смещено относительно центра диапазона значений. При логарифмировании относительных показателей это смещение нивелируется, а абсолютных – меняет знак (рис. 3). С одной стороны, абсолютные показатели значительно более поляризованы, но с другой – можно получить принципиально разные результаты при преобладании в выборке значений ниже среднего. Каждый из методов нормирования имеет свои достоинства и недостатки, что отражается не только на рейтинге, но и на возможности отразить динамику и структуру АВ в регионе:

- нормирование методом логарифмирования так сильно выравнивает показатели, что не только «скрадываются» реальные различия, но и пропадает смысл вводить относительные характеристики: превышение максимального значения ИАВ над минимальным по абсолютным показателям составляет 3,4 раза, а по относительным – всего 2,27. Например, превышение площади нарушенных земель в Пермской области по сравнению с Воронежской составляет 50 раз, превышение доли нарушенных земель в общей площади региона составляет 16,5 раз, а превы-

шение логарифма плотности всего 2,5 раза. В результате выигрывают регионы со средней, но более равномерно распределенной по видам, нагрузкой. Главный недостаток – при логарифмировании абсолютных показателей структура АВ по блокам почти равномерная, а при использовании относительных показателей практически во всех регионах доминирует воздействие на воздух, на водные источники и земельные ресурсы. Роль остальных факторов (менее территориально дифференцированных) практически везде ниже среднего значения.

- при нормировании методом линейного масштабирования наблюдается максимальный уровень ранговой корреляции по относительным и абсолютным показателям. Это скорее недостаток метода, т.к. различия в рейтингах отдельных индикаторов значительны. Если в структуре комплексного показателя доминируют 2-3 фактора, как правило, повышаются рейтинги регионов Москвы, Тюменской, Вологодской области, Краснодарского края.
- логарифмическое масштабирование не только снимает чрезмерные различия индикаторов, но и адекватно отражает увеличение структуры АВ, по мере роста ИАВ. Структура АВ – важнейший показатель, т.к. именно он является основой для разработки приоритетов региональной экологической политики. Показатель структурного разнообразия (А), рассчитываемый как:

$$A = \sum_{i=1}^n X_i^2,$$

где i – вид воздействия, X – доля в суммарном индексе нагрузки, %, n – количество видов воздействия. Выбор приоритетного способа оценки АВ методом обучающей выборки⁴ показал, что наилучшим способом нормирования для экологических индикаторов нелинейным, логарифмическим

⁴ Формирование «обучающей выборки»: исходя из характера индекса, выделяются регионы-антагонисты, которые потенциально составляют полюса рассматриваемой проблемы. В обучающую выборку отбирались примерно по 10 регионов, которые со всей очевидностью занимают ту или иную позицию. В тоже время не включаются регионы, т.е. обладают чрезмерно выраженными максимальными и минимальными характеристиками по соответствующему индексу. Эти аномалии выявлялись диаграммами Бокса-Дженкинса, основан на статистических критериях.

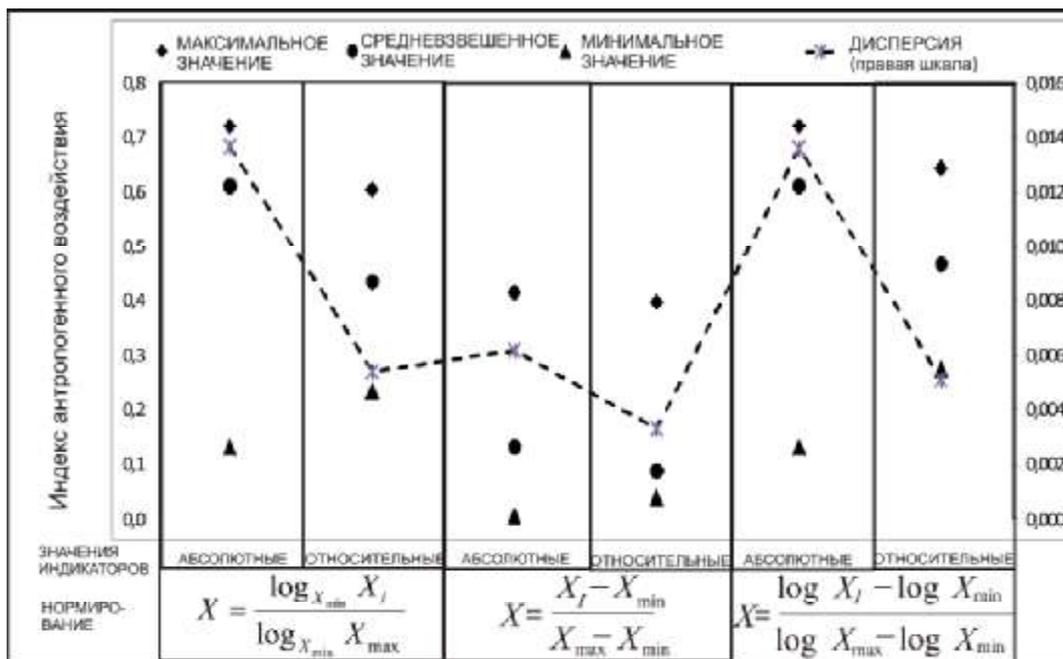

Рис. 3. Сравнительные характеристики методов нормирования абсолютных и относительных показателей

масштабированием. По индексу АВ выделяется пять типов регионов по уровню АВ, а по внутренней структуре комплексного показателя – подтипы.

1. Критический уровень АВ формируется в регионах, где унаследованное развитие или включение в глобальные процессы привели к тому, что воздействие стало не только мощным, но и сплошным. Ареалы глубоко измененной природы слились воедино. Здесь велики все виды АВ с небольшим преобладанием промышленной нагрузки. Максимальный рейтинг и по абсолютным и по относительным показателям АВ в Челябинской и Свердловской областях, где утяжеленная структура промышленности, одна из крупнейших в мире зон радиационного загрязнения – Восточно-Уральский радиоактивный след, образовавшийся после аварии в 1957 г. Несмотря на то, что уровень улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов в Челябинской области (84%) выше среднего по стране (74,8%), атмосферный воздух в промышленных городах сильно загрязнен, чему способствуют природные условия. На протяжении нескольких веков загрязнены малые реки, протекающие по территориям промышленных городов.

Некоторым преувеличением выглядит присутствие здесь Ленинградской области. Однако высокая доля мазута в топливном балансе, высокая концентрация «грязных» производств, строительство новых портов и трубопроводов, проблемы Ленинградской АЭС, самое высокое в стране водопотребление и нагрузка на леса обуславливают высокий уровень и относительного, и абсолютного воздействия. В Краснодарском крае самые высокие в стране потери воды при транспортировке (16% суммарного забора воды), более 80% загрязненных сточных вод сбрасываются без очистки, нагрузка на земельные ресурсы повышена и увеличивается в результате активного строительства.

К данному типу относятся регионы, где мощное промышленное и аграрное воздействие локализовано на ограниченной территории, и рейтинг по *относительным показателям несколько выше, чем по абсолютным*. Это либо регионы, где *структура АВ также определяется многими факторами* (Татарстан, Башкортостан Оренбургская, Воронежская, Ростовская, Кемеровская, Тульская области), либо *нагрузка формируется одним-двумя ведущими факторами*. В Брянской области экологическая ситуация опреде-

ляется последствиями аварии на Чернобыльской АЭС. В Москве и Московской области суммарный объем выбросов от автотранспорта равен выбросам Норильского комбината, недостаточно очищенные хозяйственно-бытовые и промышленные сточные воды городов и населенных пунктов, сельскохозяйственные стоки, а также поверхностный сток, поступающий с загрязненных водосборных площадей, количество отходов создают высокие уровни нагрузки на водные источники, земельные ресурсы. Недооценена нагрузка на леса из-за недоучета несанкционированных рубок. Вологодская и Липецкая области характеризуются АВ на атмосферу в сочетании с лесной или аграрной и водной. В Ставропольском крае экономия свежей воды одна из самых низких в стране (31%), значительны объемы сточных вод, нормативно очищенных вод нет. Здесь повышен также уровень радиационной нагрузки от хвостохранилища отходов уранового производства.

II. Высокий уровень АВ характерен для мощных промышленных регионов, специализирующиеся на топливной, черной металлургии, нефтехимии, у которых объемы воздействия значительно больше, чем плотность (Тюменская, Пермская, Томская, Самарская области, Красноярский край и Республика Коми). Воздействие промышленности, в частности ее добывающих отраслей при выполнении геологоразведочных, строительных работ, добыча и транспортировка полезных ископаемых, наносят значительный ущерб экосистемам Севера. В данном случае недооценен низкий потенциал устойчивости природного комплекса, плотность, рассчитываемая на площадь промышленного освоения, не позволяет оценить остроту проблемы, а значительные объемы водных ресурсов снижают данный вид воздействия. Серьезной проблемой является состояние фонда ликвидированных глубоких нефтяных разведочных скважин, эффективный контроль за которыми отсутствует.

Напротив, высокая плотность АВ определяет экологическую ситуацию в Новгородской, Калининградской, Мурманской, Сахалинской, Курской и Белгородской областях в основном из-за дефицита водных ресурсов. Наиболее ярким примером является Новгородская область традиционно воспринимаемая как один из самых чистых регионов. Однако ведущей экологической угрозой яв-

ляется состояние водных ресурсов области, т.к. котловинное положение, низкие уклоны поверхности, обусловленные молодостью рельефа, небольшая скорость течения малых рек и величина стока, т.е. сниженный потенциал самоочищения, становятся важнейшим фактором состояния вод. В Калининградской области основной объем загрязненных сточных вод приходится на предприятия ЖКХ (52%) и целлюлозно-бумажной промышленности (39%), а прирост нагрузки – за счет роста нефтедобычи на шельфе Балтийского моря. В Сахалинской области забор воды очень высокий, в т.ч. морской воды 82,9%, в войсковых частях, дислоцированных на Сахалине и Курильских островах.

III. Средняя степень экологической напряженности у регионов, у которых доля нагрузки на атмосферу снижена по отношению к водной, земельной, аграрной и лесной. В большинстве регионов произошло самое масштабное снижение объемов выбросов в 1,5 раза за последние 20 лет. Исключения составляют Омская область, у которой структура нагрузки близка к предыдущему типу и Санкт-Петербург, где воздействия на воздух, воду и землю высокой плотности локализованы на ограниченной территории, максимальными темпами растет объем твердых отходов и выбросов в атмосферу от автотранспорта. Нагрузка на водные источники максимальная, но стабильная.

Большинство регионов данного типа имеют примерно равные оценки как относительного, так и абсолютного воздействия. Всего 3 региона (Нижегородская, Иркутская, Саратовская области), у которых рейтинг по абсолютным объемам воздействия выше, чем по относительным из-за большого объема водных ресурсов. Напротив, следствием дефекта относительных показателей является присутствие в данной группе регионов с низкими абсолютными значениями большинства индексов – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи.

IV. Умеренный уровень АВ, характерный для 22 регионов, формируется из невысоких уровней практически всех видов АВ, кроме радиационной. Относительные показатели понижены в обширных регионах, располагающих значительными водными ресурсами Якутия, Новосибирская, Ульяновская, Читинская, Волгоградская, Пензенская, Владимирская и Тверская области. После снижения вы-

бросов в переходный период в регионах данного типа АВ стало наиболее равномерным. Архангельская область – один из самых недооцененных регионов при использовании относительных показателей, т.к. с одной стороны, *специфические виды загрязнения* Российского центра атомного судостроения в г. Северодвинск, космодрома “Плесецк”, а с другой, в состав площади земель специального назначения попадают военный космодром в Плесецке, а также полигон на архипелаге Новая Земля. Аналогично комплексный показатель статистически не может учесть для Алтайского края влияние полигона захоронения ядохимикатов, падения отделяющихся частей ракет-носителей, запускаемых с космодрома “Байконур”, общая площадь которых превышает 3 тыс. км². В Амурской области основу воздействия составляет влияние на леса и явно недооценена нагрузка на водные источники, в том числе и со стороны Китая.

Напротив, рейтинг по абсолютным показателям АВ ниже, чем по относительным в регионах, где экологические проблемы локализованы в отдельных ареалах, а в структуре явно выделяется воздействие на лесные ресурсы, земельные и аграрная нагрузка (Еврейская АО, Республика Марий-Эл, Северная Осетия, Ингушетия, Калмыкия, Магаданская область). Особое место занимает Республика Калмыкия, где все виды АВ снижены, кроме воздействия на воду. В выбросах в атмосферу не учитываются продукты выжигания растительных остатков, сопровождающегося выбросами тысяч тонн загрязняющих веществ, включая оксиды азота, серы, углерода, сажи, диоксины и др. Но все же главной остается проблема дефицита качественной питьевой воды, сброса сточных и коллекторно-дренажных вод с орошаемых площадей Сарпинской оросительно-обводнительной системы в оз. Сарпа. В Республиках Дагестан и Хакассия, Ивановской и Курганской областях рейтинг по абсолютным показателям воздействия такой же, как по относительным, т.к. вследствие спада производства в ключевых отраслях, АВ стало равномерным по структуре, а его локализация осталась прежней.

V. Пониженный уровень АВ характерен для 7 регионов. Основа данного типа – регионы, у которых низкое воздействие и значительные площади чистых ландшафтов являются их конкурентным преимуществом и

определенной компенсацией за меньший уровень экономического развития (Республики Алтай и Тыва, Камчатская область, Чукотский АО). Поскольку это в основном северные регионы малоосвоенной зоны, то основной вклад в загрязнение вносят ТЭК и ЖКХ. Республика Алтай – регион с уникальными природными и рекреационными ресурсами, слабо затронутых антропогенным воздействием, которое концентрируется в городах или местах добычи полезных ископаемых (нефти, золота, ртути). Но здесь есть также недооцененные регионы. В Астраханской области плотность выбросов в 3 раза ниже, чем в Ингушетии. Явно недооценена и водная нагрузка, соотнесенная с водностью Волги в ее низовьях, хотя неудовлетворительное положение сложилось с обеспечением населения доброкачественной питьевой водой.

Заключение. Экологические рейтинги регионов на основе комплексного индекса – эффективный метод определения приоритетов экологической политики. *Интегральный показатель обладает синергетическим эффектом, давая новое понимание сложности и многогранности экологической ситуации.* Но для того, чтобы рейтинг стал удобным инструментом при принятии решений, связанных с экологическим контролем и управлением природопользованием, необходимо четкое понимание специфики расчета комплексного показателя, ибо при разных способах расчета можно получить принципиально разные результаты.

1. Способ расчета, который, как правило, раскрывается в меньшей степени, чем собственно набор индикаторов, имеет существенное значение. При изъятии любого из показателей итоговый рейтинг изменится максимально на 34–38 пунктов, а при переходе от линейного к логарифмическому масштабированию – на 43–49 пунктов; при переходе на относительные показатели – на 52–67. Однозначно непригодным для экологических комплексных индексов надо признать рейтинговый способ нормирования, а метод линейного масштабирования при столь высокой дифференциации частных показателей существенно искажает итоговую картину.

2. Сравнение абсолютных и относительных индикаторов показало, что первые значительно легче интерпретируются и больше подходят для целей региональной экологической поли-

тики. Относительные же показатели сглаживают региональные различия, т.к. во всех регионах есть ареалы высокого уровня АВ. Вопрос значимости их – только в пропорции этих ареалов и относительно чистых земель.

3. Различия в территориальной структуре абсолютных показателей столь устойчивы, что применение разных способов нормирования, логарифмирование и даже набор показателей ее мало меняют. Абсолютные показатели выделяют экспортоориентированную сырьевую зону Таймыр-Ямал-Урал, где концентрируется свыше 55% промышленного производства и 70% выбросов в атмосферу страны. Причем в отличие от большинства староосвоенных регионов, специализирующихся на обрабатывающей промышленности, где загрязнение локализуется в городах и агломерациях, в добывающих регионах нового освоения воздействие рассредоточено по территории. Использование относительных показателей позволяет выделить староосвоенные районы: Урал, обе столицы и пристоличные агломерации, где усиливается АВ все последние десятилетия, регионы черной металлургии и развитые южные регионы.

4. В зависимости от цели исследования можно применять как абсолютные, так и относительные показатели. Если речь идет о влиянии на природный ландшафт или здоровье населения более оправдано применять абсолютные, т.к. весь объем загрязняющих веществ, поставляемый источником, распространяется в ландшафте и влияет на всю популяцию. Высокие значения АВ в регионах нуждаются в первостепенных мерах по их снижению, даже при низкой плотности, т.к. соотношение воздействия и потенциала природной среды определяет лишь время, когда проблема станет критической.

Задаче эколого-экономического мониторинга, сопоставляющего ИАВ с другими индикаторами устойчивого развития регионов, построенными в логике удельных характеристик, более адекватна оценка на основе относительных, плотностных показателей. Тем более, что в большинстве случаев она косвенно учитывает и емкость ландшафта (например, при нагрузке на водные источники). Использование относительных показателей ставит комплексный индекс в ряд с другими комплексными индексами, но абсолютные показатели более адекватны самой сути экологического состояния, т.к. масштаб АВ определяет не только современную, но и будущую ситуацию.

5. Разные методы расчета приводят к совершенно разным выводам при анализе не только территориальной структуры, но и динамики. Как показало изменение положения среднероссийской величины в период 1990–2008 г., построение индекса на основе абсолютных показателей нормированных методом линейного масштабирования, выявляет тенденцию к сжатию АВ в отдельных зонах. Напротив – относительные показатели логарифмированные делают структуру комплексного показателя более сбалансированной, показывая усиление равномерности в распределении АВ, наличии у каждого региона своего специфического набора проблем.

6. Структура интегрального показателя отражает природу пространственного распределения экологической напряженности, ее связь с конкурентными преимуществами, которыми обладают регионы. Становится понятным, что объяснить все проблемы решениями, принятыми 50 лет назад не удастся, причины экологических проблем намного глубже.

Библиографический список

1. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С. Индикаторы устойчивого развития: экономика, общество, природа. – Москва, 2008.
2. Бурцева Е.И. Геоэкологические аспекты развития Якутии – Новосибирск: Наука, 2006.
3. Гагарина О.В. Комплексная оценка степени загрязнения (качества) воды в нормативных документах РФ // Вестник Удмуртского ун-та / Биология. – Науки о земле. – 2009. – Вып. 2.
4. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды РФ Министерство природных ресурсов и экологии РФ. – М., 2009.
5. Живая планета – 2008. Доклад WWF Intl / WWF России, 2008.
6. Ивашкина И.В. Экологические основы территориального планирования в городе Москве // Проблемы региональной экологии. – 2010. – №1.
7. Милько Д.М. Экологические рейтинги в России // Экология производства. – 2005. – №11.

8. Нелегальные рубки на северо-западе России и экспорт российской лесной продукции в Швецию/ 2003 г., Всемирный фонд дикой природы (WWF), Россия.
9. Обзор деятельности по охране окружающей среды. Российская Федерация. OECD, 2004.
10. Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2009.
11. Оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза: Российско-германское методическое пособие. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2008.
12. Рейтинг регионов России. Независимое Экологическое Рейтинговое Агентство «НЭРА» <http://nera.biodat.ru/ratings/regions>
13. Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2009.
14. Рыбкина И.Д. Методика оценки состояния среды и качества жизни (на примере центров расселения Алтайского края) / География и природные ресурсы. – 2008. – №1.
15. Сосунова И.А. Социально-экологическая напряженность; методология и методика оценки / Социологические исследования. – 2005. – № 7.
16. Унгурияну Т.Н., Лазарева Н.К., Гудко А.Б. Оценка напряженности медикоэкологической ситуации в промышленных городах Архангельской области / Экология человека, 2006, №2.
17. Черногаева Г.М., Зеленов А.С., Зеленова М.С. Экологическая безопасность и загрязнение окружающей среды в регионах Российской Федерации / Окружающая среда и устойчивое развитие регионов: новые методы и технологии исследований. – Казань, 2009.
18. The Ecological Footprint Atlas (Brad Ewing, Steven Goldfinger, Mathis Wackernagel), 2008.

И.В. Коршакова
(г. Смоленск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (на примере Смоленской области)

Korshakova I.V. (Smolensk)

REGIONAL DISTINCTIONS OF THE MODERN SAVING PROCESS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE SMOLENSK REGION)

***Аннотация.** В статье рассматривается состав и использование денежных доходов населения в РФ и Смоленской области за последнее десятилетие. Проведен анализ состояния сберегательного процесса в РФ, выявлены ключевые особенности. Рассмотрены аспекты деятельности основных институтов инвестирования в стране и регионе.*

***Abstract.** The paper studies the composition and application of cash income of the population in the Russian Federation and in the Smolensk Region for the last decade. The analysis of the saving process in the Russian Federation was carried out and its key particularities are identified in the paper. The author also studies the work of the major investment institutions in the country and in the region.*

***Ключевые слова:** денежные доходы, денежные расходы, инфляция, инвестиции, сберегательный процесс, сбережения, финансовый рынок*

***Key words:** cash income, cash outlay, inflation, investments, saving process, savings, financial market.*

В современной рыночной экономике сбережения населения выступают важным внутренним источником инвестиций, занимая особое место в экономических процессах, поскольку они находятся на стыке интересов граждан, государства и организаций, специализирующихся на предоставлении финансовых услуг. Уровень сбережений населения и основные стратегии их использования являются индикаторами уровня жизни населения. Важнейшим критерием благосостояния

являются доходы населения, анализ динамики их уровня и структуры – необходимое условие разработки стратегии социально-экономического развития России.

Оценивая общий объем денежных доходов за период с 2000 г. по 2009 г. в РФ можно проследить тенденцию стабильного роста доходов в 7,1 раза, при этом доходы от предпринимательской деятельности выросли в 4,5 раза, социальные выплаты в 7,7 раз, оплата труда наемных работников в 7,4 раза (таблица 1).

Состав и использование денежных доходов населения в РФ, млрд.руб.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Денежные доходы – всего	3983,9	5325,8	6831,0	8900,5	10976,3	13819,0	17290,1	21311,5	25231,6	28452,3
в том числе:										
доходы от предпринимательской деятельности	612,2	672,2	810,7	1066,9	1285,5	1580,3	1915,1	2133,8	2583,5	2748,2
оплата труда	2501,9	3439,5	4493,9	5691,9	7137,9	8782,1	11237,1	14381,9	16526,0	18538,4
социальные выплаты	551,1	808,3	1040,5	1253,4	1407,4	1755,6	2080,4	2477,7	3334,0	4247,7
доходы от собственности	270,9	304,6	353,8	694,5	904,2	1424,6	1720,7	1892,6	2282,5	2346,6
другие доходы	47,8	101,2	132,1	193,8	241,3	276,4	336,8	425,5	505,6	571,4
Денежные расходы и сбережения – всего	3983,9	5325,8	6831,0	8900,5	10976,3	13819,0	17290,1	21311,5	25231,6	28452,3
в том числе:										
покупка товаров и оплата услуг	3009,4	3972,8	5001,8	6147,2	7670,7	9613,8	11927,6	14831,4	18696,5	19777,3
обязательные платежи и разнообразные взносы	309,9	473,0	586,9	737,5	1000,9	1389,6	1813,0	2503,9	3094,8	3002,5
приобретение недвижимости	47,7	75,4	119,8	180,1	255,2	352,2	572,3	834,0	1194,7	838,8
прирост финансовых активов	616,9	804,6	1122,5	1835,7	2049,5	2463,4	2977,2	3142,2	2245,6	4833,7
из него прирост, уменьшение (-) денег на руках у населения	110,1	104,0	119,2	241,2	196,1	204,7	583,9	819,0	92,0	109,9

Источник: Российский статистический ежегодник. Ст.сб./Росстат. С.173, 189.
официальный сайт Росстата: www.gks.ru

Структура использования доходов также претерпела значительные изменения за период с 2000 по 2009 гг. Значительно возросли расходы на приобретение недвижимости в 17,5 раз, прирост финансовых активов в 7,8 раза, расходы на покупку товаров и оплату услуг в 6,6 раза. Наличные денежные средства на руках у населения значительно выросли за период с 2000 по 2007 гг. (в 6,3 раза). Если в 2008 г. наблюдалось резкое падение, то в 2009 г. данный показатель возрос и составил 109,9 млрд.руб. Однако, данный показатель в 7,5 раза оказался меньше величины 2007 г. (819,0 млрд.руб.)

Стоит отметить, что в последнее время увеличивается доходное расслоение граждан. Социально-экономическая дифференциация по доходам неизбежна в силу целого ряда причин: объективных различий в оплате труда, социальных приоритетов поддержки тех или иных видов деятельности, более высоких доходов в предпринимательской среде и т.д. Однако, процессы, происходящие в экономике России и других странах СНГ, характеризуются наиболее острой фор-

мой неравенства – поляризацией доходов [5].

Наилучшим образом доходная дифференциация демонстрирует распределение населения по уровню среднедушевых доходов и представляет собой показатели численности постоянного населения, сгруппированные в заданных интервалах этих доходов. Анализ статистических данных за период 2004–2009 гг., представленных Росстатом, показывает, что основной прирост доходов происходит у высокодоходных групп. Так, например, доля населения с доходами свыше 15 000 руб. в 2004 г. составляла 6,4 %, т.е. 9,1 млн. человек, а в 2009 г. увеличилась до 40,4 %, что от общей численности населения составляет 57,2 млн. человек, т.е. более чем в 6 раз.

Явную проблему представляет собой значительная межрегиональная дифференциация населения по уровню доходов. При этом фактор экономического развития региона (благополучный или депрессивный) усугубляется факторами территориального расположения (центральная или периферийная область) и типа поселения (городская или сельская местность). Высокая межрегиональная

Таблица 2

**Структура денежных доходов населения в Смоленской области
(в процентах от общего объема денежных доходов населения субъекта)**

	Доходы от предпринимательской деятельности			Оплата труда			Социальные выплаты			Доходы от собственности			Другие доходы		
	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009
Российская Федерация	15,4	11,4	9,7	36,5	39,6	41,2	13,8	12,7	14,9	6,8	10,3	6,5	27,5	26,0	27,7
Центральный федеральный округ	14,1	9,8	7,8	26,5	34,2	40,6	15,1	11,5	13,6	10,5	18,1	11,4	33,7	26,4	26,6
Смоленская область	21,5	15,4	10,6	34,3	38,7	37,7	15,5	18,0	18,6	1,6	3,7	3,9	27,1	24,2	29,2

Источник: Российский статистический ежегодник. Ст.сб./Росстат. С.174.
официальный сайт Росстата: www.gks.ru

дифференциация является следствием комплекса причин:

- различие в стоимости жизни и объемах потребления тех или иных товаров и услуг в различных местностях;
- социально-экономическое развитие региона;
- состав внутреннего рынка и регионального рынка труда;
- развитость бизнес-среды и рыночной инфраструктуры;
- отраслевая и эмпирическая ориентация региона, и соответственно, его инвестиционная привлекательность.

По данным Росстата, самая низкая дифференциация наблюдается в депрессивных районах. Это связано с тем, что здесь в относительном выражении бедных гораздо больше, а богатых гораздо меньше, чем в благополучных районах. В этих регионах практически все население одинаково бедное. Например, к таким регионам относятся Ивановская область, Тверская область, Республика Алтай.

Самая высокая дифференциация населения по доходам наблюдается в наиболее благополучных регионах – Москве и Тюменской области. С другой стороны, как раз в благополучных регионах самая низкая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. По состоянию за 2009 г. доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Москве составила 10,3 %, Тюменской области – 12,3 %, а в Ивановской области - 22,7 %, в Республике Алтай – 32,2 %. Низкая доля в благополучных регионах объясняется концентрацией в этих центрах наиболее обеспеченных слоев населения. В Смоленской области доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 14,8%.

Рассматривая состав денежных доходов населения в Смоленской области можно от-

метить следующее, что в целом также отмечается тенденция роста доходов. Но доля социальных выплат выше, чем в среднем по РФ и ЦФО (18,6% против 14,9% и 13,6% соответственно) (таблица 2).

Анализируя структуру использования денежных доходов в Смоленском регионе, стоит отметить, что доля доходов, направленных на приобретение недвижимости ниже, чем по России и ЦФО. Но выше прирост финансовых активов. (таблица 3).

Экономическая ситуация в стране, государственная политика в отношении доходов населения, отраслевая структура производства в значительной мере определяют уровень, структуру и динамику доходов населения в стране.

За последнее десятилетие в России переход от государственной системы формирования доходов населения и гарантированной системы социального обеспечения всего населения к рыночным принципам формирования доходов граждан вызвал кардинальные изменения во всей системе доходов. Особенностью современной России является и то обстоятельство, что получатели средней заработной платы вынуждены тратить на питание больше половины ее размера, что негативно сказывается на возможности накоплений. Финансовый кризис в 2008 г. существенно повлиял на сберегательное поведение населения, что нашло отражение в снижении тенденций к росту вложений в организованные формы и оттоком капитала из банков, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, что свидетельствует о снижении доверия к организованным финансовым структурам.

Кроме этого, необходимо отметить еще один важный фактор, который оказывает существенное влияние на динамику сбережений – индекс потребительских цен. При сни-

*Структура использования денежных доходов населения в Смоленской области
(в процентах от общего объема денежных доходов населения)*

	Покупка товаров и оплата услуг			Обязательные платежи и разнообразные взносы			Приобретение недвижимости			Прирост финансовых активов			из него прирост, уменьшение (-) денег на руках у населения		
	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009
Российская Федерация	75,5	69,6	69,5	7,8	10,1	10,6	1,2	2,5	2,9	15,5	17,8	17,0	2,8	1,5	0,4
Центральный федеральный округ	85,2	71,5	67,9	10,0	10,0	11,1	1,9	4,2	5,8	2,9	14,3	15,2	-8,8	-3,1	-2,1
Смоленская область	78,1	72,3	70,3	4,7	8,6	9,6	0,6	1,6	1,5	16,6	17,5	18,6	8,7	-0,1	1,5

Источник: Российский статистический ежегодник. Ст.сб./Росстат. С.199.
официальный сайт Росстата: www.gks.ru

жении инфляции – склонность к сбережениям растет и наоборот, при росте инфляции – склонность к сбережениям падает, что свидетельствует о действии основного психологического закона, открытого Дж. Кейнсом.

Важная часть сберегательного процесса – субъекты финансового и кредитно-денежного рынка, которые перераспределяют сбережения в инвестиции для развития общества через механизм спроса и предложения [3].

Исторически первыми рыночными институтами, выполняющими функцию трансформации сбережений в инвестиции, являлись банки. Аккумулируя с помощью депозитных операций большое количество различных по объему сбережений населения, банки осуществляют их количественную и качественную трансформацию, создавая колоссальные дополнительные финансовые ресурсы для развития экономики.

Следует отметить, что рынок банковских депозитов сегодня является наиболее динамично развивающимся сегментом российского рынка банковских услуг. И прежде всего это связано с развитием рынка вкладов населения. Коммерческие банки продолжают оставаться основными «сборщиками» сбережений населения и основными поставщиками долгосрочных инвестиционных ресурсов. Несмотря на то, что доходность по банковским вкладам не превышает уровень инфляции, банковские вклады для большинства населения остаются самым популярным видом вложений.

По состоянию на 1 января 2011 г. действующих кредитных организаций, зарегистрированных Банком России, составляет 1012 единиц. Если рассматривать в разрезе по федеральным округам, то необходимо отметить, что 585 кредитных организаций или 57,7% от общего количества размещены в

Центральном федеральном округе, в т.ч. 525 (51,9 % от общего количества) организаций в г. Москва и Московской области.

По состоянию на 01.07.2010 года банковская сеть Смоленской области представлена 4 региональными кредитными организациями с 6 филиалами на территории области и 4 филиалами за ее пределами, а также 14 филиалами «иногородних» кредитных организаций, из них 5 филиалов Сбербанка России ОАО.

Кроме того, банковскую деятельность на территории региона осуществляют 109 дополнительных офисов, 88 операционных касс вне кассового узла, 25 – операционных офиса, 2 – кредитно-кассовых офиса и 2 представительства кредитных организаций других регионов.

По данным на 01.01.2011 объем размещенных средств населения во всех кредитных организациях, зарегистрированных Банком России, превысил 9 818 млрд.рублей. Доля ЦФО в общем объеме вкладов физических лиц составляет 45,8% (3625 млрд.рублей), при этом доля Москвы в общем объеме занимает 31,5% (2 491 млрд.рублей).

Кроме г.Москва, по объему вкладов физических лиц в ЦФО также лидирующие позиции занимает Московская область – 371,1 млрд.руб. (10% от объема вкладов ЦФО), Воронежская область – 137,8 млрд.рублей (3,7%). Самый низкий объем вкладов из регионов ЦФО в Костромской области – 28,4 млрд. рублей (доля в ЦФО 0,78%). По состоянию на 01.01.2011 г объем вкладов физических лиц в Смоленской области составил 32,3 млрд.рублей (0,9 % в объеме вкладов ЦФО). Если рассмотреть объем вкладов на душу населения, то необходимо отметить, что первое место (не учитывая Москвы, где на душу населения объем вкладов составляет 235 843 рублей) занимает Воро-

нежская область (60 943 руб.), второе место Московская область (54948 руб.). Самый низкий объем вкладов на душу населения составляет в Брянской области - 23849 руб. В Смоленской области этот показатель составляет 33 424 руб.

На рынке вкладов физических лиц, привлеченных банковским сектором, по-прежнему доминировали отделения Сбербанка России. В Смоленской области на отделения Сбербанка приходилось на 01.07.2010 – 80,5%. В первом полугодии 2010 года в Смоленском регионе наблюдался быстрый рост вкладов населения в региональных банках – темпы прироста составили 41,8% и их удельный вес во вкладах физических лиц банковского сектора региона увеличился с 5,9 до 7,6 %.

Альтернативными инструментами сберегательного процесса, обеспечивающими трансформацию сбережений в систему инвестиционных ресурсов, являются инструменты фондового рынка. В России получили широкое распространение институциональные инвесторы фондового рынка: паевые инвестиционные фонды и общие фонды банковского управления.

Паевые инвестиционные фонды – это инструмент коллективного инвестирования, с помощью которого физические и юридические лица передают свои средства управляющей компании с тем, чтобы она вложила их в ценные бумаги для получения прибыли.

Преимуществами инвестиционных фондов явились диверсификация и страхование рисков, профессиональное управление, надежность и информационная открытость, низкие транзакционные издержки и затраты инвестирования, возможность выхода мелким инвесторам на фондовый рынок, высокая доходность инвестиционных фондов, жесткий контроль со стороны государства, высокая ликвидность пая и особый льготный режим налогообложения.

За первое полугодие 2010 г. совокупная стоимость чистых активов ПИФов увеличилась на 0,4% до 382,4 млрд.руб. (за аналогичный период 2009 г. возросла на 19,9%) [2].

Другим финансовым институтом фондового рынка, привлекающим сбережения частных граждан, являются общие фонды банковского управления. Они представляют собой расширенную форму доверительного управления, которая выражается в объеди-

нении имущества многих учредителей с целью эффективного управления на финансовом и фондовых рынках. Общие фонды банковского управления как институт фондового рынка зарождались одновременно с паевыми инвестиционными фондами. Однако, финансовые кризисы 1998 г., 2008 г., приостановили деятельность общих фондов банковского управления. Но в последнее время наметилась тенденция развития данного инструмента. Так по данным Центрального Банка России в первом полугодии 2010 г. результаты деятельности общих фондов банковского управления свидетельствуют о начале восстановления интереса инвесторов к данному инструменту. Стоимость чистых активов общих фондов банковского управления возросла на 8,2% до 6,6 млрд.руб., тогда так в аналогичный период 2009 г. она снизилась [2].

Также финансовым институтом, который необходимо отметить, являются негосударственные пенсионные фонды.

Негосударственный пенсионный фонд представляет собой специализированную некоммерческую организацию социального обеспечения, задачей которой является формирование пенсионного обеспечения для ее участников.

С момента создания в начале 1990-х годов Пенсионного фонда РФ – специального финансово-кредитного учреждения, основной функцией которого является финансирование выплаты всех видов государственных пенсий, в России началась эпоха реформирования системы пенсионного обеспечения, в ходе которой изменялся порядок финансирования, частота, размеры пенсий и индексаций, правовой статус всех участников пенсионного страхования. Негосударственные пенсионные фонды осуществляют деятельность на основании Федерального закона N75-ФЗ от 07.05.1998 «О негосударственных пенсионных фондах».

По состоянию на 01.01.2010 г. число негосударственных пенсионных фондов составило 165 ед., по сравнению с 2000 г. их количество сократилось на 37%. При этом численность участников системы негосударственного пенсионного обеспечения увеличилась в 2 раза и по итогам 2009 г. составила 6757 тыс.человек. Необходимо отметить, что доля получателей негосударственной пенсии от общей численности

пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, составляет всего 3,3% [4]. Это свидетельствует о низком уровне использования данного финансового инструмента. Связано это с особенностями формирования российской пенсионной системы. На территории Смоленской области осуществляют свою деятельность 7 НПФ.

Формирование традиций, привычек работы с инвестиционными инструментами приобретает особое значение в условиях развивающихся финансовых рынков. В современной России в целом, и Смоленском регионе в частности, объем неорганизованных сбережений значительно превышает размеры организованных сбережений населения. Так, исследование, проведенное «Агентством по страхованию вкладов» совместно с ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», показало, что на вопрос о предпочтительных формах сбережения 21% респондентов ответили «храню в наличных рублях». Второе место принадлежит счетам и вкладам в банке (12%), а третье – накоплениям в наличной валюте (3%). В 2007 году наиболее распространёнными ответами на аналогичный вопрос являлись: наличные рубли (26%), счета и вклады в банке – 11%, вложение в развитие собственного бизнеса (2%).

Сила привычек, уровень образования, преобладающие в настоящее время, и прошлый опыт оказывают серьезное влияние на выбор инструментов и способов использования сбережений населения.

Анализ состояния сберегательного процесса в России за период 2000–2009 гг. позволяет сделать следующие выводы:

- существенная дифференциация доходов населения;
- определенная часть населения имеет предпосылки для накопления денежных средств;

- под влиянием инфляции люди рассматривают различные формы сбережения;
- подавляющая часть свободных средств населения остается в неорганизованной форме;
- вследствие финансовых кризисов произошло существенное снижение доверия населения к банковской системе России;
- на сберегательный процесс влияет низкая информационная осведомленность населения о возможностях диверсификации накоплений.

Данные особенности характерны и сберегательному процессу в Смоленской области.

Институциональные основы сберегательного процесса в странах с развитой рыночной экономикой характеризуется постоянным ростом разнообразия и усложнения форм сбережений, что оказывает большое влияние на развитие и совершенствование самого механизма трансформации сбережений населения в инвестиции. В результате становится возможной реализация как макро-, так и микроэкономических функций сбережений, причем эффективность их реализации зависит от четкого определения и согласования интересов и мотивов всех участников сберегательного процесса [1].

Система сбережений является открытой системой, развивающейся, самоприспосабливающейся с изменяющейся совокупностью финансовых институтов. Поэтому наличие того или иного института в национальной системе сбережения не является раз и навсегда заданным, институты сливаются, трансформируются, возникают новые. Исходя из этого, одной из задач в современной экономической политике России является развитие рынка сбережений – системы отношений по формированию эффективных инструментов мобилизации сбережений населения и трансформации их в инвестиции для экономики страны.

Библиографический список

1. Каврук Е.С. Сбережение населения и инвестиционный процесс. Условия развития частного инвестирования в России // Российское предпринимательство. – 2010. – №9. – С. 29–32.
2. Обзор финансового рынка. Первое полугодие 2010 г. – № 2 (69)
3. Пешехонов Ю.В. Взаимоотношения населения с финансово-кредитной системой в условиях становления рыночной экономики // Финансы. – 2003. - № 3. – С. 55–58.
4. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат.сб. / Росстат. – Р76 М., 2010. – 813 с.
5. Севрюкова С.В. Роль сбережений в развитии инвестиционных процессов // Управленческий учет. – 2009. – № 2. – С. 98–102.

И.Ф. Кузьминов
(г. Москва)

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Kuzminov I.F. (Moscow)

THE REPUBLIC OF KARELIA: CURRENT CONDITIONS AND PERSPECTIVES OF THE TIMBER INDUSTRY

Аннотация. В статье рассмотрены конкурентные преимущества и недостатки лесопромышленного комплекса (ЛПК) республики Карелия, обусловленные ее географическим положением. Описаны принципиальные различия в пространственных стратегиях двух крупнейших лесопромышленных предприятий республики и некоторые социальные и экологические последствия этих различий для соответствующих административно-территориальных единиц.

Abstract. The article considers competitive advantages and disadvantages of the timber industry of the Republic of Karelia determined by its geographical position. Radical differences in spatial strategies of the two largest timber processing enterprises of the republic have been described, along with some of their social and ecological implications for the relevant administrative divisions of the republic.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, целлюлозно-бумажная промышленность, СЗФО, Карелия.

Key words: timber industry, pulp-and-paper industry, North-Western Federal District, Karelia.

Введение. Лесопромышленный комплекс (ЛПК) характеризуется сильной зависимостью на всех уровнях своей территориальной организации от географических факторов. При этом в пределах ареала произрастания древесных пород, зависимость от физико-географических факторов значительно менее выражена, чем от факторов экономико-географических, что объясняется непрерывностью размещения и малой концентрацией эксплуатируемого ресурса. Такое размещение сырьевой базы делает инфраструктурную доступность леса ключевым фактором его освоения в пределах ареала распространения.

На уровне страны в целом это означает тяготение ЛПК к области пересечения Главной полосы расселения и зоны наибольшего климатического благоприятствования произрастанию древесных пород. Это привело к подрыву сырьевой базы в Центре Европейской России. В результате, современный ЛПК тяготеет к переходной зоне между ядром хозяйственного освоения, где можно развернуть необходимую инфраструктуру, и периферией, сохранившей ресурсную базу. В эту зону попадают территории, расположенные севернее и восточнее Центрального экономического района и западнее Уральских гор, из них наиболее интенсивные лесозаго-

товки ведутся в Карелии, на севере Вологодской области, юге Архангельской области и в республике Коми.

Лесопромышленный комплекс республики Карелия на фоне крупнейших ЛПК Северо-Запада. Для сравнительной характеристики ЛПК Карелии, ее показатели были сопоставлены с 4 другими регионами СЗФО, значительно опережающим все остальные по объемам лесозаготовки: Архангельской, Вологодской и Ленинградской областями, республикой Коми. В остальных субъектах округа, включая Санкт-Петербург, нет крупных целлюлозно-бумажных комбинатов, которые, как правило, определяют динамику и породно-возрастную структуру заготовок древесины. Соответственно, объемы заготовок в них невелики. Так, Новгородская область занимает только 16-е место в России по этому показателю, Псковская – 29-е, Калининградская – 49-е, Мурманская – 54-е. Пять ведущих лесопромышленных регионов Северо-Запада также резко выделяются по роли лесозаготовительной отрасли для рынка труда (табл. 1).

С распадом СССР и прекращением политики дотирования лесозаготовок и строительства новой лесозаготовительной инфраструктуры [14], значимость имеющейся ин-

Таблица 1

Доля лесозаготовок в занятости населения по регионам СЗФО

Территориальная единица	Доля работников организаций, занимающихся лесозаготовкой, в среднегодовой численности занятых в экономике, %*	
	2005	2008
Республика Карелия	3,6	2,3
Архангельская область, включая Ненецкий А.О.*	3,5	2,3
Республика Коми	2,7	2,2
Ленинградская область	2,7	2,0
Вологодская область	2,7	1,7
СЗФО	1,3	0,9

* Лесозаготовки в Ненецком округе практически не ведутся в силу климатических причин, численность занятых в экономике А.О. составляет около 5% от области.

* Расчеты автора по данным таблиц 4.2 и 15.42 [12].

фраструктуры возросла, о чем свидетельствует значительно более резкое падение объемов заготовок древесины в наиболее периферийных и богатых лесом Архангельской области и республике Коми. Они сравнялись по этому показателю с относительно освоенным Карелией и Вологодской областью. Что до Ленинградской области, то она практически вышла на уровень заготовок 1990 года, притом, что в целом по России этот показатель остается в 2,5 раза ниже, чем в 1990 г. (рис. 1)

Доля лесной промышленности в структуре промышленного производства не может быть вычислена по официальной статистике, публикуемой в справочниках [12], поэтому использовались другие источники, включая сайты регионов. Наиболее высока эта доля в Архангельской области (49,6% стоимости промышленной продукции в 2008 году) [8], Карелии (около 40% в 2009 г.; 41% в 2005 г.) [6; 11] и Коми (20–23% в 2000-е гг.) [13]. Большая часть стоимости, производимой ЛПК этих регионов, создается целлюлозно-бумажной промышленностью (ЦБП). Менее значим ЛПК для Ленинградской области (12,7%, в т.ч. 10,5% – ЦБП) [10]. Из пяти регионов, только в Вологодской области значимость ЛПК для экономики невысока (3,8% стоимости промышленной продукции), что связано со специализацией на металлургии (более 50% промышленного производства) и практическим отсутствием ЦБП (производится менее 20 тыс. тонн целлюлозы в год [9]). Все же Вологодская область распола-

гает мощным и успешным лесопромышленным комплексом, хотя и смещенным в нижние этажи технологических цепочек и отчасти ориентированным на поставки сырья в другие регионы,

Северо-Запад России – это территория с обширными и относительно менее истощенными, чем в староосвоенных регионах, запасами леса. Здесь гарантирована широкомасштабная заготовка древесины в течение многих лет, что делает возможным развертывание целлюлозно-бумажной промышленности, требовательной, помимо электроэнергии и воды, к мощности и стабильности потока сырья. Именно отсутствие гарантированной долгосрочной ресурсной базы – причина того, что до сих пор не был реализован ни один из новых планов строительства целлюлозно-бумажных комбинатов (ЦБК) в Центральной России (например, в Костромской, Нижегородской областях) [5].

Архангельская область, республики Коми и Карелия, Ленинградская область уже располагают мощными ЦБК. Разные предприятия специализируются на выпуске различных видов товарной целлюлозы (беленая, небеленая, сульфатная, сульфитная, лиственная, хвойная) и различных видов бумажной продукции (газетная бумага, тарный картон, бумажные мешки, гигиенические изделия из бумаги). Поэтому острой конкуренции между ними не наблюдается.

Все рассматриваемые регионы, кроме Архангельской области, располагают, по-

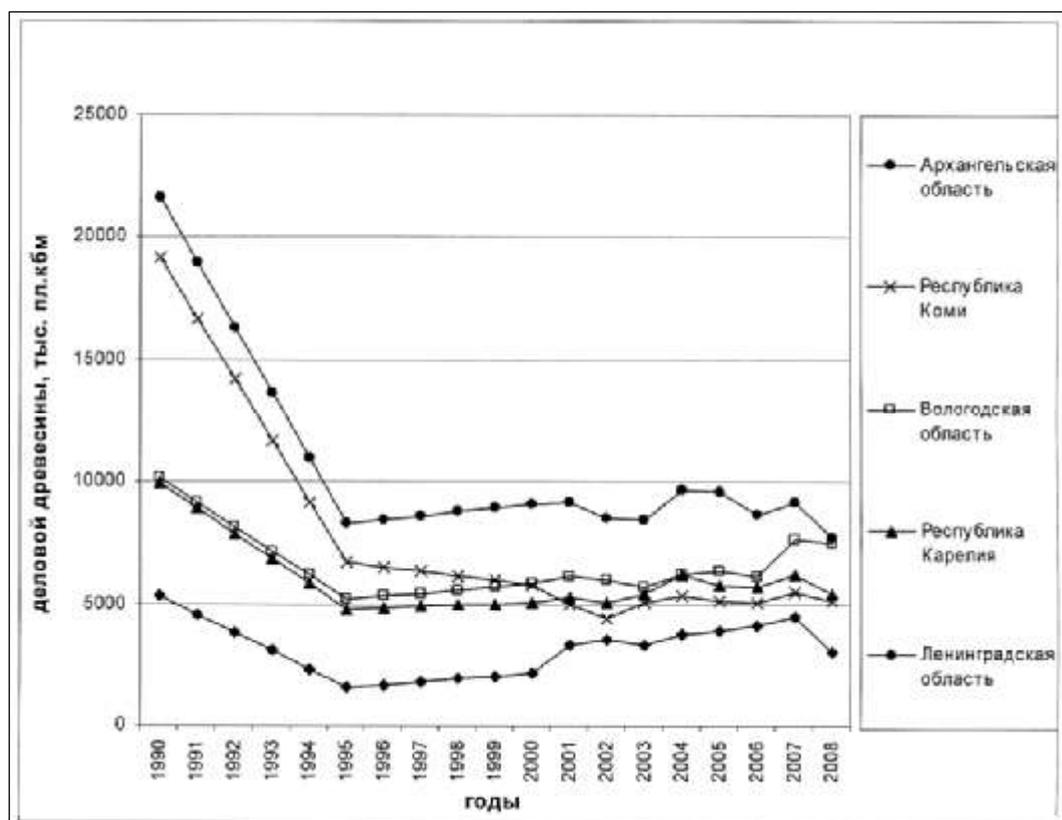

Рисунок 1. Динамика производства деловой древесины в ключевых регионах Северо-Запада России в 1990–2000-е годы

* Данные по архангельской области приведены, включая Ненецкий АО, вклад которого ничтожен.

* Данные за 1991–1994, 1996–1999 гг. получены интерполяцией данных за 1990, 1995, 2000 гг.

мимо ЛПК, мощными производствами других отраслей промышленности, которые зачастую территориально оторваны от центров ЛПК. Поэтому ареалы их влияния на социально-экономическую жизнь муниципалитетов обычно разведены. Например, в Карелии комбинат металлизированных окатышей в Костомукше удален от крупных мощностей ЛПК и доминирует в социально-экономической жизни на локальном уровне. Правда, есть пример совмещения отраслей в одном районе (Сегежском), хотя в нем расположено менее значимое производство (Надвоицкий алюминиевый завод), соседствующее с мощным целлюлозно-бумажным комбинатом. Первое, поэтому, не оказывает ярко выраженного влияния на доходы и занятость местного населения. Картину территориального разведения зон влияния можно наблюдать и в Вологодской области. Череповец существенно удален от ключевых лесопромышленных районов: Вытегорско-

го и Великоустюгского, расположенных на северо-западной и северо-восточной периферии области. В республике Коми ЛПК базируется вокруг Сыктывкара, в то время как топливная промышленность на крайнем северо-востоке. В меньшей степени это выражено в компактной Ленинградской области с ее плотной сетью промышленных городов. Все это говорит о том, что для значительной части Северо-Западного ФО состояние ЛПК служит важным фактором занятости населения и состояния бюджетов муниципалитетов.

В целом, сравнение ЛПК Карелии и других лесопромышленных регионов Северо-Запада показывает, что по объемам и структуре производства продукции он не выделяется принципиально. Поэтому его анализ может быть полезен для понимания современных особенностей и проблем территориальной организации ЛПК на региональном уровне. И все же ряд географических фак-

торов ставит республику Карелия по отдельным аспектам в особое положение по сравнению другими региональными ЛПК севера Европейской части России.

Географические аспекты лесопромышленного производства республики Карелия¹.

С точки зрения экономико-географического положения, три ключевые характеристики республики Карелия – это (1) близость к Санкт-Петербургу как ядру хозяйственного развития Северо-Запада России и второму по значимости экспортно-импортному каналу страны; (2) протяженная граница со страной ЕС, обладающей развитыми деревоперерабатывающими мощностями; и (3) обширный доступ к водным путям, доступным для судов относительно крупного водоизмещения.

Из трех перечисленных факторов, именно близость к границе была определяющим фактором для лесопромышленного комплекса до недавнего времени, поскольку в Финляндию шли мощные потоки балансов для целлюлозно-бумажной промышленности, причем через таможенные посты, расположенные в самой Карелии (Сортавала, Костомукша, Пяозерский и т.д.). Политика повышения таможенных пошлин на экспорт необработанного леса из России заставила финскую целлюлозно-бумажную промышленность переориентироваться на сырье с лесных плантаций южных стран, поставляемое морскими путями и на продукцию спешно мобилизованной национальной лесозаготовительной отрасли, причем не столько ради снижения издержек, сколько для минимизации рисков [1]. В результате, в 2009 году по сравнению с 2006 годом объемы поставок необработанных лесоматериалов из Республики Карелия на экспорт сократились в 3 раза [11]. Идущее устрожение таможенных правил, не только в части касающейся экспорта лесоматериалов, но и импорта техники и пребывания зарубежных граждан, ведущих экономическую активность на территории России, привели в последние годы также к снижению интенсивности приграничного взаимодействия.

Так, свертывается практика сезонной заготовки древесины в Карелии по заказам российских компаний финскими частными лесозаготовителями, живущими на приграничных территориях. Это было вызвано изменением правил ввоза-вывоза техники, в результате которого возникла необходимость провозить технику через таможню в Санкт-Петербурге, что повысило издержки перемещения через границу в десятки раз.

Близость к водным путям — не только к системе Онежского и Ладожского озер, Волго-Балтийского и Беломоро-Балтийского каналов, но и к локальным водным путям внутри территории на первый взгляд сегодня не играет ключевой роли. Ведь основная часть потоков сырья замкнута в пределах Сеgezского, Кондопожского, Медвежьегогорского муниципальных районов, в рамках сырьевых баз крупных перерабатывающих предприятий. Переработанная продукция не является настолько массивной, чтобы требовать обязательной перевозки по водным путям. Так, потоки сырья на юго-востоке Карелии идут по автомагистралям вдоль восточного берега Онежского озера, поступая из Пудожского района республики и соседних районов Вологодской и Архангельской областей на перерабатывающие предприятия в Кондопоге и Медвежьегогорске. Центральные и северные районы замкнуты в сырьевом плане на Сеgezе. Значение внутренних водных путей было последние годы существеннее для северо-западных районов Вологодской области (Вытегорский район, с крупными лесопогрузочными терминалами на системе каналов, Белозерский и Вашкинский районы, рентабельность лесозаготовок в которых во многом определяется возможностью транспортировать лес через Белое Озеро), чем для Карелии. Так, если в Вологодской области в 2009 году соотношение транспортировки леса водным и железнодорожным транспортом было 0,8 [расчеты по данным 9] то в Карелии в 2005 0,13 [расчеты по данным 6]. Что касается обилия внутренних водных путей, то этот аспект

¹ Раздел написан не только на основе анализа литературы и статистики, но также по данным полевого исследования, предпринятого автором в августе 2010 года и охватившего, в порядке следования, Белозерский, Вашкинский, Вытегорский районы Вологодской области; Пудожский, Медвежьегогорский, Муезерский, Беломорский, Сеgezский, Кондопожский, Прионежский районы Республики Карелия. Там где не даны ссылки на изданные литературные источники, источником данных являются интервью с чиновниками муниципальных администраций и участковых лесничеств, предоставленные ими документы.

утратил свою значимость для ЛПК с запретом молевого сплава древесины и практически полным прекращением плотового сплава из-за снижения заготовок в постсоветское время, позволившего сконцентрировать заготовки в наиболее транспортно доступных местах.

Положение Карелии между мощным Санкт-Петербургским хозяйственным ядром и крупным портовым городом Мурманск, облегчавшее инфраструктурное освоение ранее, сегодня не имеет большого значения для дальнейшего освоения лесных ресурсов, так как опорный каркас транспорта и расселения сформирован. Решения о дальнейшей территориальной экспансии лесозаготовок теперь определяются политикой предприятий отрасли, зависящей от имеющихся мощностей по переработке и от спроса на продукцию, но уже в рамках существующего транспортно-каркаса. Новые лесные участки, вовлекаемые в эксплуатацию, всегда размещаются в относительно узкой полосе вдоль общехозяйственных дорог. Можно говорить о переходе южной и центральной Карелии из категории осваиваемой периферии в категорию освоенной территории, откуда осуществляется дальнейшая экспансия. Так, из Пудожского района, обслуживающего сырьевые потребности Кондопоги и Медвежьегорска, заготовки частично перемещаются в прилегающие слабо освоенные районы Архангельской области. Сегежский район в центре Карелии перестает удовлетворять сырьевым потребностям Сегежского ЦБК, и заготовки через дочерние компании контролирующего предприятие холдинга развертываются с новой силой (после позднесоветского пика и провала 1990-х гг.) в периферийных Муезерском, Калевальском, Кемском, Лоухском районах.

В разрезе предприятий, ситуация в отрасли определяется практически целиком двумя мощными целлюлозно-бумажными комбинатами в Кондопоге и Сегеже, втором и третьем по численности населения городах республики, расположенных относительно недалеко друг от друга в центральной ее части и привязанных к федеральной трассе Санкт-Петербург – Мурманск. Эти предприятия рассчитаны на переработку приблизительно 2,5 млн. кубм древесины в год каждое. Третье по величине деревоперерабатывающее предприятие Карелии – Целлюлозный завод Питкяранта [7]. По проект-

ной мощности, оно уступает двум гигантам в разы. Так, Кондопожский ЦБК рассчитан на производство 700 тыс. т. целлюлозы в год, Сегежский – 480 тыс. т., завод в Питкяранте – 85 тыс. т. [6].

Два предприятия, будучи размещены в экономической близости одно от другого, потребляют разное сырье и производят разную нишевую продукцию, поэтому никаким образом не конкурируют между собой. Это определяет довольно спокойную обстановку на рынке сырья, в частности отсутствие агрессивного захвата сырьевых баз с арендой лесных участков не для целей непосредственно заготовки, а для целей контроля над ресурсом в корпоративной войне. По-видимому, если бы эти два предприятия использовали одно и то же сырье, география и стоимость аренды лесных участков, структура арендаторов и подрядчиков-заготовителей в разрезе организаций выглядела бы в республике совершенно иначе, чем сложившаяся ныне.

Конечной продукцией Кондопожского ЦБК является газетная бумага из сульфитной целлюлозы собственного производства, в качестве сырья используется ель, с добавлением сульфатной беленной целлюлозы, которая не производится в Карелии и закупается предприятием извне (вероятнее всего, у ЦБК в Новодвинске или Коряжме). Конечной продукцией Сегежского ЦБК является оберточная бумага, тарный картон, бумажные мешки (монополист в России — около 60% производства). Целлюлоза производится по сульфатному способу, без отбеливания, для дальнейшей переработки в конечную продукцию на месте. Потребляемым сырьем является сосна [6, 7].

Технологически, предприятия ориентированы на разные сырьевые стратегии. Кондопожский комбинат имеет запас сырья на производственной площадке, в то время как Сегежский — «работает с колес», т.е. значимых запасов сырья не создается. В результате, проблема организации бесперебойного подвоза сырья для Сегежского комбината очень остра, и именно она способствовала его тяжелому положению в 1990-е годы. В советское время, когда предприятие проектировалось, расчет в сырьевом плане делался на вовлечение сырья северо-западных районов Карелии после того, как запасы в северо-восточных будут истощены (сосна,

необходимая Сегежскому ЦБК, преобладает на севере Карелии [7]). В 1990-е годы открытие границы привело к экспансии сырьевых интересов финских компаний на западные районы Карелии. Заготовителям было выгодно продавать сырье финнам, в результате чего на Сегежском ЦБК начались перебои с сырьем, которые не могли быть сглажены из-за того, что создание технологических запасов на площадке предприятия не было предусмотрено. Кондопожский ЦБК, во-первых, никогда не был так уязвим к кратковременным перебоям поставок сырья из-за наличия ощутимых технологических запасов, во-вторых, его сырьевая база располагается дальше от границы, в-третьих, сам вид сырья (ель) менее востребован финской лесной промышленностью. Впрочем, риски, связанные с перехватом сырья зарубежными покупателями актуален для ОАО Кондопога и отражен в официальных отчетах предприятия: «Местные лесозаготовители, в основном, ориентированы на зарубежные рынки сбыта. Поэтому предприятие вынуждено приобретать сырье в отдаленных регионах, что приводит к неоправданным затратам на доставку (транспортировку) сырья к месту его переработки и другим рискам, вызываемым этим фактором» [4]. Различия сырьевых стратегий предприятий вылились в различия географического охвата их сырьевой базы. Для Сегежского ЦБК сырьевая база субрегиональна, и поставки осуществляются автомобильным транспортом. Для Кондопожского ЦБК сырьевая база межрегиональна, и часть поставок еловых балансов осуществляется железнодорожным транспортом.

Другим фактором различия траекторий развития предприятий в 1990-е годы, наряду с сырьевой стратегией, была реализация продукции. Продукция Кондопожского ЦБК – газетная бумага. Значительная часть ее идет на экспорт (так, в 1998 году экспорт составлял более 60% [6]), и спрос на нее не так зависим от уровня экономической активности, как спрос на продукцию Сегежского ЦБК. Основной вид продукции Сегежского ЦБК – бумажные мешки – потребляется строительной индустрией и промышленностью строительных материалов (в частности, производство цемента). Хотя он ориентирован как на внешний, так и на внутренний рынок, он крайне уязвим к колебаниям эконо-

мической активности, потому что к этим колебаниям крайне чувствительна строительная индустрия.

Описанные различия привели к различиям в характере собственников предприятий и в глубине вертикальных технологических связей. Сегежский ЦБК проходил процедуру банкротства и несколько раз менял собственников в 1990-2000-е годы. В конечном счете, он стал стопроцентным дочерним предприятием холдинга ЗАО Инвестлеспром. Холдинг базируется в Москве, и одним из крупнейших его акционеров является Банк Москвы. Инвестлеспром, входящий в десятку крупнейших лесопромышленных компаний России, стремится к вертикальной интеграции по технологическим процессам и скупает либо учреждает лесозаготовительные предприятия для обслуживания своих перерабатывающих мощностей. В случае с Сегежским комбинатом это стремление еще ярче выражено в силу необходимости обеспечения сырьевой безопасности предприятия, работающего без запасов. Дочерние структуры холдинга арендуют 100% (!) лесных участков в Сегежском районе, значительную часть лесных участков в Муезерском районе, на Территориях ГО Костомукша, в Медвежьегорском районе, Беломорском районе. В общей сложности, аффилированными структурами холдинга арендовано более 1700 тыс. га [2,3], или 12,4% земель лесного фонда Республики Карелия [расчеты по данным 7]. Менеджменту ОАО Кондопога, наоборот, удалось до настоящего времени сохранить контроль над предприятием, реорганизованным в 1992 году в акционерное общество. Так, 10% уставного капитала ОАО принадлежит государству в лице Министерства природных ресурсов Республики Карелия. Остальное распределено между физическими лицами и юридическими лицами с организационно-правовой формой ООО. В уставном капитале некоторых из этих ООО значительная (более 20%) доля принадлежит членам Совета директоров и членам коллегиального исполнительного органа ОАО «Кондопога» [4]. Поскольку Кондопожский ЦБК не попал под контроль межрегиональных холдингов, он не вовлечен в стратегию вертикальной интеграции. Менеджмент предприятия заинтересован только в ведении профильной деятельности,

предпочитая закупать сырье у третьих сторон, нежели приобретать лесозаготовительные мощности.

Результаты этих различий, в свою очередь, проявились на локальном уровне для зависимых от двух предприятий территорий. Сегежский ЦБК, предприятие в составе трансрегиональной компании, вектор интересов которой, в общем, не совпадает с вектором интересов региональных властей, ведет политику отказа от непрофильных активов, в частности передает объекты социальной инфраструктуры на баланс муниципальных властей. Кондопожский ЦБК не отказывается от ряда подобных дорогостоящих объектов, в частности, от дворца спорта, построенного ранее за счет средств предприятия. В Сегежском районе все лесные участки арендованы аффилированной структурой московского холдинга, которая ведет жесткую политику в отношении с местным лесничеством. В частности, проведена комплексная механизация лесозаготовок, что сокращает занятость и, соответственно, потенциал привлечения рабочей силы предприятия для тушения пожаров в пожароопасный сезон. В Кондопожском районе структура аренды мозаичная, действует ряд малых и средних лесозаготовителей, основным клиентом которых является Кондопожский ЦБК. Часть из них производит заготовку сортиментным способом с использованием лесозаготовительных комплексов, остальные используют более старую технику, требующую большего количества рабочей силы.

Для меньших по масштабу производства и менее приоритетных для региональных властей производств ЛПК, действует ряд специфических факторов территориальной дифференциации.

Небольшие предприятия, закупающие сырье и побочную продукцию лесопереработки у компаний, аффилированных в крупные холдинги, могут попадать в зависимость от инвестиционной политики этих холдингов. В такую ситуацию попало новое предприятие «Русский лес», размещенное в периферийном и проблемном поселке Муезерский, результат прямых инвестиций извне региона. Предприятие производит узкоспециализированную экспортную продукцию – брусок для строительных лесов – из сырья, которое

поставляет ООО «Муезерский ЛПХ», входящий в состав Инвестлеспрома. Это сырье является побочным продуктом производства сосновых балансов для Сегежского ЦБК. Два аспекта территориальной политики Инвестлеспрома вызывают перебои в работе Муезерского ЛПХ и, соответственно, в поставках материалов для «Русского леса». Это, во-первых, стремление холдинга снизить транспортные издержки, заставляющее из пула арендованных «на будущее» лесных участков выбирать наиболее приближенные к Сегежскому ЦБК. Во-вторых, это дифференцированная инвестиционная политика, ведущая к тому, что такие, низкоприоритетные активы, как Муезерский ЛПХ, не получают поддержки в погашении долгов и модернизации производственных мощностей.

Влияние суперструктур, интересы которых далеко не всегда совпадают с региональными и локальными интересами, не ограничивается внутриотраслевыми взаимодействиями. Наряду с Инвестлеспромом, на территориальную политику малых и средних предприятий ЛПК оказывает влияние политика РАО РЖД. Как и в других регионах, например, в Костромской области [5], организационные трудности поставок по железной дороге имеют для небольших компаний заградительный характер (требование заблаговременного резервирования вагонов с оплатой вне зависимости от фактического их использования, а также отказ РЖД от ответственности за недопоставку вагонов). Для крупных компаний, являющихся приоритетными клиентами РЖД, условия сотрудничества, как правило, приемлемы. Так, производственная площадка компании «Русский лес» размещена непосредственно у погрузочной площадки действующей железной дороги. Но вместо отправки продукции в Египет через железную дорогу до Новороссийска (специализированный лесопогрузочный порт) и далее судами через внутренние моря, компания везет ее автомобилями более ста километров до Костомукши, далее через таможенную Костомукши в один из финских портов, и оттуда судами вокруг Европы и через Гибралтар. Несопоставимость факторов издержек двух способов транспортировки должна дать представление о том, до ка-

кой степени малым и средним предприятиям трудно сотрудничать с РАО РЖД.

В числе других факторов размещения предприятий ЛПК, актуальных для Карелии, стоит упомянуть локальные дефициты электроэнергии, возникающие из-за недостаточной мощности распределительной инфраструктуры (электроподстанций). Фактор тем более важен, что на промышленность приходится почти 70% потребления электроэнергии в республике. Так, дефицит энергии – основной тормозящий фактор развития промышленного производства в Медвежьегорском районе. В совокупности с положением района между Сегежей и Кондопогой, двумя крупнейшими центрами переработки лесного сырья, это крайне отрицательно сказывается на перспективах развития лесоперерабатывающей промышленности района.

При этом доступность внутренних водных путей, в силу малой привлекательности этого вида транспорта для перевозки лесных грузов в Карелии, не создает для района противовеса указанным негативным факторам. Также она не создает подушки безопасности для занятости района, поскольку погрузочные терминалы внутренних водных путей требуют малого количества рабочей силы. Как и во всех приозерных районах Карелии, фактор доступности водного транспорта здесь является мощной предпосылкой развития альтернативной лесопромышленному комплексу отрасли промышленности – производства строительных материалов (щебень, блоки). Однако эта отрасль, как показал кризис, гораздо менее устойчива, даже чем ЛПК, и не является, таким образом, экономической альтернативой для обеспечения локальной устойчивости.

В качестве перспективных факторов размещения ЛПК, а также других видов экономической деятельности, в Карелии следует назвать пролегание строящейся магистральной линии электропередач (330 КВ) от Кольской АЭС в Петрозаводск через Карелию [2], а также пролегание строящегося газопровода от Штокмановского месторождения, также на юг через Карелию. В местах пересечения этих магистралей с существующими на данный момент элементами каркаса расселения республики будут возникать дополнительные стимулы экономического роста.

Заключение. Республика Карелия — регион четырех предприятий (ОАО «Кондопога», ОАО «Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат», ОАО «Карельский окатыш», ОАО «Надвоицкий алюминиевый завод»). Два из них относятся к целлюлозно-бумажной промышленности и расположены в центральной части республики на федеральной трассе.

Региональный центр Петрозаводск, в восемь раз превосходящий по численности населения Кондопогу (второй по размеру город), не играет выдающейся роли в промышленном производстве. Из двух крупных машиностроительных предприятий города одно, Онежский тракторный завод, находится в тяжелом состоянии, другое, «Петрозаводскмаш», процветающее последнее время благодаря заказам «Росатома» и нефтяной промышленности, имеет значительно (в 3-5 раз) меньший оборот, чем крупные ЦБК, о которых говорилось в статье. Таким образом, благополучие Петрозаводска обусловлено не успехами промышленности, а эффектами концентрации населения, услуг и административных функций.

Концентрация населения в региональном центре и промышленного производства – в небольшом числе городов обуславливает развитие эффектов периферийности в большинстве населенных пунктов республики. Особенно это выражено в ее северной и западной части, которые удалены от регионального центра, центров экономического роста, крупных магистралей, развитой Ленинградской области. Они близки к Финляндии, но не имеют с ней тесного приграничного взаимодействия.

В периферийных районах, попадающих в зону влияния трансрегиональных компаний, не разделяющих, в общем, интересов сбалансированного территориального развития и достаточно мощных, чтобы не идти на вынужденные компромиссы даже с региональной властью, – могут создаваться особенно неблагоприятные для социального развития условия. В то же время, в отдельных локальностях, где концентрируются инвестиции крупных компаний, могут возникать значимые количества высокооплачиваемых рабочих мест, сопровождающиеся экономическим расслоением и враждебностью местного сообщества к «вторгшейся» и его пространство компании.

Огромный разрыв в масштабах производства малого числа крупнейших и большого числа статистически средних предприятий ЛПК в Карелии, ведет к обширности ареалов влияния крупных предприятий, к приобретению ими положения монополистов. Эта ситуация характерна не только для Карелии, но и для остальных регионов с доминированием целлюлозно-бумажной промышленности. Она ведет к тому, что вместо влияния на небольшие предприятия разных групп факторов и, соответственно, независимости их территориальных политик,

имеет место зависимость самого существования небольших предприятий от политики крупных, производящих иные виды продукции из иного сырья или даже действующих в других отраслях экономики. В то время как первое могло бы привести со временем к развитию насыщенной и сбалансированной экономической среды, второе, т.е. реальная ситуация, приводит к дальнейшему углублению «периферийности периферии» и искажению пропорций территориального развития в соответствии с интересами крупных компаний, а не местных сообществ.

Библиографический список:

1. Денисенко Елена. Сосредоточиться на главном // Эксперт Северо-Запад. №10 (456). – 15 марта 2010.
2. Доклад Главы Республики Карелия Катанандова С.Л. «О положении в республике, выполнении государственных программ, осуществлении внутренней политики и внешних связей Республики Карелия (итоги 2008 года)» – Петрозаводск: Издательство «Verso», 2009. – 192 с.
3. Ежеквартальный отчет эмитента эмиссионных ценных бумаг. ОАО «Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат». Код эмитента: 01684-D за: II квартал 2009 г. Официальный сайт предприятия: www.scbk.ru/portal/ – 2009. – 74 с.
4. Ежеквартальный отчет эмитента эмиссионных ценных бумаг. Открытое акционерное общество «Кондопога». Код эмитента: 00054-A за 3 квартал 2010 г. Официальный сайт предприятия: home.opogo.ru/~avangard/ – 2009, 94 с.
5. Кузьминов И.Ф. Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса севера европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН: Серия Географическая». – 2010. – № 5. – С. 31–43.
6. Лесной комплекс Республики Карелия: состояние и пути развития. Под общ. ред. Е.Г. Немковица, А.Ф. Козлова. Петрозаводск, Карельский научный центр Российской академии наук. Институт экономики, 2006. – 169 с.
7. Лесной план Республики Карелия. Действует с 01 января 2009 года по 31 декабря 2018 года. – М., 2008 — 161 с, Приложения. – 99 с.
8. Официальный сайт Архангельской области: www.dvinaland.ru
9. Официальный сайт Вологодской области: www.vologda-oblast.ru
10. Официальный сайт Ленинградской области: www.lenobl.ru
11. Официальный сайт Республики Карелия: www.gov.karelia.ru
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с
13. Республика Коми (социальный портрет ресурсно-экспортного региона). Независимый институт социальной политики: www.socspol.ru
14. Тацюн М.В. Совершенствование системы управления лесопромышленным комплексом России, СПб : (б. и.), 1996. – 116 с.

Г.К. Куликов
(г. Москва)

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ: ФАКТОРЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Kulikov G.K. (Moscow)

THE FINANCIAL SITUATION IN MUNICIPAL UNITS OF RUSSIA: FACTORS AND REGIONAL PECULIARITIES

Аннотация. Данная статья посвящена острым проблемам муниципальной финансовой системы: финансовой независимости муниципалитетов от региональных властей, социальной ориентированности расходов, территориальной справедливости в условиях политики выравнивания. В основной части статьи были исследованы институциональные, экономические и географические факторы финансового положения муниципалитетов и их региональная дифференциация.

Abstract. The article is devoted to the acute issues of the civic financial system: municipal financial independence of regional authorities, social orientation of expenses, territorial justice of leveling policy. Investigation methods comprise three above mentioned aspects. Institutional, economical and geographical factors of the financial situation were covered in the main part of the article. The paper also contains the analysis of the regional differentiation.

Ключевые слова: муниципальные финансы, финансовая самостоятельность, социальная ориентированность, территориальная справедливость, институциональные факторы развития.

Key words: civic finances, financial independence, social orientation, territorial justice, institutional factors of development.

Несмотря на огромные масштабы и устойчивый характер, проблема дифференциации развития на муниципальном уровне привлекает меньше внимания по сравнению с межрегиональным неравенством. В региональной экономике и экономической географии акцент делается на исследования социально-экономического развития муниципалитетов (Трейвиш, Нефедова, 1998; Лексин, Швецов, 2001); экономические и политологические исследования, как правило, фокусируются на проблемах местного самоуправления, политической ситуации в муниципалитетах (Гельман, 2008), реализации муниципальной реформы (Славгородская, 2008; Стародубовская, 2010), при этом в качестве важнейших рассматриваются институциональные факторы.

Финансовое положение муниципалитетов находится на периферии географических исследований, хотя оно зависит не только от уровня развития территорий, но и от сложнейшего комплекса институциональных, экономических и географических факторов. Экономико-географический анализ финансового положения муниципальных образований в субъектах РФ позволяет рассматривать сочетание факторов, влияющих на формирование бюджета как инструмента территориального развития; в разных регионах роль этих факторов различна.

1. Методика исследования. Представленная в данной статье методика анализа финансового положения муниципалитетов интегрирует экономический и экономико-географический подходы. Выделены три ракурса регионального анализа:

- финансовая самостоятельность муниципалитетов в принятии решений,
- социальная ориентированность расходов местных бюджетов,
- «территориальная справедливость» региональных бюджетных систем.

Финансовая самостоятельность муниципалитетов зависит от федеральных и региональных законов, определяющих налоговый потенциал местных бюджетов. В России финансовая самостоятельность муниципалитетов очень низка, собственный доходный потенциал местных бюджетов сильнее всего ограничен слабостью налоговой базы и законодательным закреплением основных налогов на федеральном уровне. Доходы бюджетов муниципалитетов, особенно менее развитых, зависят от перераспределения финансовых средств через систему межбюджетных трансфертов. При ограниченности собственных доходов важнейшее значение для муниципалитетов имеет степень их финансовой самостоятельности.

сти хотя бы в принятии решений по расходованию полученных средств. Она определяется соотношением нецелевых трансфертов (дотаций) из регионального бюджета, которые муниципалитет может расходовать самостоятельно, и целевых трансфертов (субсидий), выделенных на определенные цели.

Финансовая самостоятельность в принятии решений о расходах местного бюджета способствует росту эффективности местного самоуправления в условиях ограниченных возможностей увеличения собственных доходов бюджета. Местные сообщества, как правило, более точно оценивают необходимость тех или иных расходов для развития собственной территории. Смещение центра принятия решений на более высокий (региональный) уровень заведомо приводит к менее эффективному управлению развитием территорий, так как региональные власти чаще всего не обладают необходимой информацией. Кроме того, финансовая самостоятельность в принятии решений способствует нормальной конкуренции между муниципалитетами, стимулируя эффективное расходование бюджетных средств в целях повышения конкурентных преимуществ территории.

Географический анализ заключается в оценке дифференциации регионов по степени финансовой самостоятельности их муниципалитетов в принятии решений по расходам бюджета и определения факторов (институциональных, экономических и географических), влияющих на выявленные различия.

Показатели финансовой самостоятельности муниципалитетов в расходах – душевые объемы и соотношение дотаций и субсидий. Если объем субсидий (трансфертов на предписанные цели) значителен по сравнению с другими регионами и намного больше объема дотаций (нецелевых трансфертов), то политика региональных властей явно направлена на ограничение финансовой самостоятельности муниципалитетов. Если объем дотаций значителен по сравнению с другими регионами и близок к объему субсидий, то политика региональных властей в отношении муниципалитетов достаточно либеральна.

Сопоставлять дотации и субсидии необходимо с учетом собственных доходов (налоговых и неналоговых). Низкий уровень собственных доходов может свидетельствовать не только об объективных проблемах муниципальной экономики, но и об отсутствии в

данном регионе механизмов, повышающих доходный потенциал муниципалитетов. Это опять-таки характеризует политику региональных властей по ограничению финансовой самостоятельности муниципалитетов.

Обе модели – и жесткого финансового контроля муниципального развития со стороны властей субъектов РФ, и более широкой финансовой самостоятельности муниципалитетов в принятии решений – несут в себе серьезные риски. Первая модель связана не только с неэффективным расходованием бюджетных средств с точки зрения социально-экономической полезности, но и с риском формирования системы политически привилегированных и непривилегированных муниципалитетов. Распределение инвестиционных субсидий, обеспечивающих долгосрочное развитие муниципалитетов, не имеет формализованной методики и производится в режиме ручного управления с учетом сложившихся в регионе групп интересов. Вторая модель также связана с серьезным риском. При плохом менеджменте, наличии частного интереса у принимающих решения о расходовании средств на местном уровне финансовая самостоятельность может привести не к росту, а к резкому снижению эффективности бюджетных расходов муниципалитетов. В теории решить проблему неэффективного управления может только контроль со стороны населения путем выборов, однако на практике это далеко не всегда получается. Тем не менее, в более долгосрочной перспективе предоставление финансовой самостоятельности способствует повышению ответственности органов местного самоуправления перед населением и увеличению политической активности граждан.

Социальная ориентированность расходов. Статистика не позволяет непосредственно оценить эффективность бюджетных расходов, можно лишь сопоставить соотношение социальных и несоциальных расходов, которые являются конкурирующими расходами. Задача географического анализа – оценить социальную ориентированность бюджетной политики муниципалитетов с разной степенью финансовой самостоятельности.

При анализе в данном ракурсе сопоставляются показатели душевого объема социальных и несоциальных расходов. Социальные расходы включают в себя расходы на ЖКХ, образование, здравоохранение и спорт, культуру,

социальную политику. К несоциальным расходам относятся расходы на управление, транспортную инфраструктуру и благоустройство территории, развитие различных сфер экономики (национальная экономика), правоохранительную деятельность, охрану природы. Для корректного сравнения необходима корректировка объема социальных расходов путем вычета объема субвенций. Почти все субвенции поступают на решение социальных вопросов, но это федеральные или региональные полномочия, на выполнение которых выделяются целевые средства из вышестоящих бюджетов. Муниципалитет является просто распределителем данных трансфертов.

При сопоставлении душевого объема социальных и несоциальных расходов можно выделить те муниципалитеты, в которых при сравнительно невысоком уровне социальных расходов повышен уровень несоциальных расходов. Для социального развития такая бюджетная политика неэффективна, поскольку главной функцией МСУ являются социальные услуги населению. Если муниципалитеты с подобным соотношением отличаются и ограниченной финансовой самостоятельностью в принятии решений, то это указывает на несоциальные приоритеты политики региональных властей, выделяющих целевые муниципалитетам.

«Территориальная справедливость». Если два предыдущих ракурса рассматривали непосредственную, краткосрочную взаимосвязь финансового и социально-экономического положения муниципалитетов, то третий рассматривает эту взаимосвязь косвенно и в долгосрочной перспективе, в рамках центро-периферийной модели (Грицай, Йоффе, Тревиш, 1991) и географической теории диффузии инноваций (Rogers, 1983). Политика перераспределения бюджетных средств в большинстве регионов основывается на принципе выравнивания доходов муниципальных бюджетов. Следствием этой политики часто является нарушение «территориальной справедливости». Очевидно, что муниципалитеты, которые вносят значительный вклад в доходы регионального бюджета, получают из него в виде межбюджетных трансфертов значительно меньший объем средств, но это не нарушение. Оно возникает, если после распределения трансфертов доходы бюджета периферийных муниципалитетов в расчете на душу населения существенно выше, чем в круп-

ных городах региона, которые обычно и являются «донорами». Небольшие различия допустимы, так как следует учитывать и экономии на масштабе в городах, где плотная инфраструктура и заселенность в пределах небольшой территории снижают удельные издержки в социальной сфере.

Сравнение душевых доходов бюджетов проводится для крупных городских округов и периферийных муниципальных районов. Оно дополняется анализом душевого объема инвестиционных субсидий для оценки долгосрочных приоритетов региональных властей в сфере муниципального развития. Крупные города всегда являются «точками роста» региона и центрами распространения инноваций. Если региональные власти хотят ускорить этот процесс, приоритетом финансовой политики, помимо выравнивания, должно стать и стимулирование развития городов с помощью инвестиционных субсидий.

В данном ракурсе исследования сопоставляются два показателя: отношение душевых собственных доходов бюджетов городских округов региона к душевым собственным доходам консолидированных бюджетов муниципальных районов и отношение душевых общих расходов бюджетов городских округов региона к душевым общим расходам консолидированных бюджетов муниципальных районов. Соотношение первого и второго показателя позволяет, во-первых, оценить степень перераспределения финансовых средств между центром и периферией через систему межбюджетных трансфертов. Во-вторых, можно оценить приоритеты муниципальной политики региональных властей: либо поддержку преимущественно периферии (муниципальных районов), либо сбалансированное финансирование развития потенциальных точек роста (городских округов) и проблемных менее развитых муниципалитетов.

Анализ бюджетного аспекта центро-периферийных отношений можно дополнить сравнением показателей душевого объема инвестиций из местного бюджета городских округов и муниципальных районов, чтобы определить инвестиционные приоритеты региональных властей. Периферийные муниципалитеты не имеют возможностей инвестировать из собственных доходов бюджета, источником могут быть только инвестиционные ресурсы регионального бюджета. Если обеспеченность периферийных

районов бюджетными инвестициями заметно выше, чем крупных городов, то налицо приоритет выравнивания в инвестиционной политике региона, замедляющий развитие в долгосрочной перспективе.

С помощью статистики, отражающей вклад инвестиций из местных бюджетов в общий объем инвестиций консолидированного бюджета региона, можно оценить роль региональных властей в решении вопросов развития муниципалитетов. Зачастую местное сообщество не имеет отношения к выбору и реализации инвестпроектов, все это определяется региональной властью, а затем инвестиции из региональных бюджетов поступают на территорию конкретных муниципалитетов. Если доля инвестиций из регионального бюджета намного выше, чем из местных, это означает, что региональные власти ограничивают самостоятельность муниципалитетов путем централизации принятия инвестиционных решений на региональном уровне.

2. Факторы и региональная дифференциация финансового положения муниципалитетов. На основании предложенной методики проведен анализ показателей местных бюджетов регионов России, предоставленных Федеральным казначейством, а также бюджетов отдельных муниципалитетов, отраженных в базе муниципальной статистики Росстата. Базовая оценка была проведена по данным за предкризисный 2008 год. В рамках каждого из трех ракурсов определены конкретные факторы финансового положения, проведено соотношение их по значимости:

При анализе *финансовой самостоятельности* на первое место выходит фактор *институтов бюджетной системы*.

Налоговая политика региональных властей служит фактором ограничения финансовой самостоятельности муниципалитетов. Практика передачи на муниципальный уровень налогов, подлежащих к зачислению в региональный бюджет, не получила широкого распространения. Только в 22-х регионах страны более 10% общего объема региональных налогов поступает в местные бюджеты. Более 10% общего объема поступлений налога на прибыль поступает в местные бюджеты 8-и регионов. И только в 2-х регионах страны – Тюменской области и Красноярском крае – передача муниципалитетам части налога на

прибыль значительно улучшила их финансовое положение. Налог на прибыль формирует 21% собственных доходов городских округов Тюменской области и 18% собственных доходов городских округов Красноярского края. В обоих регионах зарегистрированы или реально находятся крупнейшие организации-плательщики налога на прибыль.

Серьезной проблемой муниципальной самостоятельности является *централизация финансовых ресурсов и смещение центра принятия решений на региональный уровень*. В качестве индикатора централизации было выбрано соотношение объема инвестиции в социальную сферу из регионального и местных бюджетов. В 46 из 83 регионов страны объем инвестиций в здравоохранение из региональных бюджетов превосходит объем инвестиций из местных бюджетов. Это означает, что руководство развитием социальной инфраструктуры – важнейшей сферой ответственности местного самоуправления – осуществляется с регионального уровня без участия муниципалитетов. Значителен риск неэффективности такого управления. Сложившаяся система смещения центра принятия решений по развитию муниципалитетов на региональный уровень фактически сводит роль местного самоуправления к решению текущих вопросов, лишает его возможности управлять развитием территорий.

Финансовый контроль за муниципалитетами осуществляется также через *предоставление целевых трансфертов*. Существуют два вида финансовой помощи из региональных бюджетов – целевая и нецелевая. Доминирование целевой помощи (предоставляется в виде субсидии) ограничивает финансовую самостоятельность муниципалитетов в принятии решений. Объем нецелевой помощи (предоставляется в виде дотаций) в большинстве регионов достаточен только для покрытия текущих расходов, но не для проведения самостоятельной инвестиционной политики муниципалитетов.

Среди крупных городов по объему и доле субсидий выделяются города Татарстана и Челябинской области. Приоритет региональных властей этих субъектов – жесткое ограничение финансовой самостоятельности муниципалитетов. Широкая финансовая самостоятельность посредством нецелевой помощи предоставляется муниципалитетам только в нескольких развитых регионах:

Ханты-Мансийском АО (соотношение дотаций и субсидий составляет 71 и 29%), Кемеровской области (65 и 35%), объем дотаций превосходит объем субсидий в Красноярском и Пермском краях.

Вторым фактором служит *социально-экономическое положение регионов*.

Анализ региональных различий позволил выявить оси дифференциации финансовой самостоятельности регионах. Тенденция к увеличению финансовой самостоятельности прослеживается при переходе:

- от экспортно- и ресурсо-ориентированных регионов, в которых сформировалась жесткая региональная власть, ограничивающая муниципальную самостоятельность, к регионам сервисной экономики с крупными агломерациями, в которых экономические и политические отношения более либеральны;
- от сверхдотационных наименее развитых регионов, в которых федеральные дотации концентрируются на региональном уровне и затем распределяются между муниципалитетами под жестким контролем и часто с учетом клановых интересов, к среднеразвитым регионам, в которых финансовые возможности регионального бюджета не позволяют проводить активной перераспределительной бюджетной политики;
- от регионов с сильными внутрирегиональными контрастами к регионам с умеренными внутрирегиональными контрастами. Сильная внутрирегиональная неоднородность побуждает к запуску перераспределительного механизма, при этом в подавляющем большинстве регионов перераспределение бюджетных средств производится при доминировании целевых трансфертов (субсидий).

Выделенные закономерности носят общий характер и не безусловны. Финансовое положение в любом случае определяется совокупностью факторов. Нередко объективным экономическим факторам противодействуют институциональные, которые в значительной степени носят субъективный характер.

Третий по значимости фактор финансовой самостоятельности – *географические условия*. Наиболее ярко этот фактор проявляется в северных регионах Дальнего Вос-

тока, где экстремальные условия служат дополнительной причиной ограничения финансовой самостоятельности муниципалитетов. В местных бюджетах не хватает средств на содержание социальной инфраструктуры, ЖКХ, поэтому центр принятия решений и источники финансирования этих полномочий смещаются на региональный уровень.

Таким образом, в большинстве регионов все рассмотренные факторы ограничивают финансовую самостоятельность муниципалитетов.

Теоретическая основа анализа *социальной ориентированности расходов местных бюджетов* – рассмотрение социальных (образование, здравоохранение, ЖКХ) и несоциальных (транспортная инфраструктура, управление) расходов как «конкурирующих расходов». Проблема конкурирующих расходов в том, что муниципалитеты могут самостоятельно, под давлением или по предписанию региональной власти выбрать несоциальные приоритеты, ограничив финансирование развития социальной сферы.

На первый план среди факторов социальной ориентированности расходов выходит *уровень социально-экономического развития регионов и муниципалитетов*, финансовые возможности ведения инвестиционной политики. Доля несоциальных расходов повышена в муниципалитетах наиболее развитых регионов, обладающих более значительными инвестиционными ресурсами. Если в целом по городским округам страны в 2008 году доля несоциальных расходов составила 17%, то в городских округах юга Тюменской области – 42%, в Пермском крае – 21%. В этих регионах, так же как в России в целом, инвестиционная политика носит преимущественно несоциальный характер.

В муниципалитетах беднейших регионов нет средств для инвестиций, поэтому доля социальных расходов велика. В муниципалитетах большинства северокавказских республик значительна доля расходов на ЖКХ (в городских округах Дагестана – 34%, тогда как по городским округам России в целом – 25%). Это наиболее коррумпированная сфера, в которой очень высок риск неэффективных расходов.

Второй по значимости фактор – *географические условия*. Четко проявляется географическая ось дифференциации север-юг. В муниципалитетах, расположенных в экстремальных северных условиях, повышена доля

расходов на ЖКХ. Например в Магаданском городском округе она составляет 44%.

Исследование также показало, что *финансовая самостоятельность* муниципалитетов является важным фактором социальной ориентированности их бюджетов. Социальные приоритеты лучше осознаются на местном уровне, чем на региональном, поэтому ограничение финансовой самостоятельности местного самоуправления чаще ведет к увеличению несоциальных расходов. Наиболее серьезные угрозы такая политика представляет для муниципалитетов регионов с невысоким уровнем развития и социальных расходов.

Анализ финансового положения некоторых крупных городских округов выявил сдвиги структуры инвестиций с точки зрения наиболее значимых социальных интересов. В некоторых городах очень велик объем инвестиций в транспортную сферу (Тюмень, Нижний Новгород, Екатеринбург), тогда как развитие здравоохранения и образования финансируется на уровне значительно менее развитых городов.

Наиболее интересен для экономической географии третий ракурс исследования финансового положения – *территориальная справедливость*.

Территориально справедливыми региональными бюджетными системами можно назвать те, в которых перераспределение трансфертов из регионального бюджета не делает муниципалитеты с высоким уровнем собственных доходов беднее муниципалитетов со слабо развитой доходной базой, и в которых муниципалитеты с близким уровнем развития и похожими проблемами получают равное внимание со стороны региональной власти.

Важнейший фактор в этом ракурсе – *формализованные и неформальные институты муниципальной политики региональных властей, прежде всего политики выравнивания*, порождающие территориальную несправедливость. Очевидно, что приоритет внутрирегиональной политики – поддержка слабых и проблемных муниципалитетов, политика выравнивания должна проводиться в любом регионе. Однако в этой политике широкое распространение получили неформальные и непрозрачные институты «ручного» управления, которые разделяет муниципалитеты на привилегированные и непривилегированные в зависимости от отношений региональной власти и глав мест-

ного самоуправления. Дифференциация муниципалитетов на эти категории выявлена в ходе анализа распределения инвестиционных субсидий между муниципалитетами Челябинской области. Из 40 муниципалитетов 5 привилегированных резко выделялись по душевому объему инвестиционных субсидий, а 5 вообще не получали субсидий в течение целого года, на их территории не было реализовано ни одного из 300 проектов, занесенных в областную инвестиционную программу 2008 года.

Фактором территориальной справедливости служит *осознание роли крупных городов как точек роста и основных «моторов» постиндустриального развития региона*. Территориальная справедливость нарушается в том, что крупные городские округа дают больше налоговых поступлений в бюджет, чем муниципальные районы, но душевые расходы бюджетов городских округов в большинстве регионов ниже. В результате крупные города лишаются ресурсов развития.

Центральные функции крупных городов – экономико-географический фактор, способствующий привлечению инвестиций и ускоренному развитию. Однако этот фактор не всегда может преодолеть противодействие финансово-политических институтов. В большинстве регионов не осознается роль крупных городов как точек роста для постиндустриального развития. Всего лишь в 18-ти регионах страны расходы городских округов превышают расходы муниципальных районов, все эти регионы относятся к среднеразвитым. Таким образом, только при отсутствии высоких доходов от экспортноориентированных отраслей или больших объемов федеральной помощи власти регионов способны осознать роль городов как основных «моторов» развития.

В 15 из 18 более развитых регионов с повышенной бюджетной обеспеченностью, которые способны стать лидерами экономической и социальной трансформации России, существующая финансово-бюджетная система сдерживает развитие крупнейших городов – потенциальных точек роста. Только в 3-х регионах – Липецкой области и Пермском крае и в Ленинградской области – городские округа опережают муниципальные районы по душевым расходам (рис. 1). При этом в Ленинградской области городской

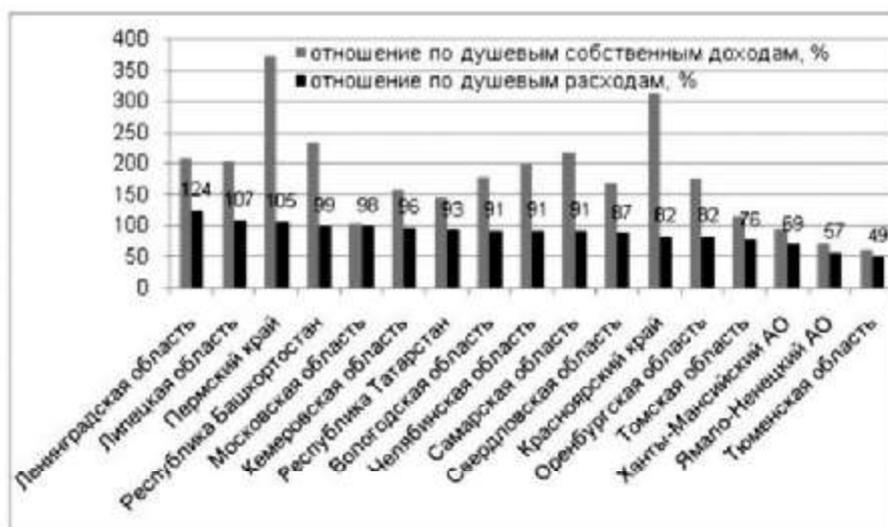

Рис. 1. Отношение душевых доходов и расходов бюджетов городских округов и консолидированных бюджетов муниципальных районов в развитых регионах в 2008 году, %

округ всего лишь один – Сосновый бор с крупной атомной электростанцией.

В 2/3 развитых регионов душевые инвестиции в образование в городских округах меньше, чем в муниципальных районах. Только инвестиции в здравоохранение распределяются иначе: в 2/3 развитых регионов обеспеченность инвестициями в городских округах выше, чем в муниципальных районах, поскольку крупные города являются общерегиональными или межмуниципальными центрами здравоохранения.

3. Изменения финансового положения в кризисном 2009 году. Основные различия финансового положения муниципалитетов, выявленные в рамках анализа данных 2008 года, носят фундаментальный характер и слабо изменяются от года к году. Однако в кризисном 2009 году произошли некоторые изменения, отражающие тенденции федеральной и региональной политики в отношении муниципалитетов.

Финансовая самостоятельность городских округов по России в целом в кризисном 2009 году еще более сократилась. Если в 2008 году дотации в суммарном объеме дотаций и субсидий составляли 31,8%, то в 2009 году – 26,3%. Этот показатель сократился во всех регионах с более высоким уровнем развития и более широкой финансовой самостоятельностью муниципалитетов: в Кемеровской обла-

сти – с 65% в 2008 году до 61% в 2009 году, в Ханты-Мансийском АО – с 71% до 53%, в Ямало-Ненецком АО – с 70% до 43%. Только для Челябинской области тенденция сокращения финансовой самостоятельности не была характерна: показатель вырос с 21% до 39%. Однако рост доли дотаций произошел не за счет увеличения объема этого вида трансфертов, а за счет сильнеешего сокращения объема целевых трансфертов (субсидий). Доходы бюджета Челябинской области снизились в кризисном 2009 году на 16%, собственные (налоговые и неналоговые) доходы – на 33%, поэтому были урезаны и расходы по целевым программам, объем субсидий сократился более чем в 2 раза. Реализовались риски низкой финансовой самостоятельности крупных городов, они лишились значительного объема средств, которые в благополучные годы распределялись региональными властями в виде субсидий. Это затормозило социальное развитие ведущих центров региона.

Финансовая самостоятельность муниципальных районов по России в целом не сократилась. Объем дотаций был почти равен объему субсидий в 2008 году и остался таким же в 2009 году. В ряде регионов доля дотаций в суммарном объеме дотаций и субсидий резко повысилась по той же причине, что и в городских округах Челябинской области. Так, в Ивановской области она увеличилась с 59% в 2008 году до 83% в 2009 году.

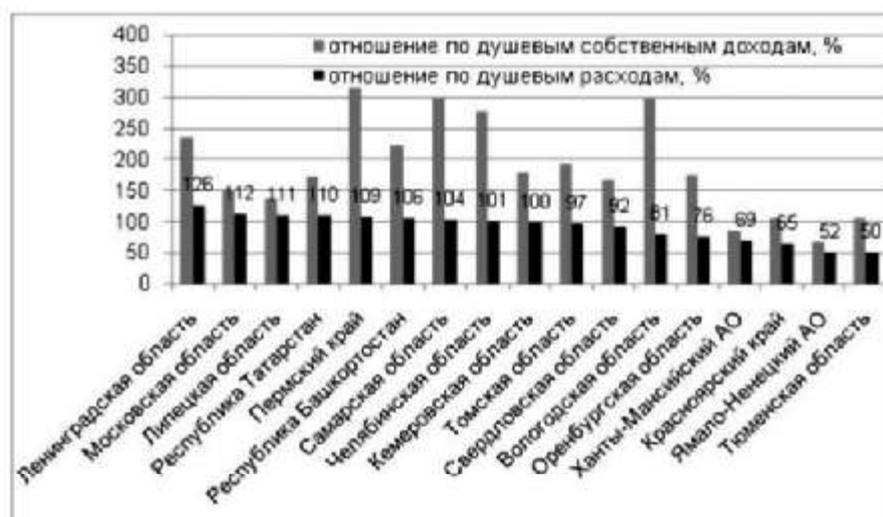

Рис. 2. Отношение душевых доходов и расходов бюджетов городских округов и консолидированных бюджетов муниципальных районов в развитых регионах в 2009 году, %

Социальная ориентированность расходов местных бюджетов в кризисном 2009 году сохранилась в большинстве регионов. В 2008 году доля социальных расходов в бюджетах городских округов России составляла 84%, в 2009 году – 83%, а в муниципальных районах она даже немного выросла (с 86% до 87%). В городских округах 9 регионов, несмотря на кризис, заметно увеличилась доля несоциальных расходов по статье «Национальная экономика». В их число входят Ярославская область (рост с 7% до 19%), Томская область (с 4% до 14%), Краснодарский край (с 4 до 13%), Республика Татарстан (с 9 до 17%). В этих регионах реализуются крупные инфраструктурные проекты: Ярославль готовился к 1000-летию, в Сочи создается инфраструктура для Олимпиады, в Казани – для Универсиады, в Томске – для особой экономической зоны.

В 2009 году в некоторых развитых регионах стала прослеживаться тенденция к увеличению *территориальной справедливости*. Число развитых регионов, в которых душевые расходы бюджетов городских округов превысили душевые расходы муниципальных районов, увеличилось до девяти (рис. 2). Наиболее заметно изменилось соотношение в Московской области (с 98% в 2008 году до 112% в 2009 году), в Республике Татарстан (с 93% до 110%) и в Липецкой области (с 107% до 111%). При этом толь-

ко в Липецкой области изменение пропорций связано в первую очередь с ростом объема расходов бюджетов городских округов, а в Московской области и Татарстане территориальная справедливость увеличилась за счет сильного сокращения расходов бюджетов муниципальных районов (в Московской области – на 16%, в Татарстане – на 13%).

Проведенный анализ межбюджетных отношений регионов и муниципалитетов подтвердил сложность и многообразие существующих практик. Содержательная их интерпретация возможна только при разработке ценностных критериев оценки, позволяющих интерпретировать данные бюджетной статистики. Критерии межбюджетных отношений можно представить в виде трех ценностных ракурсов. Первый – *финансовая самостоятельность* муниципалитетов в принятии решений, оцениваемая через соотношение нецелевых и целевых трансфертов из регионального бюджета (дотаций и субсидий). Второй – *социальная ориентированность* расходов местных бюджетов как инструмент развития человеческого потенциала. Третий – *территориальная справедливость расходов*, т.е. недискриминационная политика в отношении центров (городских округов) по сравнению с муниципальными районами, что увеличивает финансовые возможности развития городских округов как точек роста.

Исследование позволило выявить главные факторы для каждого ракурса. Для финансовой самостоятельности муниципалитетов важнейшую роль играют формализованные и неформальные институты региональной политики, сложившаяся система перераспределения финансовых ресурсов. Ведущим фактором социальной ориентированности расходов является уровень социально-экономического развития регионов и муниципалитетов, обеспечивающий финансовые возможности для инвестиционной политики. В результате доля несоциальных расходов повышена в муниципалитетах наиболее развитых регионов, обладающих более значительными инвестиционными ресурсами. Для социальной ориентированности важен также фактор финансовой самостоятельности муниципалитетов: в тех регионах, где муниципалитеты более самостоятельны в принятии решений, они большую долю средств расходуют на социальные цели, а в регионах, где развитием управляют региональные власти через предоставление субсидий, повышен объем несоциальных расходов. Для территориальной справедливости особенно важна роль институционального фактора – региональной политики выравнивания.

Сравнительный анализ финансового положения в 2008 и 2009 годах показал, что сложившаяся система, характеризуемая в трех представленных в работе ракурсах, достаточно устойчива. Однако кризисные изменения, произошедшие в финансовой системе России в 2009 году, отразились и на местных бюджетах, их финансовая самостоятель-

ность в целом снизилась, т.к. в условиях кризиса региональные власти пытались повысить контроль за расходами муниципалитетов. Кроме того, реализовались риски низкой финансовой самостоятельности: субсидии муниципалитетам в наиболее пострадавших от кризиса регионах были сильно урезаны. Социальная ориентированность бюджетов сохранилась в большинстве регионов, но в случае реализации политических проектов устойчивость нарушалась, несоциальные расходы росли, несмотря на кризис. Территориальная справедливость в развитых регионах увеличилась, но не вследствие осознанного усиления этого приоритета, а по причине кризисного уменьшения финансовых ресурсов для перераспределения и поэтому более сильного сокращения расходов бюджетов муниципальных районов по сравнению с городами-центрами.

С точки зрения социальной модернизации России и развития гражданского общества с ответственным и эффективным местным самоуправлением сложившееся в большинстве регионов финансовое положение муниципалитетов остается барьером развития. Финансово-политические муниципальные системы регионов пока еще не построены на конституционном принципе самостоятельности местного самоуправления. Приоритет социальных расходов пока слабо осознается в развитых регионах, которые могут рассматриваться как лидеры модернизации. Крупные города – «моторы» развития – страдают от крайностей политики выравнивания и несовершенства региональных политических институтов.

Библиографический список

1. Rogers E.M. Diffusion of innovations (4th ed.). – New York: The Free Press, 1995.
2. Гельман В.Я и др. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. – СПб.: Норма, 2008.
3. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
4. Куликов Г. К. Факторы финансового положения поселений Российской Федерации в период реформы местного самоуправления // Вестник МГУ. – Серия. 5. – География. – 2010. – № 4.
5. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Муниципальная Россия: Социально-экономическая ситуация, право, статистика (энциклопедический справочник). – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Сильные и слабые города России / Полюса и центры роста в региональном развитии, Сб. статей под ред. Липеца Ю.Г. – М., 1998.
7. Славгородская М., Миронова Н. и др. Анализ финансовых аспектов реализации реформы местного самоуправления. – М.: ИЭПП, 2008.
8. Стародубровская И., Миронова Н. Муниципальная реформа в республиках Южного федерального округа. – М.: ИЭПП, 2010.

Л.А. Куратова
(г. Сыктывкар)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Kuratova L.A. (Syktyvkar)

REGIONAL FEATURES OF THE MARKET OF REMITTANCES IN THE KOMI REPUBLIC

Аннотация. В статье рассмотрены региональные особенности рынка денежных переводов в Республике Коми. Приведена динамика роста количества систем денежных переводов региона. Дана характеристика основных участников данного рынка.

Abstract. The paper analyses the regional features of the remittances market in the Komi Republic and shows the dynamics of the growth of the regional remittances system. The author also gives the characteristic of the major participants on this market.

Ключевые слова: Почтовые переводы, банковские переводы, системы денежных переводов, иммигранты.

Key words: postal remittances, bank remittances, systems of remittances, immigrants.

Рынок денежных переводов Республики Коми, как и всей России за последние годы подвергается значительным изменениям. Российский рынок денежных переводов до 2008 г. имел положительную динамику роста. На рост влияли рост иммигрантов в стране и выбор физическими лицами официальных схем переводов и отказ от неофициальных каналов [1]. Официальные каналы денежных переводов – это почтовые и банковские переводы, а неофициальные – вывоз наличных денег самими мигрантами или через доверенное лицо (например, мигранта, который едет к себе на родину, водителей автобусов, проводников поездов).

Таким образом, денежные переводы могут производиться между организациями, отдельными гражданами, а также между ними, с помощью кредитных учреждений (банковские переводы) и предприятий связи (почтовые переводы). На рис. 1 представлены виды существующих в России денежных переводов.

Согласно Федерального закона Российской Федерации «О почтовой связи» № 122-ФЗ от 22 августа 2004 г., почтовый перевод денежных средств – услуга организаций федеральной почтовой связи по приему, обработке, перевозке (передаче), доставке (вручению) денежных средств с использованием сетей почтовой и электрической связи.

Под банковскими переводами, согласно Федерального закона Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» № 395-1 от 2 декабря 1990 г., понимаются переводы денежных средств по поручению физических лиц без открытия банковских счетов (за исключением почтовых переводов).

В настоящей статье будут рассмотрены банковские переводы без открытия счета с помощью систем денежных переводов и почтовые переводы.

По данным агентства маркетинговых исследований DISCOVERY Research Group, объ-

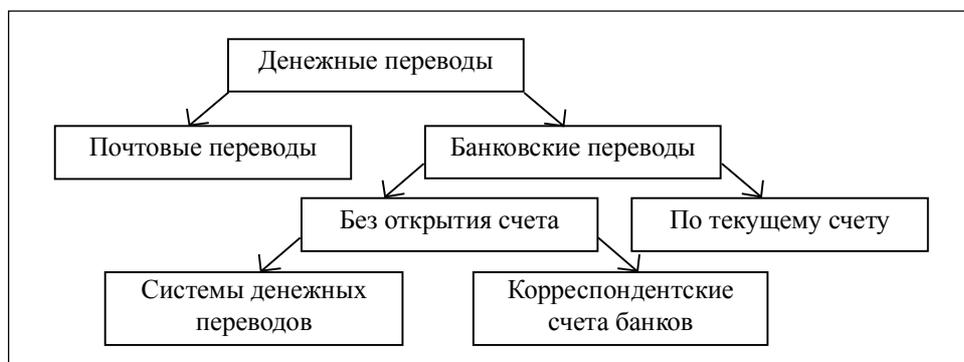

Рис. 1. Виды денежных переводов в России

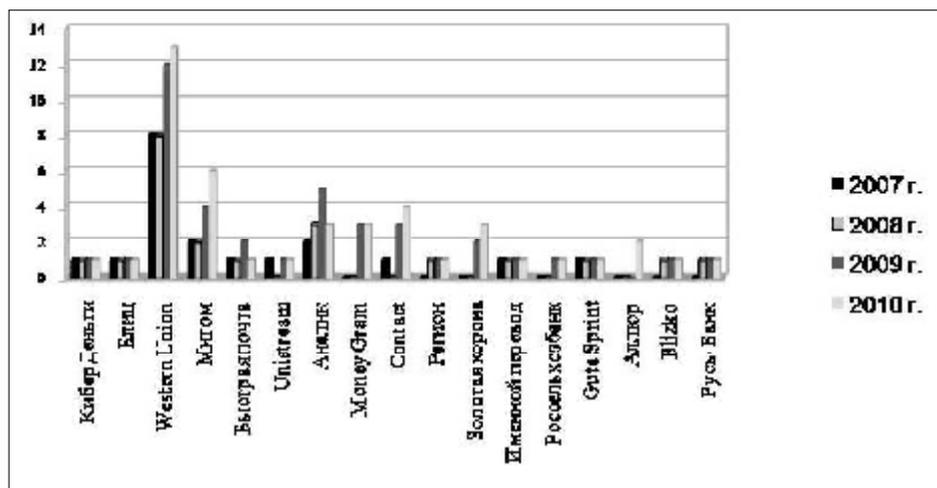

Рис. 2. Динамика количества организаций, сотрудничающих с системами денежных переводов Республики Коми, 2007–2010 гг.

ем внутривосского рынка денежных переводов в 2009 г. составил 670,1 млрд. рублей [2].

В Российской Федерации свою деятельность осуществляют 20 систем денежных переводов и ФГУП «Почта России». Первыми на рынке денежных переводов России появились зарубежные системы денежных переводов, например, Western Union», которая работает в России с 1991 г.

В Республике Коми денежные переводы можно отправить с помощью 12 систем межбанковских денежных переводов, таких как Western Union, Золотая Корона, Contact, Unistream, Anelik, Аллюр, Migom, Быстрая Почта, Money Gram, Guta Sprint, Blizko, Именной перевод Газпромбанка, а также систем переводов через внутренние структурные подразделения многофилиальных банков: Сбербанк - Блиц, Межфилиальные денежные переводы ОАО «Русь - Банк», денежные переводы ОАО «Россельхозбанк». Также отправить или получить денежный перевод можно на Почте России по системе КиберДеньги. Данным денежным переводом можно воспользоваться в каждом из 362 отделений почтовой связи региона. Почта России осуществляет почтовые переводы денежных средств по всем вышеперечисленным категориям.

Также с 2009 г. услугу денежных переводов оказывают салоны мобильной связи Связной по системе Золотая Корона, в 7 пунктах приема в г. Сыктывкар и 4 пунктах в г. Ухта.

Таким образом, отправить или получить денежный перевод в Республике Коми можно в 22 банках, на Почте России и в сало-

нах мобильной связи Связной. Уровень конкуренции на рынке денежных переводов республики оценивается как высокий.

В течение исследуемого периода (2007–2010 гг.) в регионе общее количество систем денежных переводов возросло с 10 до 17. Большинство систем денежных переводов увеличило количество организаций, в которых они предоставляют данную услугу (рис. 2).

Можно разделить денежные переводы на 3 наиболее крупные категории:

- 1) прием денежного перевода у отправителя (физическое лицо) наличными – выплата денежного перевода получателю (физическое лицо) наличными и редко на счет – 20 организаций (Почта России, ВТБ-24, Газпромбанк, Севергазбанк, МБРР, Северный народный банк, Связной и др.). Данной услугой чаще всего пользуются иммигранты и работающие вахтовым методом;
- 2) прием денежного перевода у отправителя (физическое лицо) наличными – выплата денежного перевода получателю (юридическое лицо) на счет и редко – наличными – 3 организации (Почта России, Русь-банк, Газпромбанк). Данной услугой чаще всего пользуется население, перечисляющее выплаты по кредитам в различные банки;
- 3) прием денежного перевода у отправителя (юридическое лицо) со счета – выплата денежного перевода получателю (физическое лицо) наличными – 1 организация (Почта России). Этой

услугой пользуются организации, перечисляющие физическим лицам различные социальные выплаты (например, алименты) или заработную плату.

Общее количество пунктов приема денежных переводов в республике составляет 711, из них 362 отделения Почты России. Второй организацией, обладающей наибольшим количеством отделений по приему и выдаче денежных переводов Блиц, является Сбербанк – 100 отделений. Большинство банков (11) оказывает услугу перевода денежных средств по системе Western Union (69 пунктов приема по республике, включая 21 отделение почтовой связи). Услуга денежных переводов по системе Unistream с 2010 г. стала оказываться не только в 17 отделениях различных банков, но и на 45 терминалах самообслуживания Qiwi. Остальные системы имеют небольшое количество пунктов приема (от 1 до 38) в различных банках. Денежные переводы по системе Золотая корона можно отправить и в салонах мобильной связи Связной, которые находятся в городах Сыктывкар и Ухта.

Все банковские системы денежных переводов сосредотачиваются в крупных городах республики (Сыктывкар, Печора, Ухта, Воркута). При этом, в Сыктывкаре находятся все работающие системы денежных переводов. В связи с тем, что в сельских районах республики работают только Сбербанк и Россельхозбанк, отправить или получить денежные средства можно только в районных центрах, с помощью таких систем, как Блиц, Western Union.

Также можно воспользоваться системой КиберДеньги, в любом почтовом отделении республики, как в городском, так и в сельском. Почта России также сотрудничает с системой денежных переводов Western Union. Данная система предоставляется в 21 отделении почты.

В целях привлечения клиентов системами денежных переводов используются различные дополнительные услуги. Например, доставка чека получателю на дом, SMS-уведомление или уведомление по e-mail о статусе перевода, бесплатный сопроводительный текст 15-20 слов, информирование получателя по телефону о переводе в его пользу.

До 2010 г. системы денежных переводов в республике не использовали терминалы самообслуживания. Теперь стала возможной отправка денежного перевода Unistream на 45 терминалах самообслуживания Qiwi.

Средний размер комиссии в системах денежных переводов республики за 2007–2009 гг. практически не изменился. Наибольший рост среднего размера комиссии произошел для суммы перевода равной 1 тыс. руб. (рис. 3).

Денежные переводы по России из Республики Коми можно осуществить с помощью всех систем, кроме Money Gram. В страны дальнего зарубежья – с помощью 7 систем (Western Union, Contact, Unistream, Anelik, Migom, Money Gram и BLIZKO). Перевод в страны ближнего зарубежья не производят только системы денежных переводов Россельхозбанка и Регион.

На рост переводов денежных средств по всей России влияют миграционные процессы. По данным территориального органа статистики в Республике Коми с 2004 г. по 2007 г. возросло число иммигрантов, а пик роста пришелся на 2007 г. Однако уже к 2009 г. их количество снизилось на 40% по сравнению с 2007 г. При этом численность выбывших из республики в 2005–2009 гг. постепенно снижалась (рис. 4) [3].

В 2008–2010 гг. на развитие рынка денежных переводов Республики Коми, как и российского рынка, повлиял мировой финансово-экономический кризис. Произошел спад экономической активности в отраслях, в которых задействованы иммигранты (сфера услуг, строительство, торговля). Многие проекты были свернуты или их финансирование было существенно урезано. Доходы иммигрантов снизились, многие потеряли работу и покинули республику. В 2009 г. наибольшее сокращение численности населения наблюдалось в Инте (41,5%), Вуктыле (26,5%), Воркуте (26,3%), что обусловлено миграционным оттоком населения. Часть данного населения работала вахтовым методом в нефтегазовой, угольной отраслях и также пользовалась услугами денежных переводов.

Для республики была снижена квота на выдачу разрешительных документов для трудовых мигрантов на 40%. Поэтому в 2009 г. число прибывших в республику иностранных граждан сократилось на 12,1%, снято с миграционного учета почти 7411 человек, что в 4 раза больше аналогичного показателя 2008 г. [4]

На развитие рынка денежных переводов повлияло и снижение доверия населения республики к банковскому сектору, который был вызван продолжающимся с 2008 г. финансовым кризисом.

Таким образом, в настоящее время перспективы развития рынка денежных перево-

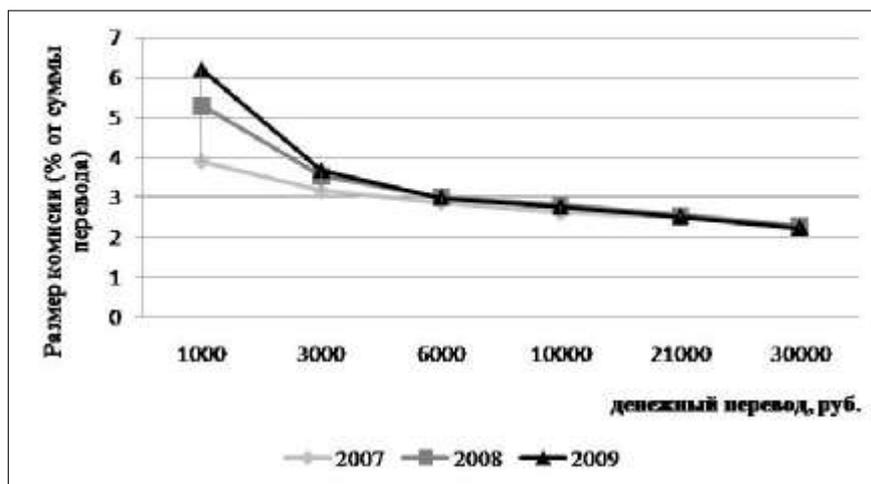

Рис. 3. Динамика среднего размера комиссии денежных переводов

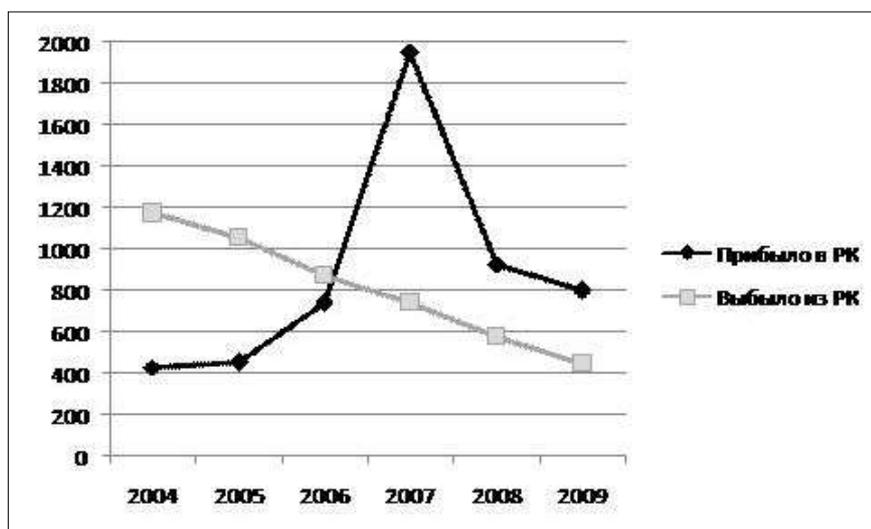

Рис. 4. Динамика миграции в Республике Коми за 2005–2009 гг.

дов различны для каждого вида. Объемы первого вида денежных переводов будут сокращаться, в связи со снижением потенциальных клиентов услуги (вахтовики, иммигранты) и будут зависеть от уровня доверия населения к банкам, что в условиях кризиса не способствует положительным тенденциям.

Второй вид напрямую зависит от уровня развития банковского сектора кредитования, при его росте, возрастут и объемы погашения кредитов населения. Объемы третьего вида денежных переводов напрямую будут зависеть от роста или снижения заработной платы населения, пенсий и социальных выплат.

Библиографический список

1. Официальный сайт ФГУП «Почта России»: <http://www.russianpost.ru>
2. Материалы сайта <http://www.marketing.rbc.ru>
3. Республика Коми в цифрах. 2010. Краткий статистический сборник. – Сыктывкар, 2010.
4. Макина Е. Владимир Гея: Мы ратуем за привлечение иностранцев с нужными профессиями // Республика. – 2009. – № 145 (4059).

ИСТОРИКО–ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

М.А. Казьмин, Е.А. Скорнякова
(г. Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVIII–XX ВВ.

Kazmin M.A., Skornyakova E.A. (Moscow)

THE TRANSFORMATION OF THE ORTHODOX CLOISTRAL LAND-USE IN EUROPEAN RUSSIA DURING XVIII–XX.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изменения монастырского землепользования в Европейской России на протяжении XVIII–XX вв. Наибольшее внимание уделено периоду секуляризации церковных земель, проводимой Екатериной II (1762–1796 гг.), и первой четверти XX в., когда активно проходила национализация монастырских земель в молодом Советском государстве.

Abstract. The article covers peculiarities of cloistral land-use changes in European Russia during XVIII–XX centuries. The stress is made on the church-lands secularization period while Catherine II reign (1762–1796) and the cloistral lands nationalization in the early Soviet state during the 1st quarter of the XXth century.

Ключевые слова: монастырское и церковное землепользование, православная церковь, земельные угодья.

Key words: cloistral and church land-use, Orthodox Church, lands.

В последние годы вырос интерес исследователей к истории русской православной церкви, ее хозяйственной жизни и в особенности к характеру землевладения и землепользования. Земля в течение многих столетий была одним из основных источников доходов православного духовенства, от количества и качества которой зависел не только уровень материального благополучия священнослужителей, но и полноценная церковная деятельность.

Многие православные монастыри вплоть до 1917 г. обладали большими земельными наделами и вели активную хозяйственную деятельность, эффективно используя сельскохозяйственные и лесные угодья. Этот образ жизни связан с основами монашеского уклада, в котором молитва всегда сочеталась с трудом, а поскольку длительное время Россия была страной аграрной, то подавляющая часть монашествующих происходила из крестьянского сословия, для которого труд на земле был неотъемлемой частью повседневной жизни.

В начале 1990-х гг. в связи с пересмотром роли и места православной церкви в россий-

ском обществе возник вопрос о возвращении Церкви земель, конфискованных после революции.

Составить полноценный обзор о землевладении православных монастырей чрезвычайно сложно. Содержащиеся в архивных материалах данные являются неточными и весьма приблизительными. Это объясняется неудовлетворительным состоянием межевых книг и планов земельных наделов. Все это не позволяло и самим монастырям точно обозначить размер земельных владений и заставляло прибегать лишь к условному их описанию. Другим не менее важным фактором, не дающим возможности точно определить размер земельной собственности черного духовенства, являлось поведение большинства монастырских начальников, скрывающих истинное положение дел с земельной собственностью перед епархиальным и синодальным руководством. Официальный учет иногда не включал участки наиболее доходных земель, что позволяло монастырям рассчитывать на получение дополнительных угодий.

Епархиальная статистика о землевладении монастырей не имела единой формы и поэтому многие обитатели в своих отчетах объединяли площади разных удобных земель (пахотных, луговых, огородных, усадебных), иногда включая в эти категории земли под строениями (церквами, домами, давками и проч.) и кладбищами.

По данным официальной статистики активное строительство православных монастырей было отмечено в период широкого распространения христианства на Руси, когда в X–XV вв. в северных частях страны, в условиях большей безопасности и возможности уединенного аскетического монашеского существования возводились десятки монастырей. Они, как правило, располагались на пересечении торговых путей, вблизи судоходных рек, что способствовало их обогащению и росту. В этот период строительство монастырей велось на территории практически всех губерний Европейской России, расположенных севернее лесостепной зоны. Монастыри создавались в городах и на малоосвоенных землях, быстро обрастая сельскими поселениями. Именно в этот период были сооружены такие православные святыни как – Кирилло-Белозерский, Саввино-Сторожевский, Валаамский, Соловецкий, Пафнутьево-Боровский, Иосифо-Волоцкий и другие известные монастыри.

В последующие столетия вплоть до революционных реформ церковного имущества Екатерины II (1762–1796 гг.) вопрос о монастырском землевладении решался то в пользу Церкви, то государство вводило серьезные ограничения на увеличение их площадей. При этом земельные преобразования носили бессистемный характер и во многом были связаны с общеэкономическим положением страны. Русская православная церковь владела огромными площадями земель, приносящими монастырям большой доход, который государство пыталось перераспределить в свою пользу. Особенно наглядно «наступление на Церковь» отмечалось в период войн и интервенций.

Рост монастырского землевладения постоянно сокращал общегосударственный земельный фонд, из которого служилые люди получали поместья в качестве жалования за службу. Именно поэтому верховная власть делала неоднократные попытки

лишить духовенство земельных богатств или существенно ограничить их дальнейший рост. Первые ограничения монастырского хозяйства и изъятия церковных земель в пользу светской власти относятся к временам Ивана Грозного (1547–1584 гг.). С тех пор подобные реформы повторялись не раз. Значимая трансформация монастырских землевладений происходила при Алексее Михайловиче (1645–1676 гг.), Петре I (1682–1725 гг.), Анне Ивановне (1730–1740 гг.), Елизавете Петровне (1741–1761 гг.), которые создавали собственные системы управления земельными и финансовыми делами Русской православной церкви.

В период царствования Екатерины II (1762–1796 гг.) правительство окончательно решилось на реализацию реформ церковных земель. Согласно манифесту «О разделении церковных имуществ», были изъяты почти все монастырские вотчины, и лишь 10% их реальной стоимости была компенсирована деньгами. У монастырей остались лишь самые необходимые для поддержания жизни земельные участки. По положению о генеральном межевании предполагалось уточнить границы земельных владений всех собственников. Эти меры относились лишь к тем субъектам православной церкви, которые обладали землей. В тех случаях, когда причты православных храмов не имели писцовых земель, им по предписанию Екатерины II отводилось по 33 дес. земли, по одной мельнице и рыбные ловли из казенного имущества.

Сам процесс секуляризации предполагал не только уменьшение землевладений, но и существенное сокращение числа монастырей. В результате изъятия у Церкви ее крестьян и земельной собственности произошло уменьшение числа монастырей. По штатам 1764 г. из 954 великорусских монастырей были упразднены 569 и за штатом оставлено 161, при этом русская православная церковь продолжала оставаться крупнейшим земельным собственником (рис.1).

Важным рубежом в процессе расширения церковных землевладений явился 1805 г., когда монастырям было дано право вновь приобретать недвижимость. Дальнейший рост земельных площадей происходил на основе «Свода законов межевания» (1842 г.),

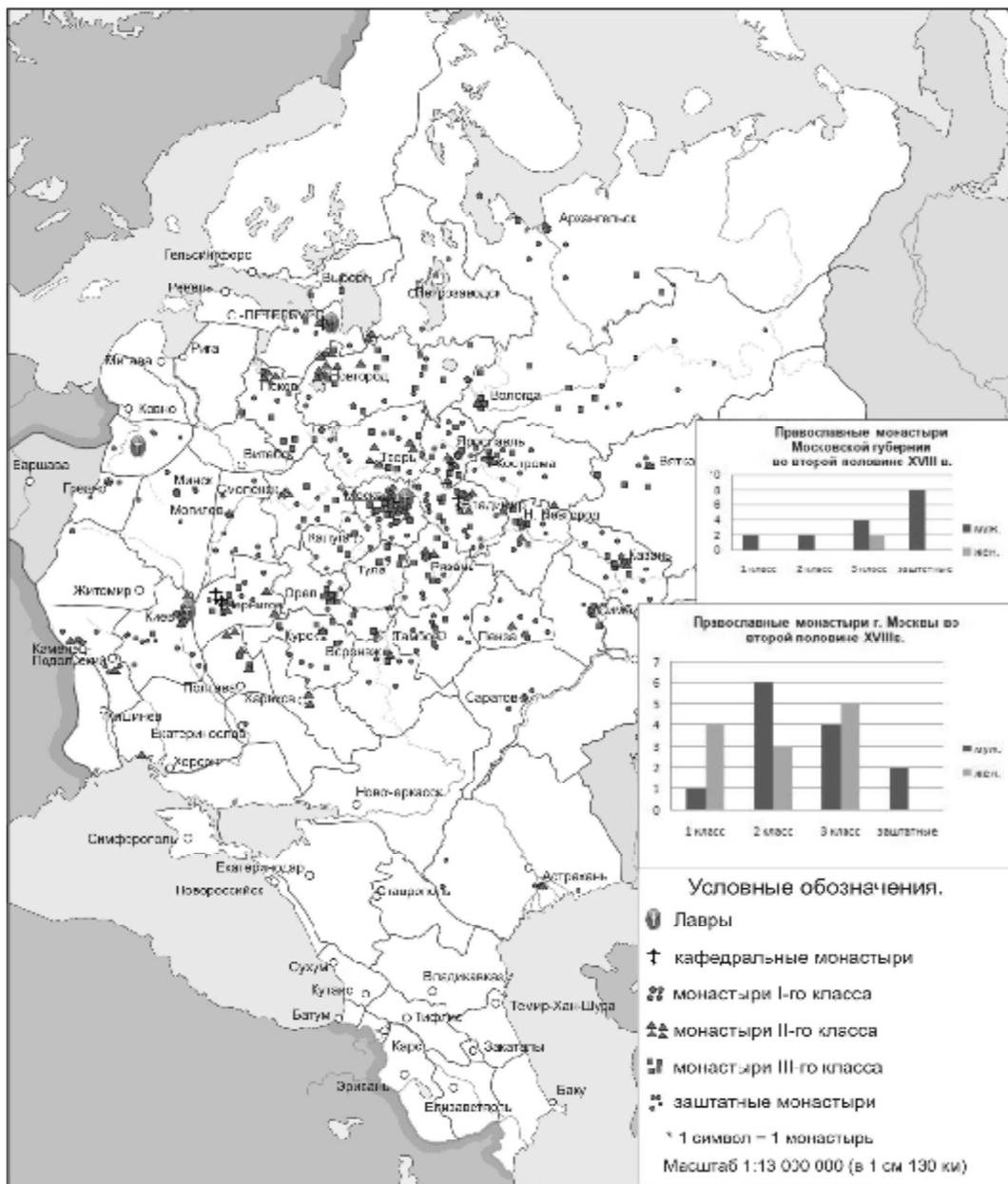

Рис. 1. Размещение православных монастырей Европейской России во второй половине XVIII в.

по которому монастырям предполагалось отводить по 100–150 дес. земли и участки лесных казенных дач. При этом земли, отведенные ранее или пожертвованные сверх указанных норм, оставались в собственности церковных владельцев.

Правительство оказывало большую помощь в приобретении земли монастырям и лицам, отказавшимся от мирских благ и добровольно избравшим аскетический образ жизни, чем приходским храмам, где белое

духовенство было обременено большими семьями и чаще испытывало потребность в материальной помощи. Так, за период с 1836 по 1861 г. около 170 монастырей получили более 16 тыс. дес. леса и более 9 тыс. дес. пахотной и луговой земли.

По правительственному распоряжению всем монастырям были выделены лесные участки для строительства и отопления зданий. Монастыри не имели права бесконтрольно пользоваться лесом. Им разреша-

Таблица 1

Православные монастыри – крупнейшие землевладельцы (1889–1890 гг.)

Название монастыря	Губерния	Площадь землеугодий, тыс. дес.
Соловецкий Преображенский мужской монастырь	Архангельская	66,0
Темниковская Саровская Успенская мужская пустынь	Тамбовская	26,3
Григорьево-Бизюков мужской монастырь	Херсонская	26,0
Кожеозерский мужской монастырь	Архангельская	24,8
Троицкий-Зелевецкий мужской монастырь	Санкт-Петербургская	19,3
Успенская Могилевская женская пустынь	Тверская	13,9
Алекса́ндро-Невская лавра	г. Санкт-Петербург	13,1
Высокогорская Успенско-Николаевская Чуркинская мужская пустынь	Астраханская	9,3
Николаевский Спасо-Преображенский мужской монастырь	Самарская	8,3
Благовещенская Никандрова мужская пустынь	Псковская	6,8
Николаевская Надеевская мужская пустынь	Костромская	6,5
Троицкий Александро-Свирский мужской монастырь	Олонецкая	5,9
Киево-Печерская лавра	г. Киев	5,7
Корсуньский-Богородицкий мужской монастырь	Таврическая	5,4

Источник: [3]

лось заготавливать для себя дрова, но при этом «вести правильное хозяйство, дабы дачи сии, без истощения древесного запаса, могли навсегда служить источником постоянного дохода» [3] Однако этот указ имел рекомендательный характер и монастыри, имевшие много леса, активно им торговали. Государству было выгодно поставить охрану лесов от истребления под досмотр монастырей, которые крайне экономно использовали лесные ресурсы.

Около 650 монастырей, пустыней, скитов и архиерейских домов Европейской России в 1890 г. владели 450,8 тыс. дес. земли, 51% площади которой приходился на лесные земли, 27,0% – на пахотные угодья и 15,6% – на луга и пастбища. В данной статистике отсутствуют данные по Финляндской епархии и не вошли владения Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, имевшего около 3 тыс. дес. земли.

На губернии европейской части России приходилось 90,8% монастырских угодий страны. Более десятка наиболее известных

монастырей являлись крупнейшими землевладельцами, имея свыше 5 тыс. дес. земли каждый (табл. 1).

Меньшей площадью, но особо ценными землями владели известные православные лавры, монастыри и пустыни:

- Троице-Сергиева лавра (Московская губерния);
- Козельская Оптина мужская пустынь (Калужская губерния);
- Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь (Финляндская епархия);
- Кирилло-Белозерский мужской монастырь (Новгородская губерния);
- Ферапонтов Белозерский женский монастырь (Новгородская губерния);
- Серафимо-Дивеевский Троицкий женский монастырь (Нижегородская губерния).

На протяжении всего XIX в. православные монастыри не без трудностей продолжали увеличивать площадь своих землеугодий, как за счет казенных участков, так и

Земельные и водные угодья православных монастырей
Европейской России в 1910 г.

Таблица 2

Вид угодий	Площадь, дес.	%
Усадебные	8337	1,1
Пахотные	172176	22,0
Луговые	83513	10,6
Под огородами	3548	0,5
Под садами и виноградниками	3234	0,4
Под лесами	304051	38,7
Неудобья	105839	13,5
Водные пространства	103812	13,2
Всего	784516	100,0

Источник: [1].

Доходы Александро-Невской лавры в 1915 г.

Таблица 3

Статьи дохода	тыс. руб.	%
Аренда земельных участков, домов и др. строений	416,7	57,6
Могильные места в церквях и на кладбищах	203,1	28,1
Продажа свечей	34,9	4,8
Доходы с имений и мельниц	24,8	3,4
Кружечный сбор, оплата за молебны и панихиды	20,2	2,8
Процент на капитал, хранящийся в банках	18,8	2,6
Продажа просфор	5,1	0,7
Продажа образков и венчиков	0,3	0,0
Всего	723,9	100,0

Источник: [1].

за счет угодий пожертвованных населением. Подобная картина не наблюдалась в отношении приходского духовенства.

По материалам официальной статистики духовное ведомство в 1905 г. владело 2,6 млн. дес. земли, из которых на монастыри приходилось чуть более четверти общей площади. Вместе с тем ряд авторов считает, что общая площадь землевладений православной церкви превышала 4 млн. дес., к которым относились не только принадлежащие собственно церкви земельные участки, но и отдельные площади, полученные от казны, сельских и городских обществ или отдельных лиц на правах безвозмездного и бессрочного пользования. Как правило, после нескольких лет эксплуатации, данные участки переходили в собственность отдельных приходов [4].

К 1905 г. монастырские земли расширились до 739,8 тыс. дес., увеличив свою площадь по сравнению с 1890 г. в 1,6 раза. Наибольшие площади монастырского землевладения были отмечены в Бессарабской, Архангельской и Тамбовской губерниях.

Доходность монастырских земель во многом зависела от состава угодий. Так, например, северные монастыри Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Санкт-Петербургской епархий в основном владели лесными землями, дававшими небольшой доход по сравнению с южными, где преобладали более ценные пахотные и луговые угодья. Владения Кожеозерского мужского монастыря в Архангельской епархии на 99% площади состояли из лесных земель, Троицкого Зеленецкого мужского монастыря в Петербургской епархии – на 93%. Более доходный состав угодий имела Темниковская Саровская Успенская мужская пустынь в Тамбовской епархии, в составе угодий которой пашни было – 6,4%, лугов – 7,2%, лесов 77,2%. [2,3].

Монастыри активно торговали земельными угодьями, основными причинами чего являлись три мотива. Главным основанием для продажи являлось давление со стороны местных крестьян, которые настойчиво требовали их передачи в свою собственность. Второй причиной продажи земель являлась

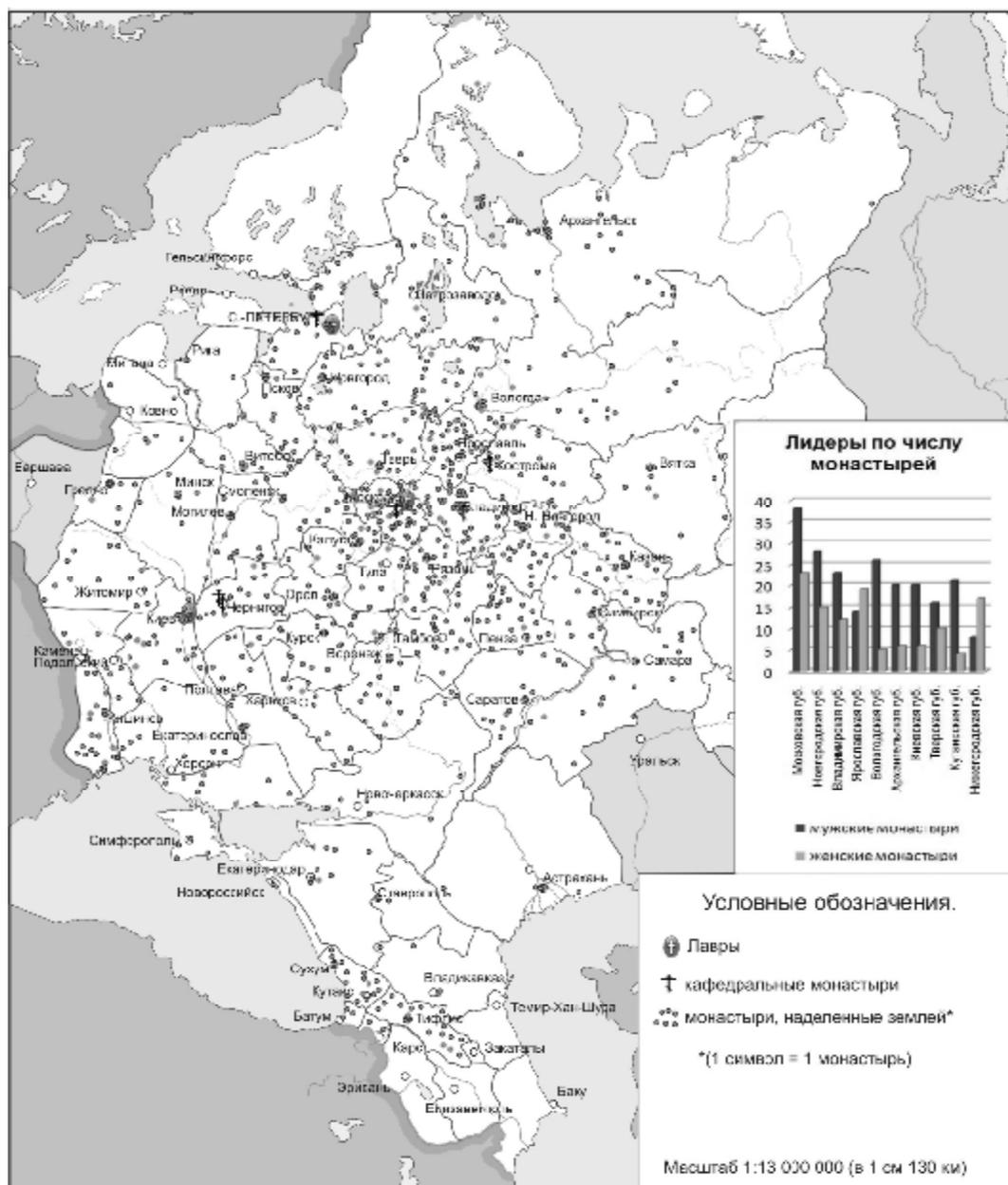

Рис. 2. Размещение православных монастырей Европейской России, 1916 г.

их географическая удаленность от монастыря, особенно если эти участки были расположены в границах другой епархии. И, наконец, третья причина заключалась в малой доходности владений, что в первую очередь касается низкопродуктивных сельскохозяйственных земель [2].

По данным на 1910 г. во владении монастырей Русской Православной Церкви находилось 784,5 тыс. дес. земельных и водных угодий (табл. 2).

На рубеже XIX–XX вв. значительную часть доходов православных монастырей составляли поступления от использования земли. Большая часть получаемых средств относилась к аренде земельных участков, а меньшая – к организации собственно сельского и лесного хозяйства, несмотря на относительно высокий технический уровень производства (табл. 3). Синод запрещал духовенству самостоятельно обрабатывать землю и основными арендаторами церков-

Число колхозов и совхозов, образованных на базе монастырей
Европейской России к марту 1921 г.

Губернии	Количество	Губернии	Количество
Московская	19	Витебская	5
Северо-Двинская	18	Калужская	5
Самарская	16	Астраханская	4
Череповецкая	15	Нижегородская	4
Архангельская	13	Саратовская	3
Новгородская	13	Симбирская	3
Тверская	12	Вятская	2
Владимирская	10	Пензенская	2
Костромская	8	Казанская	1
Ярославская	8	Карельская	1
Вологодская	7	Оренбургская	1
Рыбинская	7	Пермская	1
Смоленская	7	Черниговская	1
Брянская	6	Всего	192

Источник: [1].

ных и монастырских земель являлись купцы и крестьяне.

Место погребения на территории монастырей стоило больших денег. Например, в Александро-Невской лавре могилы подразделялись на пять категорий или разрядов: могила первого разряда стоила 500 руб., второго – 200, третьего – 150, четвертого – 100 и пятого – 50 руб. [1].

Очень эффективно использовались земельные ресурсы в Валаамском Спасо-Преображенском мужском монастыре, которому принадлежало около 40 островов в Ладожском озере общей площадью около 3,1 тыс. дес. Под пашни и сенокосы использовалось около 150 дес. удобных земель. Несмотря на суровый северный климат, на Валааме было хорошо поставлено огородничество, полеводство и садоводство. Регулярно проводились работы по облесению островов. Главной рабочей силой монастыря были богомольцы, которых в летние месяцы на Валааме проживало около 4 тыс. человек.

Московские монастыри в основном использовали городские земли или участки пригородной зоны в уездах Московской губернии. Новодевичий женский монастырь на своих 46 дес. земли в черте города организовал овощеводство и выгодно продавал продукцию на городских рынках.

Московский Донской мужской монастырь имел в своем распоряжении около

300 дес. земли, из которых в самой Москве 47 дес. (усадебная, кладбище, огороды), а также 117 дес. пашни в Ливенском уезде Орловской губернии, 94 дес. покосов и пашни в Богородском уезде Московской губернии, 41 дес. леса в Бронницком уезде Московской губернии. Монастырь сдавал в аренду огородные участки профессиональным овощеводам города Москвы.

Последний, и беспрецедентный по масштабам, этап изъятия монастырских земель начался в 1917 г. с Декрета «О земле», Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и Закона «О социализации земли». Монастыри лишились прав юридического лица, все их земельные угодья были приняты на учет местных органов Советской власти и на их основе в большинстве случаев создавались совхозы и колхозы. Монастырские земли по общему правилу относились к нетрудовым угодьям и целиком входили в земельный фонд, подлежащий перераспределению. Однако если церковный притч или монастырская братия выражали желание самостоятельно обрабатывать землю, то надел предоставлялся им на общих с другими гражданами основаниях или часть земель оставалась в их пользовании.

Уничтожение монастырских хозяйств встретило сопротивление духовенства с одной стороны и поддержку местного населения – с другой и в 1919 г. патриарх Ти-

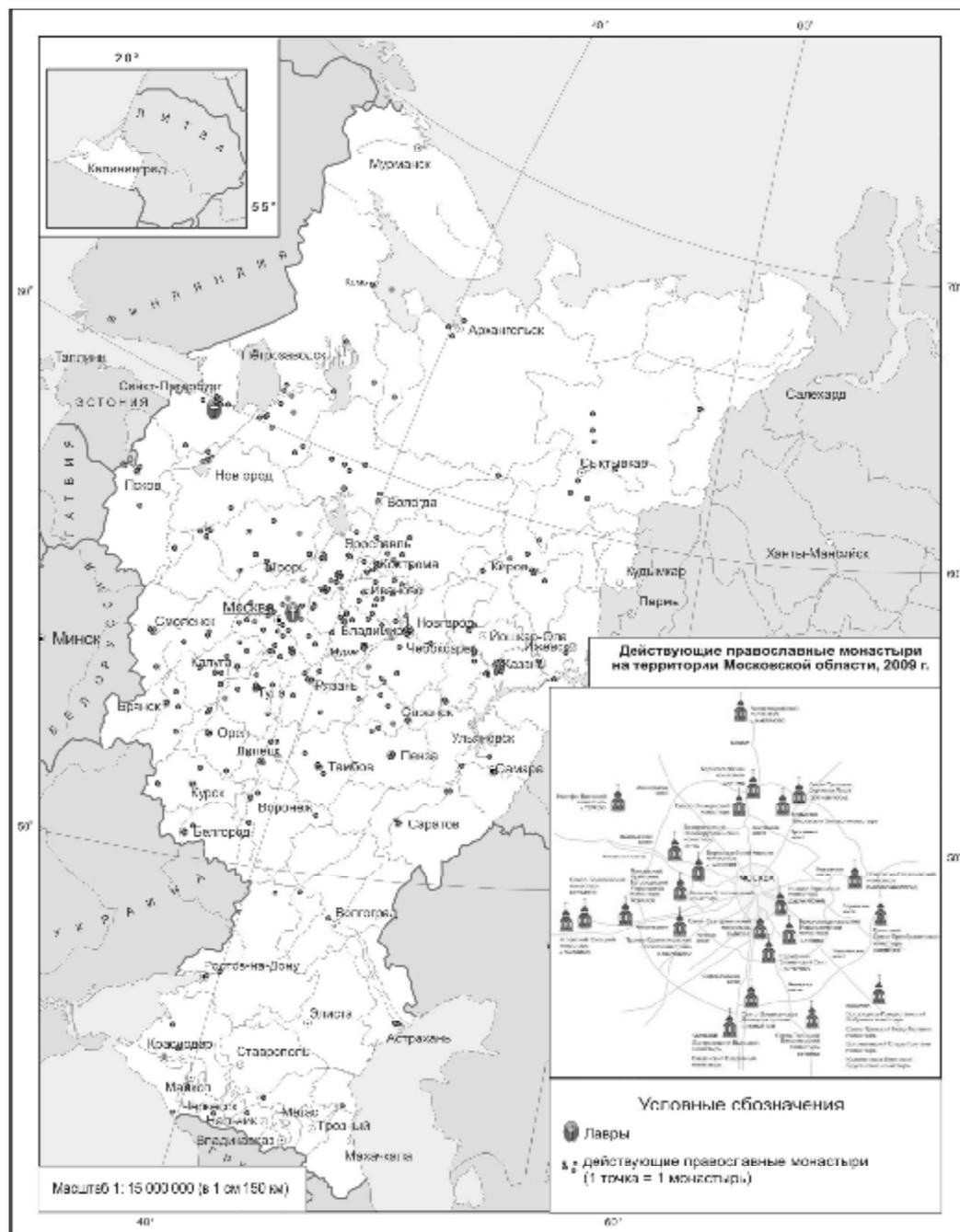

Рис. 3. Размещение православных монастырей Европейской России, 2009 г.

хон благословляет монашество на сохранение монастырей в форме трудовых коллективов по уставам, утвержденным органами Советской власти. В 1919–1920 гг. многие монастыри приняли соответствующие уставы и превратились в «коммуны», «артели» и «совхозы», однако эта трансформация во многих случаях была фиктивной с целью сохранения монастырей как опорных баз право-

славной церкви. В итоге в течение 1918–1921 гг. было национализировано имущество более половины монастырей Европейской России (табл. 4).

Процесс национализации монастырей и ликвидации их землепользования растянулся на ряд лет, причем в некоторых периферийных регионах страны (Выборгская губерния, Бессарабия, Литва, Латвия, Эстония) эта

акция была завершена лишь после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В 1943–1948 гг. многие монастыри воспользовались некоторой «оттепелью» и смогли немного увеличить свои владения с целью ведения собственного хозяйства. Стоит только отметить, что из-за того что население даже действующих монастырей было очень мало-численным, то и территории, которые отходили обителям были очень незначительны. На данном этапе некоторые храмы и монастыри смогли присоединить буквально по несколько гектаров под огородничество.

На протяжении большей части послевоенного периода государством активно проводилась политика вытеснения Церкви из общественной жизни страны. В государственно-церковных отношениях преобладал административно-силовой подход, и резко активизировалась атеистическая пропаганда. Над религиозными организациями нависла угроза полного уничтожения в связи с принятыми планами построения коммунистического общества. В тоже время расширилась деятельность Московской Патриархии на международной арене, что и послужило одной из причин прекращения активных антицерковных акций сразу после смещения Н.С. Хрущева. По данным официальной ста-

тистики наименьшее число монастырей на территории Европейской России наблюдалось в 1970 г. С конца 1970-х гг. начался стремительный рост числа религиозных организаций, монастырей и церквей. В отдельных монастырях возобновились богослужения и реставрационные работы, но землями обители не наделялись.

Новая фаза взаимоотношений государства и Церкви датируется началом 1990-х гг., что связано с пересмотром роли церкви в обществе, развитием монастырской экономики и попытками реституции церковных и монастырских землевладений. В последние годы отдельным монастырям предоставлялись участки для сельскохозяйственных нужд и строительства, но отводимые обителям земли были не столь велики, как раньше.

В рамках существующего взаимодействия государства и Церкви в дальнейшем следует предоставлять земельные угодья монастырям для поддержания и развития собственной экономики, но необходима проработка четкого механизма возврата земель. В качестве варианта решения вопроса монастырских землевладений можно предложить принцип резервирования территорий, т.е. предоставление дополнительных земель при условии успешного освоения уже существующих.

Библиографический список

1. Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). – М., 1975.
2. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М., 1999.
3. Любинецкий Н. Землевладение церковей и монастырей Европейской России. – СПб, 1900.
4. Морозан В.В. Экономическое положение Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX вв. // Нестор. – СПб. – Кишинев, 2000. – № 1.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Е.А. Антипова, Л.В. Фокеева
(г. Минск)

СРАВНИТЕЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА¹

Antipova E.A., Fokeeva L.V. (Minsk)
THE COMPARATIVE GEOGRAPHICAL ANALYSIS
OF THE RURAL AREAS DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-географическому анализу компонентов демовоспроизводственных процессов в Беларуси и Молдове за 1989–2008 гг.

Abstract. The article is devoted to the comparative geographical analysis of the components of the demoreproduction processes in Belarus and Moldova in 1989–2008.

Ключевые слова: демографическое развитие, сельская местность, Республика Беларусь, Республика Молдова, сравнительно-географический анализ.

Key words: demographical development, rural territory, the Republic of Belarus, the Republic of Moldova, comparative geographical analysis.

Для Республики Беларусь и Республики Молдова, как и для других постсоветских республик, характерны значительные преобразования в социально-экономической сфере, вызванные переходным периодом. Эти реформы повлияли на все аспекты жизни населения и, в конечном итоге, на демографическое развитие стран.

Демографическое развитие Беларуси в конце XX – начале XXI вв. характеризуется устойчивым сокращением численности сельского населения вследствие естественной и миграционной убыли. Динамике сельского населения свойственны общеевропейские тенденции. Однако под влиянием трансформационных изменений среды жизнедеятельности происходит усиление негативных характеристик депопуляция при омоложении смертности, демографическое старение

«снизу» и «сверху» в силу сокращения рождаемости и сокращения продолжительности жизни мужчин.

Регрессивные демографические тенденции в той или иной мере имеют место и в сельской местности Молдовы, однако их продолжительность и интенсивность на макро- и микрогеографическом уровне отличаются от белорусских. Это актуализирует и научно обосновывает роль географических исследований и делает необходимым анализ пространственно-временных тенденций на разных уровнях регионального управления для выявления закономерностей развития процесса и разработки территориально-дифференцированных практических рекомендаций оптимизации демографической ситуации в Республике Беларусь и Республике Молдова.

¹ Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта № Х08МЛД-005, профинансированного БРФФИ, «Сравнительный анализ демографического развития сельского населения Республики Беларусь и Республики Молдова в условиях переходной экономики».

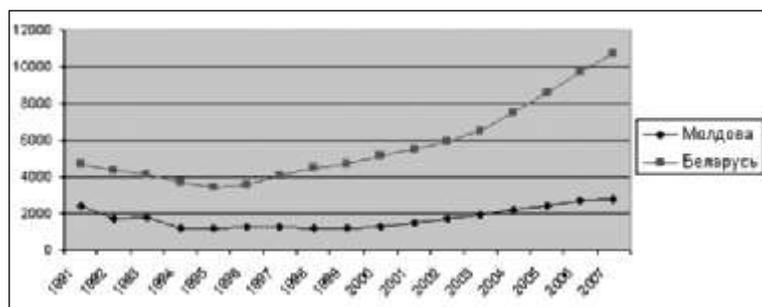

Рис. 1. Динамика ВВП на душу населения в Республике Беларусь и Республике Молдова [сост. по 1]

Целью исследования было проведение комплексного сравнительно-географического анализа демографического развития сельской местности Беларуси и Молдовы за период 1989–2008 гг. с выделением проблемных и перспективных регионов для органов государственного управления в условиях переходной экономики.

Социально-экономические преобразования в Молдове и Беларуси в переходный период. Переход к рыночной экономике столкнулся с немалыми трудностями в Молдове и Беларуси из-за отсутствия устойчивой традиции рыночной экономики. Различия между странами, вызванные, прежде всего, более эволюционным характером реформ в Беларуси, заключаются в сроках осуществления системных преобразований и стабилизационных мер, степени охвата рыночными механизмами народного хозяйства, объеме регулирующих функций государства и др.

Начальный этап переходного периода оказался проблемным для обеих стран в экономическом и социальном аспектах, хотя продолжительность и последствия различаются. Это видно из динамики внутреннего валового продукта: в Беларуси его падение продолжалось до 1996 г., а в Молдове – до 2000 (за исключением 1997 г.) (рис. 1).

После стабилизации экономик, рост ВВП оказался более динамичным в Беларуси, в отдельные годы (1997, 2004) достигнув 11% годовых, в то время как в Молдове он не превысил 8% в самые благоприятные годы (2002, 2006). В 2006 г. ВВП Молдовы достиг лишь 50% 1990 г. В итоге по объему среднедушевого ВВП, рассчитанного по ППС, в 2009 г. Беларусь занимала 95 место в мире, а Молдова – 182 место [2].

По индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) за исключением ожидаемой

продолжительности жизни, которая примерно равна для обеих стран, однако ниже, чем в развитых странах, Беларусь лучше выглядит в области здравоохранения, выделяясь в рамках СНГ: самый низкий (после Украины) показатель детской смертности, лучший показатель обеспеченности населения качественной питьевой водой и др. Системы образования Беларуси и Молдовы традиционно сильны, обеспечивая высокий уровень грамотности, а правительства стран тратят на эти цели ресурсы, сравнимые с развитыми странами.

Социально-экономические проблемы и негативные социальные феномены особенно остро ощущаются в сельской местности, то есть более чем половиной населения Молдовы и четвертью населения Беларуси.

Тренды и пространственные закономерности динамики численности сельского населения Беларуси и Молдовы. Историческую динамику населения Беларуси в XX веке определяли естественный прирост или убыль, миграционный прирост или убыль, потери от войн и других политических воздействий, потери от последствий Чернобыльской катастрофы, потери от волн эмиграции. В то время как численность населения мира за XX век увеличилась почти в 4 раза, население Беларуси увеличилось в 1,5 раза. В XXI век Беларусь вступила с отрицательной динамикой численности населения. Общая убыль населения Беларуси за период 1999–2007 гг. составила – 0,03%, сельского – 1,1%. В настоящее время отрицательная динамика складывается под влиянием различного рода факторов, к числу основных из которых относится демографическое старение, изменение репродуктивных установок населения, миграционный отток оставшейся части молодого трудоспособного населения. Демографическое пространство

сельской местности Беларуси по численности населения формируют малые сельские районы; доля сельского населения остается с 1999 г. относительно стабильной – около 30%.

Макрогеографические тенденции динамики сельского населения Беларуси свидетельствуют о завершении «урбанизационного» перехода, характеризующегося структурным сдвигом сельских районов от преобладающего доминирующего сельского типа к рурбанизированному.

В целом, исходя из характера тренда динамики сельского населения Беларуси за 1989–2008 гг., нами были выявлены следующие пространственные закономерности:

- для типично периферийных по экономико-географическому положению районов с низким агроресурсным потенциалом, либо с крупными природными комплексами характерна постоянная, длительная отрицательная динамика численности сельского населения;
- в районах переходного типа, обладающих высоким агроресурсным потенциалом, либо рекреационным потенциалом, а также находящихся в зоне «особого региона» происходит более позднее наступление периода сокращения сельского населения;
- крупные (опорные) города на протяжении всего периода являются территориями, притягивающими миграционный поток сельских жителей;
- пристоличный регион представляет действующую и потенциальную зону демографического роста как за счет миграционного фактора, так и, что более важно в условиях улучшения демографической ситуации в стране, за счет естественного фактора – рождаемости;
- роль районов в формировании демографического пространства страны определяющаяся более сильными позициями пригородных и пригородно-кольцевых районов, более слабыми – периферийных районов.

Динамика численности сельского населения и характер развития урбанизационных процессов в Молдове имеют ряд принципиальных отличий по сравнению с Беларусью, которые обуславливают различия в геодемографическом развитии двух государств.

Во-первых, Республика Молдова является *аграрной* страной по структуре населения с устойчивым преобладанием сельского населения, в которой к 2008 г. урбанизационный переход не завершен (доля городского населения составляет 41%), а Республика Беларусь – *урбанизированной* с увеличивающейся долей городских жителей (доля городского населения составляет 74%).

Микрогеографический уровень исследования подтверждает различия в стадиях урбанизации двух государств. В Беларуси за период 1989–2008 гг. в абсолютном большинстве районов произошло сокращение доли сельского населения в структуре. В Молдове большинство районов остались на прежней стадии урбанизации, а доля сельского населения в структуре населения принципиально не изменилась (рис. 2).

Во-вторых, если доля сельского населения в Молдове и Беларуси различается почти в два раза, то абсолютная численность сельского населения имеет один статистический порядок: в Молдове – 2,1 млн. чел., в Беларуси – 2,5 млн. чел. В то же время территориальное распределение демографического потенциала сельской местности двух стран различается. В Молдове, как в 1989 г., так и в 2008 г. большая часть административных районов имеют численность более 50 тыс. чел, т. е. оцениваются, как крупные. В Беларуси географический рисунок распределения демографического потенциала представлен районами с численностью 25 тыс. чел. и менее (рис. 3).

В-третьих, тренд динамики численности сельского населения Беларуси и Молдовы принципиальных различий не имеет и характеризуется сокращением численности населения с конца 1980-х гг. Наряду с этим, если в Беларуси численность сельского населения на макрогеографическом уровне начала сокращаться с 1959 г., то в Молдове – с 1997 г., т. е. лаг запаздывания между государствами составляет около 40 лет. Численность сельского населения Беларуси за период 1989–2008 гг. сократилась на 30%, Молдовы – на 10%.

На микрогеографическом уровне, в Беларуси в настоящее время в абсолютном большинстве сельских районов, за исключением Минского, наблюдается сокращение сельского населения. В Молдове выделяют типы районов как с положительной, так и отрицательной динамикой.

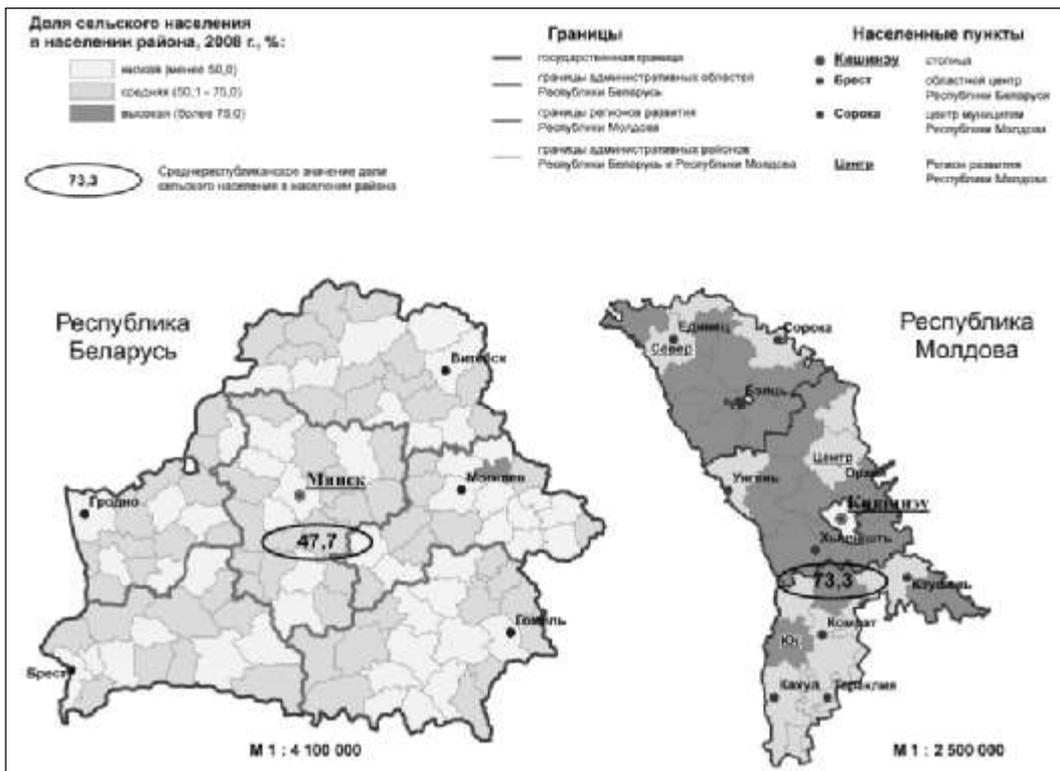

Рис. 2. Пространственное распределение сельского населения Республики Беларусь и Республики Молдова, 2008 г., % [сост. по 3–5]

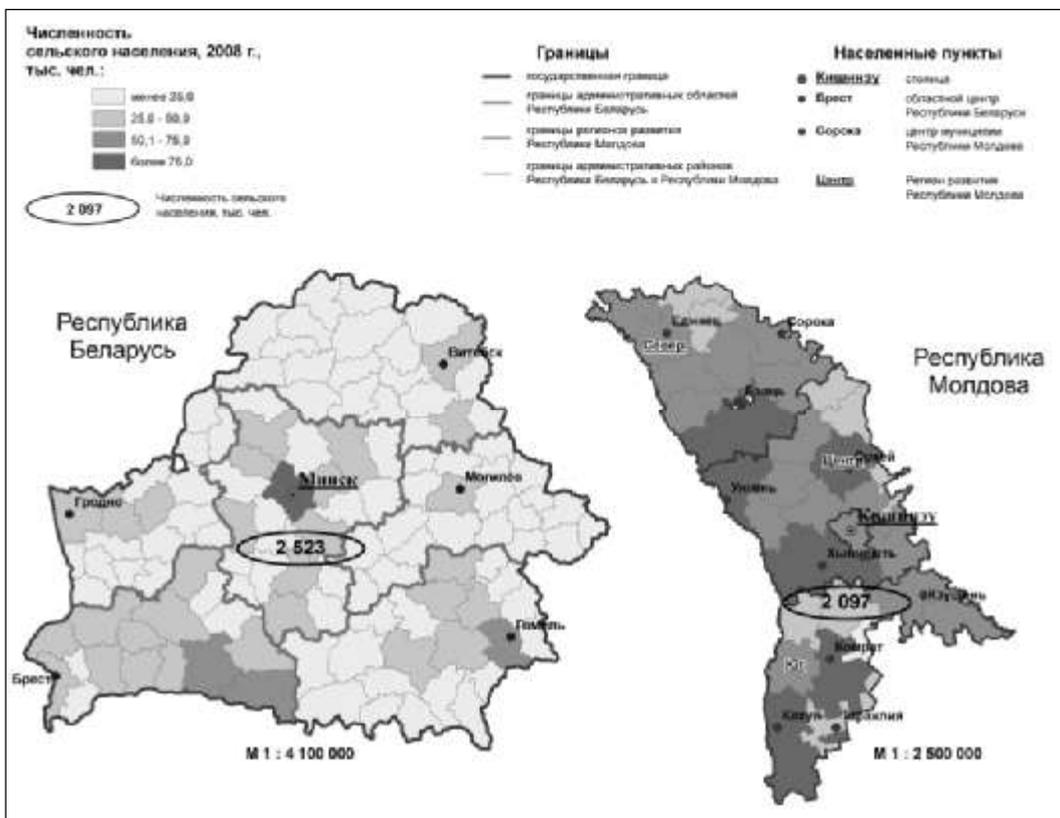

Рис. 3. Пространственное распределение сельского населения Республики Беларусь и Республики Молдова, 2008 г., тыс. чел. [сост. по 3–5]

В целом, в пространстве динамики численности сельского населения в Беларуси установлена центрально-периферийная географическая ось, где выделены *растущий* тип районов – в пригородных районах и зонах транспортных коридоров; *стабильный*, представленный аграрными районами, центрами которых являются средние и малые городские поселения и *сокращающийся* – в периферийных районах природоохранным-рекреационного профиля и пострадавших от техногенной катастрофы.

В Молдове граница располагается по линии север-юг, а пространство характеризуется выделением *Северного* подрайона с интенсивным сокращением численности с 1970-х гг.; *Центрального* – переходного (4 района испытывают сокращение численности с 1970-х гг., остальные с 1990-х гг.) и *Южного* подрайона – с сокращением численности населения с 1990-х гг.

Пространственно-временные сдвиги в характере естественного движения сельского населения. Исследуемый период 1989–2008 гг. как для Беларуси, так и для Молдовы характеризуется естественной убылью сельского населения. В Республике Беларусь сокращение численности сельского населения происходит, главным образом, именно за счет естественной убыли населения, которая с 1992 г. превышает миграционный отток из села. В Молдове миграционный приток в сельскую местность частично перекрывает естественные потери.

Регрессивные демографические тенденции в Беларуси проявились раньше, чем в Молдове в связи с завершением первого «демографического перехода» в сельской местности уже к середине 1960-х гг., и в той или иной мере имеют место на территории всей республики, но процесс их распространения и развития идет неравномерно в пространстве. Расширение ареала демографической депрессии происходит в направлении с северо-востока на юго-запад; южные полесские районы характеризуются наибольшей зональной устойчивостью демографических параметров.

Для сельского населения Республики Беларусь режим депопуляции установился с середины 1970-х гг., в то время как в Молдове данный процесс менее продолжителен – с 1999 г. Уровень депопуляции в сельской местности Беларуси в 2 раза выше, чем в Молдо-

ве. В Беларуси величина условного коэффициента депопуляции составила в 2008 г. 2,6 по сравнению с 0,8 в Молдове. В начале исследуемого периода (1989 г.) коэффициент депопуляции в Беларуси составлял уже 1,3, в то время как для сельского населения Молдовы был еще характерен расширенный режим воспроизводства населения. На уровне административных районов в Беларуси выделяются пригородные ядра Минска и Бреста с условным коэффициентом депопуляции менее единицы, относительно демографически устойчивые зоны влияния областных центров, а также ареал южных сельскохозяйственных районов. В Молдове качественные отличия в развитии процесса депопуляции выражены только в зоне влияния Кишинева (рис. 4).

Ежегодно численность сельского населения Беларуси под влиянием естественной убыли сокращается на 37,5 тыс. чел., в Молдове – на 4,8 тыс. чел. Такие существенные различия объясняются более высокой смертностью в сельской местности Республике Беларусь, которая в 2008 г. составила 24,7%, по сравнению с 13,2% в Молдове.

Для сельского населения обеих стран характерно снижение относительных показателей смертности в направлении с севера на юг, а также в пристоличных районах Минска и Кишинева. Индекс динамики смертности за исследуемый период в Беларуси составил 1,5 (уровень смертности увеличился с 16,1 в 1989 г. до 24,7% в 2008 г.), а в Молдове соответственно 1,1 (с 11,9 в 1989 г. до 13,2% в 2008 г.).

Различия в уровне рождаемости менее значительны по сравнению с другими демографическими показателями. В сельской местности, как Беларуси, так и Молдовы уровень рождаемости по международной шкале считается низким, но в нашей стране он несколько ниже, чем в Молдове – 9,9 и 10,8% соответственно. Тенденция снижения рождаемости в обеих странах носит трендовый характер. Интенсивность снижения рождаемости за период 1989–2008 гг. в сельской местности Молдовы выше, чем в Беларуси – 1,6 и 1,3 соответственно. В Молдове уровень рождаемости за исследуемый период сократился с 18,5 до 10,8%, а в Беларуси с 12,3 до 9,9%. Различия в интенсивности определяются тем, что сельская местность Беларуси на протяжении всего периода исследования находилась на пятой стадии «де-

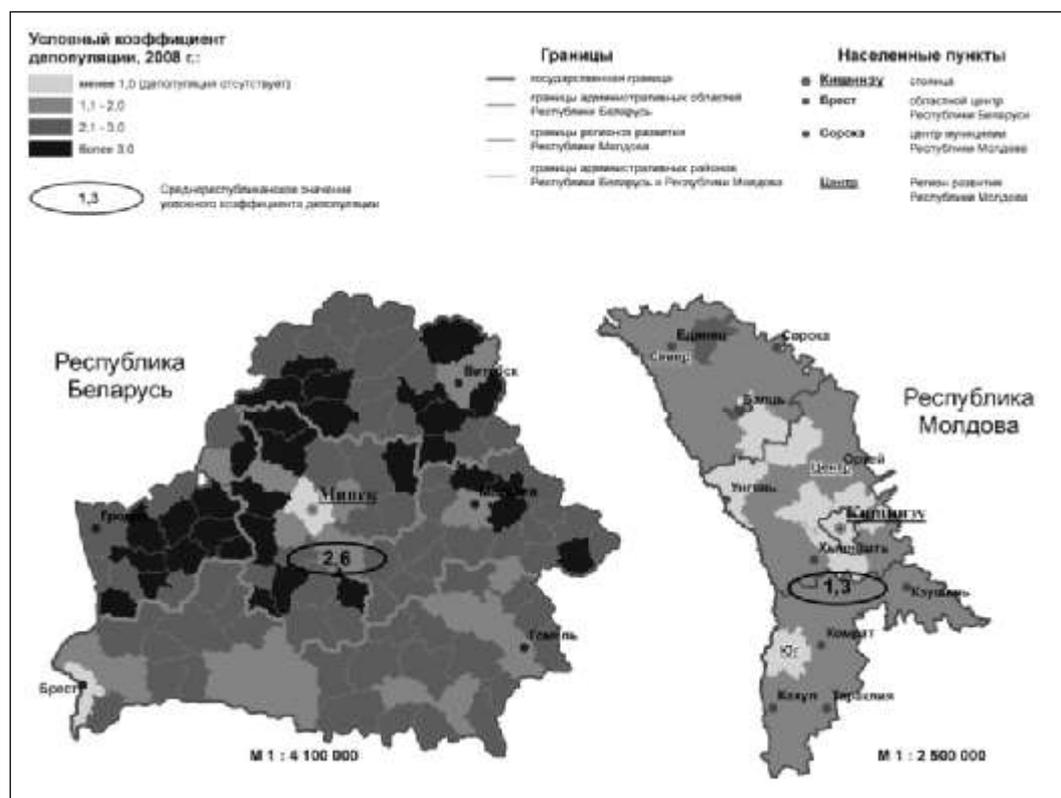

Рис. 4. Пространственная структура депопуляции сельского населения Республики Беларусь и Республики Молдова, 2008 г. [сост. по 3–5]

мографического перехода» и уровень рождаемости уже стабилизировался, а в Молдове был завершен переход от третьей стадии к пятой. В результате в Молдове естественная убыль варьируется от 5 % на севере страны до 2,5 в центральном регионе и около 0 на юге, с центральным пригородным ядром Кишинева, отличающимся естественным приростом. В Беларуси в периферийных районах естественная убыль достигает 20% и более, на юге менее 10%. Естественным приростом сельского населения характеризуются 2 района – Минский и Брестский.

В Беларуси геодемографическое пространство гораздо более поляризованное, что объясняется различиями в системе городского расселения. В результате этого в Беларуси центр-периферийные закономерности демографического развития прослеживаются как на примере столичного агломерированного ядра, так и в зонах влияния областных центров и крупных городов с населением более 100 тыс. чел. В Молдове в отличие от Беларуси доминирует меридиональный вектор демографического раз-

вития с единственным выраженным агломерированным ядром Кишинева.

Возрастная структура сельского населения Беларуси и Молдовы имеет существенные различия. В Беларуси с 1989 г. возрастная структура сельского населения оценивается как типично регрессивная. В Молдове в структуре сельского населения каждый пятый житель в настоящее время находится в дотрудоспособном возрасте, и, несмотря на то, что доля лиц в возрасте 65+ составляет 16%, структура относится к стационарному типу (таблица 1).

На микрогеографическом уровне проявляются различия в типах возрастной структуры. Так, в Молдове в большинстве районов сельской местности регрессия структуры отсутствует за исключением северной части Северного региона развития, где значения коэффициента регрессии минимальные – от 1,0 до 1,5. В Беларуси пространственно преобладающей является регрессия возрастной структуры со значениями коэффициента регрессии более 2,0 в отдельных периферийных районах. Отсутствует

Таблица 1

Возрастная структура сельского населения Республики Беларусь и Республики Молдова, 2008 г., % [сост. по 3–5]

	Молдова	Беларусь
Доля лиц дотрудоспособного возраста	19,2	16,5
Доля лиц трудоспособного возраста	65,9	53,3
Доля лиц послетрудоспособного возраста	14,8	30,2

регрессия в двух типах районов – сугубо периферийных, для которых характерно эволюционное омоложение структуры, и южных полесских с более благоприятной демографической структурой. Особое место занимает на этом фоне Минский рурбанизированный сельский район, в котором с 2004 года наблюдается демографический реверс (рост рождаемости, миграционный и естественный прирост, характерные для 1980-х гг.) и за счет этого происходит омоложение возрастной структуры (рис. 5).

В структуре отдельных возрастных групп также наблюдаются различия между странами: а) в группе лиц дотрудоспособного возраста в Беларуси между городской и сельской местностью различий практически нет, в Молдове доля лиц дотрудоспособного возраста в сельской местности более чем в 1,5 раза больше, чем в городе; б) в группе лиц послетрудоспособного возраста в Беларуси между городской и сельской местностью различия существенны (более чем в 1,5 раза в пользу последних), в Молдове различий практически не наблюдается в селе ненамного выше доля пенсионеров, чем, в городе.

На микрогеографическом уровне в Беларуси выделяется южная полесская зона с более высокой долей лиц дотрудоспособного возраста в структуре сельского населения. В Молдове территориальное распределение лиц данной возрастной группы с долей более 20% относительно равномерное и представлено в большинстве административных районов, за исключением Северного региона развития.

Доля лиц трудоспособного возраста между государствами различается незначительно в пользу Молдовы. Вместе с тем, на микрогеографическом уровне выявляются определенные пространственные закономерности и различия.

В Беларуси наблюдается центрально-периферийная закономерность территориального

распределения данной возрастной группы. Наибольшей долей трудоспособного возраста характеризуются районы, которые находятся в зоне влияния крупных городов, либо центрами которых являются крупные административные либо хозяйственные центры страны. В Молдове прослеживаются две закономерности: с одной стороны, это центр-периферия наибольшая доля трудоспособного населения сосредоточена в крупных муниципиях, с другой это ось север-юг – наибольшая доля трудоспособного населения (высокая и средняя – более 60%) сосредоточена в Южном регионе развития. Микрогеографический уровень исследования позволяет установить, что в Беларуси выделяется группа районов с очень низкой и низкой долей трудоспособного населения – менее 55% (большинство районов Гродненской, Витебской и Гомельской областей, в то время как в Молдове таких районов в структуре нет).

Наиболее значимые различия между государствами наблюдаются в пределах группы лиц послетрудоспособного возраста. На макроуровне доля данной категории лиц в сельской местности Молдовы более, чем в 1,5 раза меньше, чем в Беларуси. На микрогеографическом уровне геодемографическое пространство сельской местности Беларуси относительно однородно и представлено районами четвертой и пятой стадии демографического старения, где доля лиц старше трудоспособного возраста составляет более 35%. В большинстве районов сельской местности Молдовы доля лиц данной категории населения низкая – менее 15%, пространство также однородно, но представлено качественно иными типами районов по доле лиц старше трудоспособного возраста (менее 25–15%), имеет четкую географическую границу – север-юг. В Северном регионе развития доля данной возрастной группы составляет 19,2%, в центральном – 13,5%, в Южном – 13,6%.

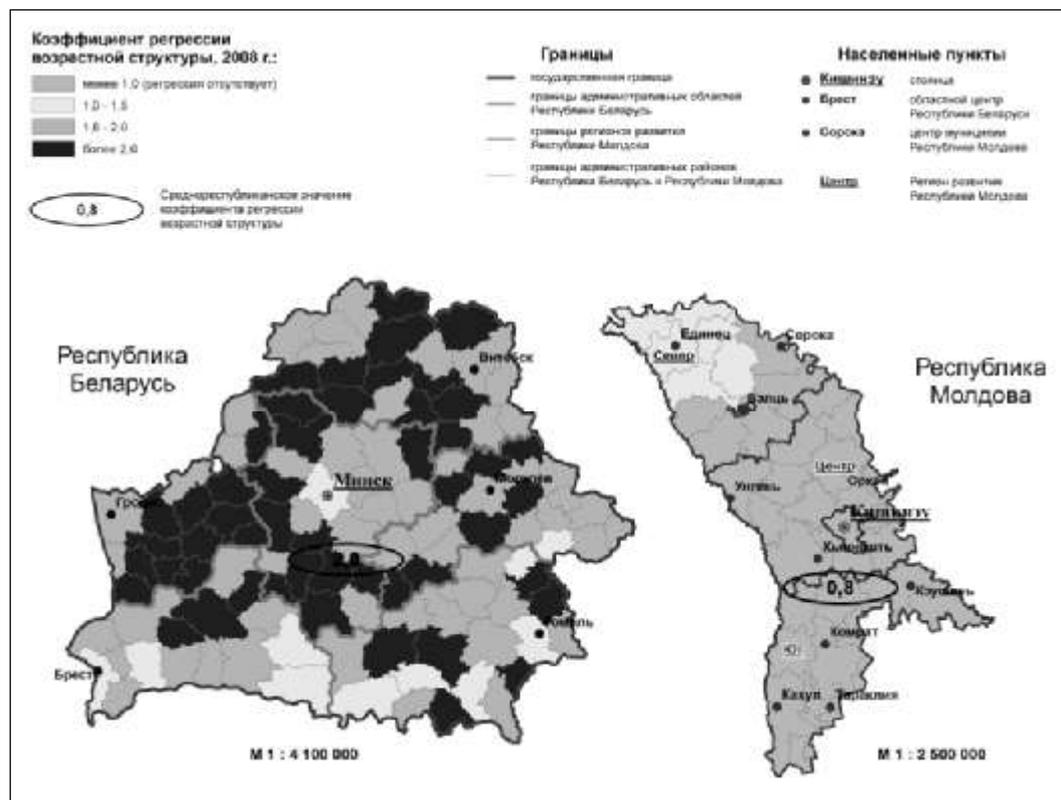

Рис. 5. Пространственная структура регрессии возрастной структуры сельского населения Республики Беларусь и Республики Молдова, 2008 г. [сост. по 3–5]

Кроме этого, между двумя государствами наблюдаются значительные различия в возрастной структуре по типам местности. Если в Беларуси между городской и сельской местностью наблюдаются весьма существенные различия в доле лиц послетрудоспособного возраста (в селе пенсионеров более чем в 1,5 раза больше, чем в городе), то в Молдове таких различий между городом и селом практически нет (соотношение всех возрастных групп находится в одном статистическом порядке).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сфокусировать внимание на следующих основных различиях в демографическом развитии сельской местности Молдовы и Беларуси.

1. С позиций цивилизационного подхода и в контексте теории стадийности урбанизации структура населения Молдовы, в отличие от Беларуси, где урбанизационный переход завершен, характеризуется в настоящее время незавершенностью урбанизационного перехода. Демографическое пространство Беларуси представлено рурбанизированными, переходными эволюционными и стагнирующими

типами районов, в Молдове преобладают доминирующие сельские типы районов.

2. Динамика численности сельского населения двух государств имеет идентичный генеральный тренд, характеризующийся сокращением, но различается более поздним по сравнению с Беларусью наступлением, меньшей интенсивностью и меньшими демографическими потерями за период в Молдове.

3. Республика Молдова и Республика Беларусь с одним статистическим порядком величины демографического потенциала сельской местности характеризуются различными свойствами пространства. В силу более раннего и интенсивного сокращения численности населения в сельской местности Беларуси рисунок демографического пространства характеризуется очаговостью и фрагментацией, в Молдове рисунок относительно континуальный.

4. С позиций концепции «демографических переходов» в обоих государствах в сельской местности осуществлен переход к суженному типу воспроизводства населения, характеризующемуся депопуляцией, но более ранним на-

ступлением и большими масштабами в Беларуси по сравнению с Молдовой, где на микрогеографическом уровне сохраняются районы с естественным приростом.

5. Различия в возрастной структуре сельского населения характеризуются преобладанием на макро- и микрогеографическом уровнях регрессивного типа в Беларуси и стационарного типа – в Молдове. Сельское население Беларуси находится на эволюционной стадии демографического старения, представленной высоким и чрезвычайно высоким уровнем старения в большинстве административных районов. Демографическое старение сельского на-

селения Молдовы на макрогеографическом уровне отсутствует, на микрогеографическом уровне представлено единичными районами Северного региона развития.

Таким образом, учитывая эволюционную обусловленность и инерционность демографических процессов, сценарии демографического развития в сельской местности Беларуси носят опережающий характер и в перспективе исторически предопределены в Молдове, что будет выражаться в наступлении урбанизационного перехода, увеличении масштабов депопуляции и переходе к режиму демографического старения.

Библиографический список

1. WDI Online Individual Subscription [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://publications.worldbank.org/ecommerce/catalog/product?item_id=631625/ – Дата доступа: 22.03.2009.
2. The World Factbook 2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bo.html> – Дата доступа: 22.03.2009.
3. Население Республики Молдова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.statistica.md/category.php?i=ru&idc=103&> – Дата доступа: 20.04.2009.
4. Население Республики Беларусь. Статистический сборник. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 г. / М-во статистики и анализа Республики Беларусь; редкол.: Г.И. Гасюк [и др.]. – Минск, 2000. – 195 с.
5. Регионы Беларуси, 2009. Статистический сборник Минстат РБ. – Мн.: Минстат РБ, 2009. – 708 с.

М.Р. Сафиуллин
(г. Уфа)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Safiullin M.R. (Ufa)

THE ESTIMATION OF THE PUBLIC HEALTH: GLOBAL, NATIONAL AND REGIONAL LEVELS

Аннотация. В статье отражены различия в эффективности здравоохранения стран мира, России и Башкирии. Даны оценка эволюции здравоохранения на глобальном, российском и республиканском уровнях и рекомендации по повышению эффективности здравоохранения Башкирии.

Abstract. The paper presents differences in the effectiveness of public health in states of the world, RF, RB. The author provides the estimation of the public health evolution on the global and republican levels and gives the recommendations how to raise the effectiveness of the public health in RB.

Ключевые слова: эффективность здравоохранения, расходы здравоохранения, система здравоохранения, здоровье населения, территориальные различия и контрасты.

Key words: effectiveness of public health, expenditure of public health, public health system, health of population, territorial differences and contrasts.

Экономическая эффективность здравоохранения ориентирована на наилучшее использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов общества для достижения конкретных целей. Экономическая

эффективность в здравоохранении не может быть доминирующей в выборе средств профилактики и лечения, однако критерии экономической эффективности могут помочь в установлении очередности тех или

иных мероприятий в условиях ограниченных ресурсов. Она характеризует полученный результат (критерии медицинского и социального эффекта) в сопоставлении с затратами на его достижение, выраженный в стоимостной форме. Эффективность в системе здравоохранения необходимо оценивать на глобальном, национальном и региональном уровне.

Методика эффективности использования государственных ресурсов здравоохранения на территориальном уровне предусматривает оценку различных показателей по трем основным критериям [8, с. 141–144]:

- доступность бесплатной медицинской помощи;
- достаточность ресурсов для оказания бесплатной медицинской помощи;
- качество бесплатной медицинской помощи.

Меняющиеся потребности населения и модели предоставления услуг здравоохранением требуют наличия квалифицированных и гибких кадровых ресурсов. Некоторые из проблем в сфере кадрового обеспечения здравоохранения в Европейском регионе обусловлены растущими темпами в предоставлении услуг здравоохранения, в частности, в связи с изменяющейся картиной заболеваемости и демографической ситуацией, распространением новых технологий, ростом информированности и требовательности пациентов, распространением принципов доказательной медицины.

Меняются и сами кадровые ресурсы здравоохранения. Например, рост доли женщин среди врачей размывает традиционные различия между категориями медицинских работников. Трудности и проблемы в области кадровых ресурсов, с которыми сталкиваются страны, носят различный характер. Уровень обеспеченности работниками здравоохранения существенно варьирует в масштабе Европейского региона. Во многих регионах Западной Европы отмечается дефицит персонала (особенно врачей первичной помощи и высококвалифицированных медицинских сестер), что контрастирует с унаследованным от прежних систем избытком врачей и больничных коек в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ.

Различия в численности работников могут быть связаны не только с характером организации амбулаторной помощи, например,

в отношении места первого контакта пациента с системой, в их основе могут лежать имеющиеся демографические и экономические тенденции. Высокая численность врачей на душу населения отмечается в Греции и Грузии – почти 5 на 1000 человек, а наименьшая численность отмечается в Албании, Боснии и Герцеговине, Румынии, Соединенном Королевстве, Таджикистане, Турции, Черногории (менее 2 врачей) [2, с.150].

В системе здравоохранения Республики Башкортостан (РБ) численность врачей всех специальностей увеличилась за 1990–2005 годы с 14 тыс. до 17 тыс., а с момента реализации национального проекта «Здоровье» до 17,5 тыс. в 2008 году. Количество врачей, приходящихся на 1000 человек населения, возросло с 3,5 до 4,3 специалиста, в то время как в РФ этот показатель составляет соответственно 4,5 и 4,9, что свидетельствует о более низком уровне обеспеченности врачами в Башкирии. Среди субъектов Приволжского федерального округа по обеспеченности врачами РБ уступает Удмуртской Республике, Пермскому краю, Саратовской области, Республике Мордовия, Самарской, Оренбургской области, Чувашской Республике, Нижегородской, Кировской области, Республике Татарстан, то есть среди 14 субъектов Приволжского ФО Республика Башкортостан занимает 11-е место, а среди 83 субъектов РФ – 54-е место.

Обеспеченность кадрами медицинских сестер также варьирует в широких пределах по странам. В Албании, Греции, Румынии и Турции – менее 4 медицинских сестер на 1000 населения. В Беларуси, Бельгии, Ирландии, Нидерландах, Норвегии, Швеции и Узбекистане медицинских сестер гораздо больше – в пределах 10–15 на 1000 населения.

Численность среднего медицинского персонала в лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) РБ увеличилась с 43,7 тыс. в 1990 году до 45,5 тыс. человек в 2005 году и с началом реализации национального проекта «Здоровье» до 46,1 тыс. человек к 2008 году. Обеспеченность средним медицинским персоналом в РБ на 1000 человек населения возросла за 1990–2008 годы с 11,0 до 11,3, в то время как в РФ этот показатель в 2008 году составлял 10,9 специалистов. Это свидетельствует о более высо-

ком уровне обеспеченности населения РБ средним медицинским персоналом и о росте этого показателя за годы реализации национального проекта. Среди 14 субъектов Приволжского ФО Республика Башкортостан делит 11-12-ое место, а среди 83 субъектов РФ занимает 50-е место [7, с.154].

Европейские страны, такие как Дания, Исландия, Норвегия, Франция и Швеция, озабочены проблемой старения кадрового состава медицинских сестер, что может в будущем привести к их дефициту. Особые проблемы встают в процессе планирования соотношений между врачами общей практики и узкими специалистами, а также между врачами и медицинскими сестрами. В связи с этим, многие страны в последнее время наращивают усилия по дополнительной подготовке и переподготовке врачей первичной помощи (Великобритания), стараются стимулировать большее число выпускников медицинских институтов занимать должности в структурах первичной помощи (Финляндия и Швеция). Некоторые страны также предпринимают активные меры, направленные на подготовку большего числа медицинских сестер (Нидерланды), на удержание данных кадров, а также на повторное привлечение тех, кто ранее покинул работу.

Ключевым вопросом развития кадровых ресурсов здравоохранения в Европейском регионе является миграция кадров, что, с одной стороны, порождает трудности, но с другой – открывает возможности для улучшения деятельности систем здравоохранения. С конца 1990-х годов отмечается значительный рост масштабов международного найма и миграции кадров здравоохранения. В ряде стран ЕС организаторы здравоохранения стремятся к заполнению существующего дефицита путем привлечения врачей и медицинских сестер из других стран Евросоюза или стран, находящихся за его пределами. Международная миграция работников здравоохранения может в одних странах помочь устранить кадровый дефицит, в других – способствовать решению проблемы избытка персонала, а также позволяет работникам-мигрантам улучшить свои условия жизни. Однако миграция также рождает проблемы как для стран, которые теряют своих работников, так и для тех, которые полагаются на

приток медиков из других стран (по крайней мере, в отношении языкового барьера и других препятствий для интеграции мигрантов в новую для них систему). Например, Великобритания, осуществляя специальные стратегии планирования кадровых ресурсов, в значительной мере полагается на использование медиков-мигрантов главным образом из стран, не входящих в состав ЕС, таких как Индия и ЮАР.

В одних развитых странах реформа здравоохранения включает рост числа врачей, в то время как другие национальные программы развития здравоохранения предусматривают сокращение медицинского персонала. Так, прогноз подготовки врачебных кадров в Японии показал, что к 2015 г. при сохранении существующего уровня здравоохранения и обучения врачей образуется 10% их избытка. Во избежание этого планируется к 2015 г. сократить выпуск врачей на 10%, а стоматологов — на 20% с перераспределением части врачей в сельские районы, где все еще ощущается дефицит медицинских кадров. В то же время во Франции ежегодный прирост численности медработников равен приросту населения и составляет 4%. В США увеличение числа врачей с 1970 по 2000 г. составил от 150 до 240 на 100 тыс. населения. Только старение населения США потребует к 2020 г. увеличения количества мест в медицинских учреждениях на 40% и соответствующего роста числа медицинских работников [4, с.53].

Реформы в области финансирования здравоохранения носят различный характер в разных странах Европейского региона в зависимости от особенностей институциональных механизмов, культурных, экономических и политических условий в этих странах. Уровень государственных расходов на нужды здравоохранения в процентах от ВВП возрос в большинстве стран мира (см. табл. 1). Это отражает тот факт, что в этих странах были приняты решения о приоритетной значимости здравоохранения в рамках общих государственных расходов.

Расходы на здравоохранение на душу населения в странах мира имеют следующие контрасты (см. табл. 2):

В Республике Башкортостан обеспеченность населения больничными койка-

Таблица 1

Затраты стран мира на здравоохранение

№	Страна	% от ВВП 2000	% от ВВП 2007
A	Страны с высокими расходами:		
	США	13,4	15,7
	Франция	10,1	11,0
	Швейцария	10,2	10,8
	Германия	10,3	10,4
	Куба	6,7	10,4
	Австрия	9,9	10,1
	Канада	8,8	10,1
	Аргентина	9,0	10,0
	Португалия	8,8	10,0
	Дания	8,3	9,8
	Босния и Герцеговина	6,9	9,8
	Греция	7,9	9,6
	Бельгия	9,1	9,4
B	Страны с со средними расходами:		
	Беларусь	6,4	6,5
	Иран	5,9	6,4
	Латвия	6,0	6,2
	Египет	5,5	6,3
	Российская Федерация	5,4	5,4
	Китай	4,6	4,3
	Индия	4,4	4,1
C	Страны с низкими расходами:		
	Бангладеш	2,7	3,4
	Пакистан	3,0	2,7
	Ангола	2,4	2,5
	Ирак	1,4	2,5
	Конго	2,1	2,4
	Индонезия	2,0	2,2

Составлена по: [5, с.130-137].

ми в расчете на 10000 человек в 2008 году была ниже общероссийского показателя как в целом по республике, так и в большинстве муниципальных образований (в 53 муниципальных районах). Максимальные показатели характерны для Белорецкого (107,3), Белебеевского (86,6), Мечетлинского (85,1), Дуванского (87,6) муниципальных районов и городских округов – Уфа (148,4), Кумертау (96,7), Сибай (98,2), Стерлитамак (109,6).

За период 1990–2008 гг. общее число больничных учреждений в России сократилось с 21,5 до 15,6 тысяч учреждений, то есть на 27%. При этом основное сокра-

щение произошло за 2005–2008 годы (см. табл. 3). Таким образом, именно на годы реализации национального проекта «Здоровье» в Республике Башкортостан приходится основное сокращение больничных и врачебно-амбулаторных учреждений, что свидетельствует о росте территориальной концентрации врачебной помощи населению.

В Республике Башкортостан общая численность врачей за 1990–2008 годы увеличилась с 14 до 16,9 тысяч человек. Укомплектованы полностью станции переливания крови, на 90% укомплектованы врачебные должности в диспансерах, амбулаторно-поликлинических и больничных учреждениях,

Таблица 2

Расходы на здравоохранение на душу населения (долл.США, 2007)

№ п/п	Страны	Расходы
С высокими расходами:		
1	Швейцария	2794
2	Норвегия	2612
3	Германия	2476
4	Дания	2325
5	Нидерланды	2224
С низкими расходами:		
6	Россия	209
7	Грузия	105
8	Узбекистан	65
9	Молдова	59
10	Туркменистан	49
11	Азербайджан	46

Составлена по: [1, с. 92].

Таблица 3

Динамика основных показателей здравоохранения в РФ и РБ в 1990–2008 гг., (на конец года)

Годы	Число больничных учреждений	Число больничных коек		Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений	Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену	
		всего	на 10 000 человек населения		всего	на 10 000 человек населения
Российская Федерация						
	тысяч	тысяч		тысяч	тысяч	
1990	12,8	2037,6	137,4	21,5	3221,7	217,3
1995	12,1	1850,5	125,8	21,1	3457,9	235,1
2000	10,7	1671,6	115,0	21,3	3533,7	243,2
2005	9,5	1575,4	111,3	21,8	3637,9	256,9
2008	6,5	1398,5	98,6	15,6	3651,0	257,3
Республика Башкортостан						
	единиц	тысяч		единиц	тысяч	
1990	361	54,0	136,4	537	85,2	214,9
1995	367	59,0	132,1	557	91,8	224,8
2000	329	49,6	120,5	505	93,1	226,3
2005	261	39,2	96,4	502	95,6	235,2
2008	214	37,5	92,5	430	97,5	240,4

Составлена по: [3, с. 86: 6, с.297–299].

на 60 % – станции скорой помощи. Наименьшее число врачей в расчете на 1000 человек в Архангельском (1,6), Бижбулякском (1,6), Бураевском (1,6), Калтасинском (1,5) муниципальных районах; наибольшее число – в Белорецком районе (3,0), в городах Кумертау (3,2), Октябрьский (3,4), Салават (3,6), Стерлитамак (3,8) [7, с.154].

В Республике Башкортостан показатель обеспеченности населения средним медицинским персоналом выше общероссийского. Наибольшая обеспеченность отмечается в Салаватском, Белорецком, Белебеевском районах и городе Уфа (более 12,0), наименьшая – в Иглинском, Куюргазинском, Чишминском муниципальных районах.

Общая заболеваемость населения РБ за 1990–2005 годы выросла на 68,8%, за период реализации национального проекта «Здоровье» – на 11,9%. Это свидетельствует о том, что в 1991–2005 годы недостаточное внимание уделялось состоянию здоровья населения в стране, выразившееся в недофинансировании здравоохранения в регионах, что привело к ухудшению состояния здоровья населения в Республике Башкортостан. Наблюдаемая структурная трансформация численности населения республики под влиянием процессов его старения обуславливает увеличение распространенности возрастозависимой патологии.

Реформирование в системе здравоохранения РБ сопровождалось возрастанием объемов предоставляемых платных медицинских услуг населению. В 2000 году объем оказываемых платных медицинских услуг населению РБ составил 770 млн. рублей или 15,4% от объема бюджетного финансирования здравоохранения РБ. В 2008 году доля предоставляемых платных медицинских услуг населению РБ в объемах бюджетного финансирования здравоохранения увеличилась до 28,3%. Абсолютные величины объема оказываемых платных медицинских услуг населению по субъектам Российской Федерации не позволяют судить об эффективности использования средств в системе здравоохранения. Это возможно сделать с помощью показателей объема платных медицинских, санаторно-оздоровительных услуг, услуг физической культуры и спорта в расчете на душу населения.

По состоянию на 2008 год складывается следующая ситуация. Объем платных медицинских услуг на душу населения в Республике Башкортостан выше, чем в Российской Федерации, на 20,4%. Среди 83 субъектов РФ Республика Башкортостан по объему платных медицинских услуг на душу населения занимает 13-е место.

Объем оказываемых платных санаторно-оздоровительных услуг на душу населения в Республике Башкортостан выше, чем в среднем по Российской Федерации, на 70%. По этому показателю РБ занимает 1-е место в Приволжском ФО. В Республике Мордовия оказываемые платные санаторно-оздоровительные услуги составляют всего 19 рублей, в Пензенской области 60 рублей,

в Республике Татарстан – 334 рубля, а в Республике Башкортостан – 506 рублей, в то время как в среднем по Российской Федерации – 303 рубля. Среди 83 субъектов РФ Республика Башкортостан по объему платных санаторно-оздоровительных услуг на душу населения занимает 4-е место.

Объем предоставляемых платных услуг физической культуры и спорта на душу населения по Российской Федерации составляет 111 рублей, а в Республике Башкортостан – 68 рублей, то есть меньше на 38,7%. В Приволжском ФО по этому показателю Республика Башкортостан уступает Самарской области (141 руб.), Республике Татарстан (113 руб.), Оренбургской области (89 руб.). Среди 83 субъектов Российской Федерации РБ занимает по этому показателю 26-е место [7, с.156].

Общероссийское число больничных коек на 10 тыс. человек населения сократилось с 1990 года по 2008 год со 137 до 107 коек. В РБ этот показатель сократился еще более существенно – с 136 до 95 коек, что свидетельствует о более ускоренном, чем в РФ, сокращении и рационализации использования больничного коечного фонда. Обеспеченность населения районов РБ больничными койками в расчете на 10 тыс. человек в 1990 году варьировала от 78 (Стерлитамакский район) до 139 (Нуримановский район), по городам – от 93 (г. Учалы) до 170 (г. Уфа). К 2008 году эти показатели по районам уменьшились и составили – от 47 (Уфимский район) до 86 (Мечетлинский район), по городам уменьшились от 55 (г.Баймак) до 155 (г.Уфа). В результате территориальный контраст в обеспеченности больничными койками населения районов РБ увеличился с соотношения 1:1,78 до 1:1,83, а по городам – с 1:1,83 до 1:2,82.

Длительный кризисный период 1990-х годов негативно сказался на системе здравоохранения Республики Башкортостан. Значительно устарела, износилась и требует ремонта материально-техническая база. Значительное число зданий больниц и поликлиник, особенно в сельской местности, имеют недостаточную мощность. Для РБ характерна значительная региональная дифференциация оказания медицинской помощи – выполнение сложнейших операций и осуществление дорогостоящего лечения имеется только в столице г. Уфе и крупных городах (Стер-

литамак, Салават). В республике сложились существенные территориальные различия в доступности и качестве медицинской помощи, предоставляемой городскому и сельскому населению (душевые расходы на финансирование здравоохранения по отдельным муниципальным образованиям разнятся в 12-15 раз). Центральной проблемой в сельских районах является уровень развития и доступности медицинского обслуживания. Центральные районные больницы доступны только населению близлежащих сел. Размещение сети учреждений здравоохранения не обеспечивает относительно равноценный уровень медицинского обслуживания населения РБ независимо от места проживания.

Анализ объема предоставляемых платных услуг на душу населения в сфере здра-

воохранения и отдыха по Республике Башкортостан в сравнение с российскими показателями позволяет сформулировать следующий вывод: в республике очень высокие показатели предоставляемых платных медицинских услуг и особенно платных санаторно-оздоровительных услуг при низком уровне предоставления платных услуг физической культуры и спорта. Это свидетельствует о недостаточном внимании развитию профилактики здоровья населения. Акцент в предоставлении платных услуг в сфере здравоохранения Республики Башкортостан делается не на профилактику болезней, а медицинское лечение последствий болезней и послелечебное дорогостоящее обслуживание – платные санаторно-оздоровительные услуги.

Библиографический список

1. Вартанян Ф.Е., Рожецкая С.В. Основные детерминанты здоровья населения европейских стран // Здравоохранение. – 2008. – № 11. – С. 91–97.
2. Здоровье и системы здравоохранения в Европе. – Копенгаген: ВОЗ, 2010. – 205 с.
3. Здравоохранение в РБ. – Уфа: Башкортостанстат, 2009. – 118 с.
4. Малов Н.И. Экономические проблемы здравоохранения. – М.: Экономика, 2005. – 156 с.
5. Мировая статистика здравоохранения. – Женева: ВОЗ, 2010. – 167с.
6. Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2009. – 826 с.
7. Сафиуллин М.Р. Территориально-структурные изменения в системе здравоохранения стран ЕС и РБ: критерии, уровни, оценки, проблемы. –В сб.: Арчиковский чтения: науки о Земле и стратегия устойчивого развития. – Чебоксары, 2010. – С. 151–156.
8. Стародубов В.И., Флек В.О. Финансирование медицинской помощи населению Российской Федерации, ориентированное на результат. – М.: МЦФЭР, 2007. – 400 с.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

А.П. Горкин, Т.А. Ачкасова
(г. Москва)

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭЛЕКТРОННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ США

Gorkin A.P., Achkasova T.A. (Moscow)

INDUSTRIAL AND REGIONAL STRUCTURE

OF THE ELECTRONIC SECTOR OF THE AMERICAN ECONOMY

Аннотация. В статье рассматриваются отраслевая и региональная структуры электронного сектора – наиболее мобильного в постиндустриальной экономике США, в т.ч. электронной промышленности и электронных услуг.

Abstract. The article examines the branch and regional structure of the electronic sector (including electronic manufacture and electronic services) – the most dynamic sector in post-industrial economy of the USA.

Ключевые слова: постиндустриальная экономика США, электронная промышленность, электронные услуги, отраслевая и региональная структуры.

Key words: Post-industrial economy of the USA, electronic industry, electronic services, branch and regional structures.

Электронный сектор экономики – интегрированная система различных видов деятельности, в основе которых лежит производство и использование промышленной продукции и услуг, предназначенных для обеспечения потребностей общества в информации на электронных носителях. В комплекс входят виды деятельности, обеспечивающие производство информации в цифровой форме, ее передачу, хранение, переработку, а также пользование информацией и управление ею. Понятия «электронный сектор экономики» и «промышленно-информационный комплекс» (предложенный одним из авторов шесть лет назад) по конкретному содержанию практически совпадают, они более точно передают интеграционную специфику комплекса, чем распространенное выражение «информационные технологии», а именно – сопряжение промышленности и сферы услуг, вторичного и третичного секторов. Деление комплекса на классические «производственные» и «непроизводственные» виды деятельности в данном случае достаточно условно. Аппаратное обеспече-

ние (hardware) и программное обеспечение (software) на практике взаимосвязаны и взаимообусловлены [1].

Что же касается промышленной составляющей электронного сектора экономики США, то необходимо обратить внимание, что в американской статистике до 1997 г. была принята классификация отраслей экономики SIC (Standard Industrial Classification), в соответствии с которой выделялась единая отрасль – «электротехническая и электронная промышленность». При этом производство компьютеров включалось в «общее машиностроение», а научных, контрольно-измерительных и медицинских приборов – в приборостроительную промышленность. В 1997 г. в соответствии с новой классификацией отраслей NAICS (North American Industry Classification System) была выделена интегрированная отрасль «электронная промышленность». Принципиальное различие между электротехнической и электронной промышленностью состоит в том, что электротехническая промышленность производит машины, приборы, оборудование,

Структура электронного сектора экономики США

	Число занятых						Суммарная оплата труда, долл. 2008 г.			
	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.	доля, %	доля, %	доля, %	млн. долл.	млн. долл.	доля, %	доля, %
	2007	2008	2009	2007	2008	2009	2007	2008	2007	2008
Электронная промышленность	1408	1392	1279	100,0	100,0	100,0	124,7	117,2	100,0	100,0
Компьютеры и периферийное оборудование	186	183	166	13,2	13,1	13,0	24,0	21,1	19,3	18,0
Средства связи	138	137	130	9,8	9,8	10,2	12,0	11,4	9,6	9,7
Бытовая электроника	29	27	23	2,0	1,9	1,8	2,0	1,8	1,6	1,5
Электронные компоненты	273	268	231	19,4	19,4	18,1	14,6	14,2	11,7	12,1
Полупроводники	235	226	200	16,7	16,2	15,6	25,4	22,9	20,4	19,6
Электроника для военных целей и космических программ	231	231	230	16,4	16,6	18,0	21,8	21,5	17,5	18,2
Контрольно-измерительная аппаратура	208	210	195	14,8	15,1	15,2	16,1	15,6	12,9	13,3
Медицинские приборы и оборудование	73	75	72	5,2	5,4	5,6	6,4	6,3	5,1	5,4
Оптические инструменты и фотоника	35	35	32	2,5	2,5	2,5	2,4	2,4	1,9	2,1
Информационные услуги электронного сектора	4693	4644	4586	100,0	100,0	100,0	395,2	398,8	100,0	100,0
Интернет и телекоммуникационный сервис	1373	1362	1308	28,5	29,3	28,5	104,8	101,5	26,5	25,5
Программные продукты, компьютерные сети, дизайн	1619	1630	1685	36,8	35,1	36,8	154,6	158,5	39,1	39,7
Инженерно-технические услуги, НИОКР, обучение	1611	1652	1593	34,7	35,6	34,7	135,8	138,8	34,4	34,8
Электронный сектор экономики США в целом	6011	6036	5865				519,9	516,0		

Расчет авторов по Cyberstates 2010.

арматуру, предназначенные для получения, передачи, хранения, использования электрической энергии, тогда как электронная промышленность производит приборы и оборудование (в т.ч. компоненты и детали), предназначенные для получения, передачи, хранения, использования информации на электронных носителях.

Каков же состав электронного сектора экономики (промышленно-информационного комплекса) Соединенных Штатов Америки? Авторы полагают, что группировка отраслей, подотраслей и частных сегментов этого сектора, предложенная AeA (Американская электронная ассоциация) и TechAmerica Foundation (см. табл. 1), вполне адекватно отражает структуру электронного комплекса экономики страны¹. Следует отметить, что на 4 занятых в электронных услугах приходится только 1 занятый в электронной промышленности.

Общее число занятых в «электронной экономике» в 2009 г. (5,9 млн. чел.) составило 5,5% от всех занятых в частной экономике США. Однако данный показатель далеко не в полной мере характеризует роль электроники в хозяйстве страны. Средняя годовая заработная плата в этом секторе в 2008 г. составила 84,4 тыс. долл., что существенно превышает средний показатель по стране (45,4 тыс. долл.). В итоге на долю электронного сектора

приходилось около 10% всей выплаченной в частной экономике заработной платы. Сравним данные о числе занятых (млн. чел.) в отдельных отраслях экономики США в 2007 г.: строительство – 7,5; финансы и страхование – 6,0; электронный сектор – 6,0 (промышленность – 1,4; электронные услуги – 4,6); пищевая промышленность – 1,5; химическая промышленность – 0,8. [5].

Существует ошибочное мнение, что в электронной экономике США преобладают гигантские компании и принадлежащие им крупные предприятия. Но это далеко не так. В 2008 г. в стране насчитывалось свыше 375 тыс. предприятий электронного сектора и несколько десятков тысяч фирм, принадлежавших частным владельцам. При этом организационная структура важнейшего инновационного комплекса ежегодно и ежемесячно «пульсирует» – банкротятся тысячи компаний, закрываются тысячи предприятий, но на их месте возникают новые. Особенно ярко эта «пульсация» проявляется в сфере электронных услуг. В 2008 г. такие услуги представляли 355 тыс. предприятий со средним числом занятых 13 человек. В то же время в электронной промышленности насчитывалось «лишь» 21 тыс. предприятий со средним числом занятых 68 человек. Однако необходимо отметить, что свыше 80% общей численности занятых в электронном секторе

¹ Единственное, в чем нельзя согласиться с авторами данной концепции, это применение термина «high-tech» только к информационным технологиям игнорирует биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии.

экономики США приходилось на средние и крупные предприятия, насчитывающие свыше 100 работников. Компании-лидеры не только американского, но и мирового масштаба: Ай-Би-Эм, Хью-летт-Паккард, Интел, Эппл (электронная промышленность), Майкрософт, Гугл, Циско Системс, Адоб Системс, Орейкл (электронные услуги) владеют предприятиями-гигантами с числом занятых от одной до десяти тысяч человек. Хотя у каждой из них отмечались подъемы и спады, огромный потенциал этих фирм (инновационный, финансовый, организаци-

онный) позволяет электронной экономике США сохранять «стабильность развития» – даже в периоды кризисов, когда отмеченная выше «пульсация» резко усиливается.

В структуре занятых в электронной промышленности США значительна доля интеллектуальных (т.н. «креативных») и управленческих профессий. По официальным данным Бюро статистики труда [4] в 2008 г. в электронной промышленности страны было занято 1248 тысяч человек, которые по видам основной деятельности распределялись следующим образом:

Виды деятельности	тыс. чел	доля в % от итога по отрасли
Менеджеры, маркетологи, бухгалтеры, аудиторы	202	16,2
Ученые, инженеры, программисты, аналитики	430	34,5
Офисный персонал	119	9,
Рабочие (сборщики, операторы и др.)	384	30,8
Прочие (установка, эксплуатация, ремонт, продажи)	113	9,0

Эти данные свидетельствуют о том, что научно-инженерный персонал составляет свыше 1/3 всех занятых в отрасли. Традиционно принятое в США деление работников на «синие воротнички» и «белые воротнички» (в других странах – на «рабочих» и «служащих» или лиц физического и умственного труда) в высокотехнологичной электронной промышленности потеряло практически какое-либо значение. В цепочке «ученый – инженер – техник – мастер – рабочий» реальных границ в отрасли нет, они сохранились лишь в статистических отчетах и публикациях.

Высокую инновационность электронного сектора характеризуют следующие данные. В 2005 г. во всех затратах на НИОКР в США его доля составила 37% (электронная промышленность – 21%, услуги – 16%). Для сравнения: химическая промышленность – 21%, автомобильная – 8%, авиационная и ракетно-космическая – 5%. При этом общая сумма затрат на НИОКР превысила 204 млрд. долл. В 2007 г. в венчурных вложениях, связанных с риском для инвесторов, доля электронного сектора достигла 58% (в т.ч. разработка новых программных продуктов 18%), при общей сумме венчурных инвестиций 29,4 млрд. долл [5].

Вернемся к соотношению промышленности и сектора услуг в «электронной экономике». Что определяет уровень развития информационного общества в конкретной стране – производство сложнейшей техники или широта охвата потребителей (население, производство, наука, медицина, образование, финансы, оборона, масс-медиа и т.д.), в т.ч. за счет импорта? Ответ на этот вопрос не так прост. Ведь производимая в стране электронная техника бывает разной (от аудио- и видеотехники, плееров, телевизоров, калькуляторов, мобильных телефонов до суперкомпьютеров, сложнейшего навигационного оборудования, электронной медицинской аппаратуры, систем управления на производстве и вооруженных силах и т.д.). «Электронные услуги» также имеют огромный диапазон сложности – от программирования и создания поисковых сетевых систем до ремонта и продажи техники. Каждая страна имеет свою специфику, в любой из них можно выделить электронный сектор экономики, но его структура и инновационность по странам существенно различаются.

Специализация американской электронной промышленности: производство полупроводников, сложной электронной техники

Доля 4-х крупнейших отраслей от итога по обрабатывающей промышленности США

	Доля в УЧП обрабатывающей промышленности США в текущих ценах, %			Доля в ВВП обрабатывающей промышленности США в ценах 2005 г., %		Доля в общем числе занятых в обрабатывающей промышленности США, %
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Электронная промышленность	9,7	10,3	9,8	14,5	16,4	8,2
Транспортное машиностроение	12,2	11,1	11,6	12,3	12,2	11,2
Пищевкусовая промышленность	13,5	14,2	16,7	11,9	11,4	13,9
Химическая промышленность	15,3	15,6	16,6	12,7	11,0	6,6
Итого	50,7	51,2	54,7	51,4	51,0	39,9

Расчет авторов по US Census of Manufactures 2007; Annual Survey of Manufactures 2008, 2009; Survey of Current Business.

(компьютеров, средств связи, приборов) для научных и производственных целей, медицины и обороны. При этом растет импорт бытовой электроники, массовых персональных компьютеров, несложных комплектующих и периферийного оборудования. В секторе услуг основная специализация: создание программных продуктов, сетевых поисковых систем, Интернет-услуги, услуги связи.

Формирование промышленно-информационного комплекса – основной движущей силы экономического роста страны – следует считать наиболее впечатляющим, принципиальным результатом структурных изменений, как в обрабатывающей промышленности, так и во всей экономике США за последние десятилетия.

Несколько слов о месте США в мировой электронной промышленности. Существует расхожее мнение, что Китай, ЕС, Япония, «новые индустриальные страны» Юго-Восточной Азии существенно потеснили США на мировом рынке электроники. Но такое утверждение зависит от игры статистических показателей, которые основаны на разных группировках отраслей, ценовых базисах расчета, объективности аналитиков и т.д. Приведем несколько примеров. По данным Национального научного фонда США (National Science Foundation) в 2007 г. доля США в мировом производстве (в текущих ценах!) средств связи и полупроводников составила 29%, Китая – 15%; в производстве компьютеров и офисного оборудования: США – 25%, Китая – 39% [8]. В то же время, по данным ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию), в 2008 г. доля США в мировом производстве (в ценах 2000 г.!) средств связи составила 67%, Китая – 10%; в производстве компьютеров и офисного оборудования: США – 59%, Китая – 9% [7]. Мож-

но выбрать для анализа любой из статистических рядов – оба подхода «правильные». Только надо иметь в виду, что учет продукции в неизменных ценах 8-летней давности отражает рост производительности труда и снижение отпускных цен на высокотехнологичную электронную продукцию, т.е. физический объем продукции вырос существенно, чем его стоимостное выражение.

Аналогичная проблема встает при определении места электронной промышленности в структуре УЧП (условно чистой продукции) обрабатывающей промышленности США. В текущих ценах отрасль в 2008 г. занимала лишь четвертое место, вслед за химической, пищевкусовой промышленностью и транспортным машиностроением. Если же рассматривать ситуацию на основе неизменных цен 2005 г., то электронная промышленность уверенно занимает ведущее место среди крупнейших индустриальных отраслей страны. (см. табл. 2).

Региональную структуру электронной промышленности США, взятую в целом (см. табл. 3), характеризуют следующие основные особенности.

Относительная равномерность размещения отрасли по штатам, при наличии пяти штатов-лидеров, расположенных в разных частях страны. К ним относятся западные штаты Калифорния (1-е место в рейтинге, «штат-гегемон») и Орегон (3-е место), штаты Юга Техас (2-е место) и Флорида (5-е место), штат Северо-Востока Массачусетс (4-е место). На их долю приходится почти половина УЧП электронной промышленности США. Двадцать следующих в рейтинге штатов (с долей каждого от 1 до 3,3%) сконцентрировали почти 39% УЧП отрасли. Однако в каждом из оставшихся 25 «штатов-

Электронная промышленность США в 2007 г.
(районы Бюро цензов и ведущие штаты)

А	Районы Бюро цензов и ведущие штаты	млрд долл. УЧП ЭП	% УЧП ЭП от итога по США	доля ЭП в УЧП ОП района (штата), %
	Новая Англия	20,0	8,4	17,7
4	Массачусетс	13,4	5,6	27,3
24	Коннектикут	2,6	1,1	7,6
	Средне-Атлантические штаты	18,4	7,7	7,2
6	Нью-Йорк	7,9	3,3	8,9
13	Пенсильвания	5,8	2,4	5,2
15	Нью-Джерси	4,7	2,0	8,4
	Северо-Восточный Центр	25,9	10,9	5,0
7	Висконсин	7,5	3,1	9,9
10	Иллинойс	7,0	2,9	6,3
14	Огайо	5,4	2,4	4,2
20	Индиана	3,6	1,5	3,5
25	Мичиган	2,4	1,0	2,4
	Северо-Западный Центр	12,9	5,4	6,5
12	Миннесота	6,2	2,6	12,2
	Южно-Атлантические штаты	28,2	11,8	7,2
5	Флорида	10,8	4,5	19,5
9	Сев. Каролина	7,0	2,9	6,5
17	Мэриленд	4,2	1,8	18,9
22	Виргиния	3,2	1,3	6,4
	Юго-Восточный Центр	9,3	3,9	5,5
11	Теннесси	6,9	2,9	11,4
	Юго-Западный Центр	28,1	11,8	8,7
2	Техас	26,9	11,3	12,6
	Горные штаты	23,5	9,9	21,3
8	Аризона	7,5	3,1	23,0
16	Колорадо	4,4	1,8	18,4
19	Нью-Мексико	3,9	1,6	51,0
21	Айдахо	3,5	1,5	38,3
23	Юта	2,9	1,2	14,5
	Тихоокеанские штаты	72,0	30,2	20,7
1	Калифорния	48,8	20,5	19,6
3	Орегон	19,1	8,0	48,3
18	Вашингтон	4,1	1,7	7,8
	США	238,3	100,0	10,0

Примечание. В колонке А указано место штата по объему условно чистой продукции (УЧП) электронной промышленности (ЭП) в 2007 г.

Расчет авторов по US Census of Manufactures 2007.

аутсайдеров» (включая Аляску и Гавайи) также существуют предприятия электронной промышленности. В этом отношении наблюдается определенное сходство региональных структур двух интегрированных отраслей обрабатывающей промышленности страны, электронной и пищевкусовой, – они практически «повсеместны».

В электронной промышленности доминируют макрорегионы позднего индустри-

ального и постиндустриального развития страны – Запад (40,1% УЧП отрасли) и Юг (27,5%). На долю Северо-Востока приходится 16,1%, Среднего Запада – 16,3%. Зародившись на Северо-Востоке (Массачусетс, Нью-Йорк, Нью-Джерси), диффузия электронных нововведений во второй половине XX века столкнулась на индустриальном Среднем Западе с инерцией традиционных отраслей машиностроения и металлообработки и затор-

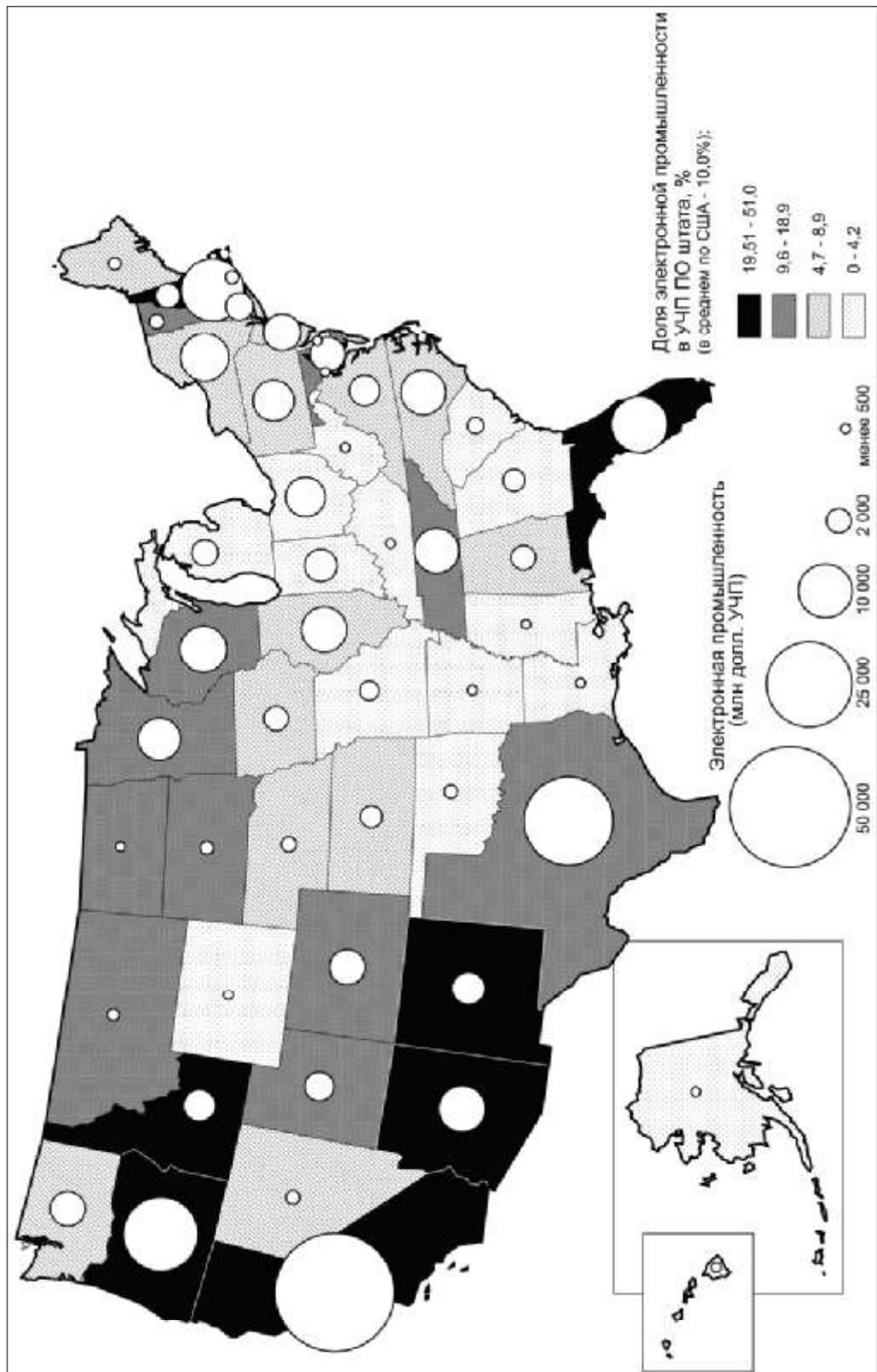

Рис. 1. Размещение электронной промышленности США по штатам в 2007 г.

Таблица 4

**Крупнейшие центры электронной промышленности США
в 2006 г. по числу занятых, % от итога по отрасли**

Центр (агломерация)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сан-Хосе/Силиконовая долина	9,1	16,9	5,3	0,6	8,1	15,4	1,6	6,7	3,7	7,4
Бостон	5,0	6,3	3,7	12,2	6,9	0,9	3,2	8,9	1,2	5,8
Лос-Анджелес	4,5	0,9	2,8	7,7	3,0	1,6	18,2	2,6	8,3	
Даллас – Форт-Уэрт	3,8	0,7	8,6		2,8	8,0	2,7	1,9	0,9	1,4
Нью-Йорк	3,3	3,3	3,7		4,2	1,5	4,2	3,4	5,3	2,8
Ориндж (графство)	3,3	2,8	1,3	3,9	3,9	2,7	6,0	3,4	2,5	3,0
Финикс	3,1	0,4	0,7	1,0	1,9	9,1		0,2	1,2	
Миннеаполис – Сент-Пол	3,0	3,3	1,0		2,3	0,7		5,5	17,7	1,4
Портленд, Орегон	3,0	1,5	0,5	1,6	2,1	10,0	0,4	1,9	1,0	
Чикаго	2,4	1,1	4,9	4,8	4,5	0,1		4,6	1,0	1,7
Остин	2,4	5,5	1,1	0,3	7,0			1,0		
Сан-Диего	2,1	1,8	2,8	10,3	1,8	1,3	2,8	1,8	0,4	1,4
Вашингтон	1,2		4,0		0,7			2,3		
Сакраменто	1,1	2,4	0,1	0,3	0,2	3,1		0,6	0,2	
Балтимор	0,8	0,2	0,9		0,3			4,3		
Рочестер	0,7		4,0		0,7			0,5		1,9
5 крупнейших центров	25,7	35,3	26,5	38,9	30,7	45,6	34,4	30,0	37,5	20,9
Число занятых в отрасли, тыс. чел.	1317	196	152	31	230	246	157	201	68	36

Примечание. 1 – электронная промышленность в целом; 2 – компьютеры и периферийное оборудование; 3 – средства связи; 4 – бытовая электроника; 5 – электронные компоненты; 6 – полупроводники; 7 – электроника для военных целей; 8 – контрольно-измерительные и научные приборы; 9 – электронное медицинское оборудование; 10 – оптические инструменты и фотоника.

Выделены 5 крупнейших центров каждой отрасли.

Расчет авторов по *Cybercities 2008*.

мозила здесь победное шествие. Но Юг воспринял электронные инновации как необходимую модернизацию устаревшей экономической структуры, а Запад (в особенности Горные штаты) получил импульс для развития «интеллектуальных производств», в значительной степени свободных от трения пространства.

Показатели доли электронного сектора в УЧП обрабатывающей промышленности отдельных штатов (см. рис. 1 и табл. 3) подтверждают вышесказанное: Нью-Мексико – 51%, Орегон – 48%, Айдахо – 38%, Аризона – 23%, Калифорния – 20%. Запад США стал своеобразным «высокотехнологичным придатком» постиндустриальной экономики страны. С ним конкурируют в этом отношении только Массачусетс (27%) и Флорида (20%). Еще более впечатляют данные о доли электронной промышленности в УЧП отдельных крупных промышленных центров страны: Остин (Техас) – 75%, Сан-Хосе (Калифорния) – 67%, Портленд (Орегон) – 52%, Финикс (Аризона) – 51%, Бостон (Массачусетс) – 39%, Сан-Франциско (Калифорния) – 28%, Сан-Диего (Калифорния) – 28% [2].

Крупнейшие центры по числу занятых в электронной промышленности США и в ее отдельных подотраслях в 2006 г. приведены в табл.4. Обращает на себя внимание доминирование Сан-Хосе (Силиконовой долины) в большинстве подотраслей, за исключением бытовой электроники, производства техники для военных и космических целей и медицинских приборов. В этих производствах заметно выделяются, соответственно, Бостон, Лос-Анджелес и Миннеаполис – Сент-Пол.

Региональная структура сферы электронных услуг более детерминирована общим экономическим, административным военно-политическим потенциалом региона или центра (в т.ч. его людностью), чем сфера электронной промышленности, хотя, как мы уже упоминали, резких границ между ними нет. (см. табл. 5). Объем выполняемых услуг в том или ином месте, как правило, отражает запросы данной территории, тогда как промышленное производство высокотехнологичной продукции концентрируется в том или ином месте благодаря совокупному влиянию множества факторов, часто достаточно непредсказуемых².

² Хотя нет правил без исключения. Достаточно упомянуть уникальную концентрацию электронных услуг фирмой Майкрософт в Редмонде (близ Сиэтла), штат Вашингтон.

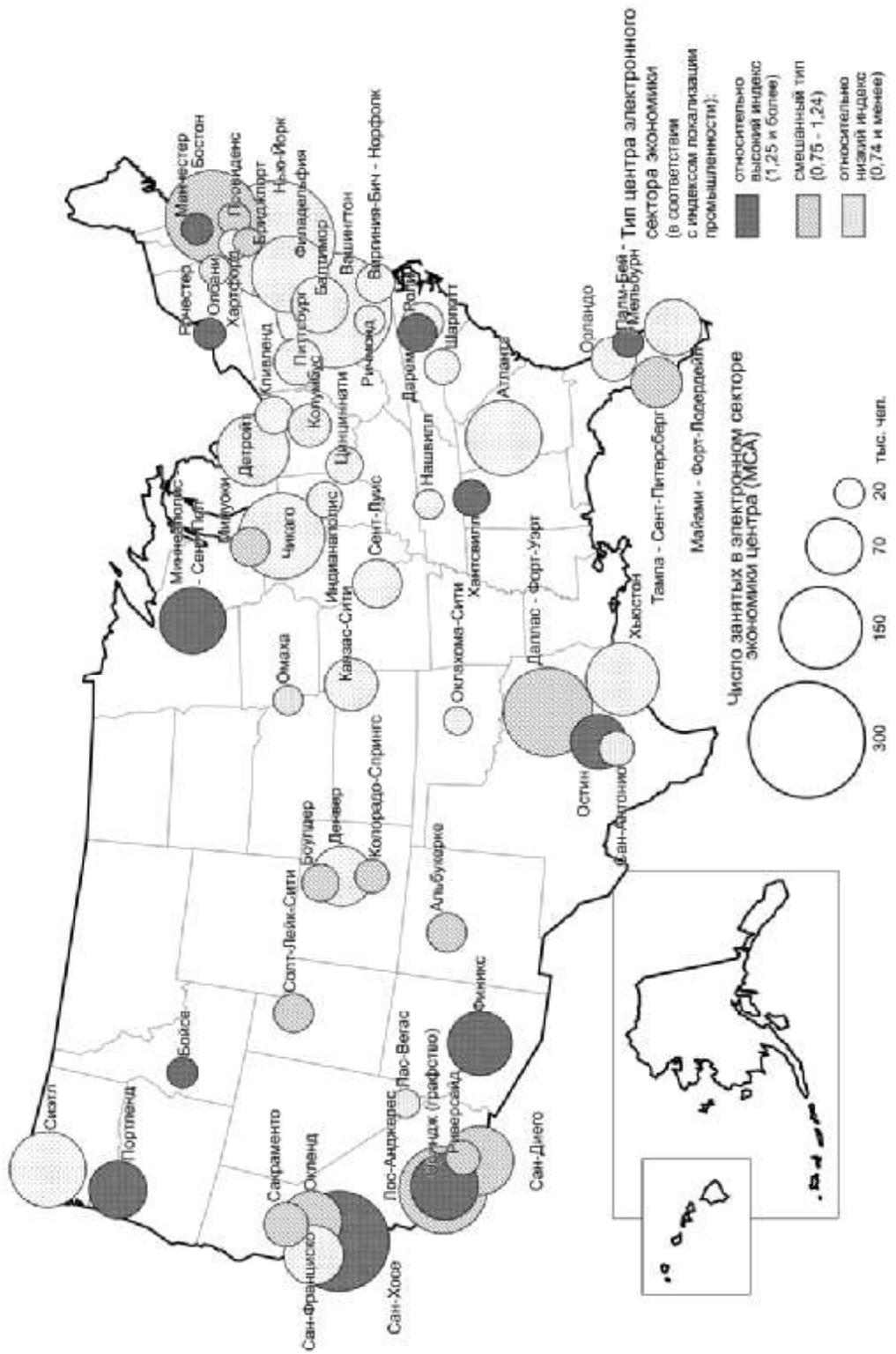

Рис. 2. Крупнейшие центры электронного сектора экономики США по числу занятых в 2006 г.

Таблица 5

*Электронная экономика США – услуги и промышленность
(число занятых по районам Бюро цензов и ведущим штатам)*

А	Районы Бюро цензов и ведущие штаты	2001		2008	
		тыс. чел.	доля от итога по США, %	тыс. чел.	доля от итога по США, %
	Новая Англия	480,7	7,37	419,3	6,95
6	Массачусетс	295,3	4,53	256,2	4,25
24	Коннектикт	82,3	1,26	72,8	1,21
	Средне-Атлантические штаты	841,8	12,91	739,0	12,24
3	Нью-Йорк	357,9	5,49	312,3	5,17
8	Пенсильвания	238,7	3,66	215,9	3,58
9	Нью-Джерси	245,2	3,76	210,8	3,49
	Северо-Восточный Центр	801,6	12,28	721,8	11,96
7	Иллинойс	255,8	3,92	219,6	3,64
12	Мичиган	201,8	3,09	171,2	2,84
14	Огайо	182,6	2,80	170,4	2,82
20	Висконсин	85,0	1,30	86,9	1,44
23	Индиана	76,4	1,17	73,7	1,22
	Северо-Западный Центр	405,0	6,21	382,8	6,34
17	Миннесота	144,5	2,22	131,2	2,16
19	Миссури	94,9	1,46	96,5	1,60
	Южно-Атлантические штаты	1197,6	18,37	1189,8	19,71
4	Флорида	284,8	4,37	292,3	4,84
5	Виргиния	269,8	4,14	283,4	4,71
11	Джорджия	194,9	2,99	171,4	2,84
13	Мэриленд	164,6	2,52	170,5	2,82
16	Сев. Каролина	168,9	2,59	155,2	2,57
	Юго-Восточный Центр	214,8	3,29	211,4	3,50
22	Алабама	75,4	1,16	76,4	1,26
25	Теннесси	70,1	1,08	67,3	1,12
	Юго-Западный Центр	657,5	10,08	604,4	10,01
2	Техас	540,1	8,28	492,4	8,15
	Горные штаты	515,1	7,90	475,5	7,88
15	Колорадо	204,4	3,13	166,3	2,77
18	Аризона	127,7	1,96	116,4	1,93
26	Юта	56,0	0,86	60,5	1,00
	Тихоокеанские штаты	1406,4	21,59	1291,5	21,41
1	Калифорния	1117,7	17,17	993,3	16,47
10	Вашингтон	167,9	2,57	186,8	3,10
21	Орегон	98,3	1,51	85,9	1,42
	США	6520,5	100,00	6035,5	100,00

Примечание. В колонке А указано место штата по числу занятых в электронном секторе экономики в 2008 г.; в колонке Б – число рабочих, занятых в электронном секторе на 1000 рабочих, занятых во всей частной экономике штата в 2008 г.; в колонке В указано место штата по доле рабочих, занятых в электронном секторе экономики в 2008 г.

Расчет авторов по Cyberstates 2008, 2010.

На рис. 2 показаны крупнейшие центры электронного сектора экономики США в 2006 г. с характеристикой типа центра – с существенной ролью промышленности, с доминированием электронных услуг и сме-

шанные. Выделяются три крупнейших центра электронной экономики страны с суммарным числом занятых 838 тыс. человек: Нью-Йорк (доля промышленности – 13,9%), Вашингтон (5,1%) и Сан-Хосе (52,9%).

В сущности, эти центры представляют собой разные типы специализации сферы электронных услуг: Нью-Йорк – мировой финансово-экономический центр с соответствующей информационной инфраструктурой, Вашингтон – политико-административный центр, Сан-Хосе – центр взаимодействия промышленности и услуг (hardware и software).

В заключение несколько слов о Силиконовой долине – символе американской электронной экономики³. Это район в Калифорнии с центром Сан-Хосе, площадью примерно в два Люксембурга (5 тыс. кв. км) и населением в 2,9 млн. чел., с высокой плотностью научно-исследовательских центров, лабораторий, университетов, промышленных парков, предприятий и штаб-квартир компаний, специализирующихся на разработ-

ке, выпуске, серийной реализации микросхем, компьютеров, периферийного оборудования, средств телекоммуникации, программного обеспечения, Интернет-сетей, медицинских приборов, био- и нанотехнологий и другой высокотехнологичной продукции. Формирование Силиконовой долины началось в 1950-х гг. на базе промышленного парка Стэнфордского университета. Долина расположена к югу от залива Сан-Франциско в основном в графстве Санта-Клара. Свыше 36% населения Силиконовой долины – выходцы из других стран. В производстве высокотехнологичной продукции и услуг – примерно 21% занятых. Ключевые компании: Хьюлетт-Паккард, Эппл, Циско Системс, Интел, Гугл, Орейкл, Адо-уб Системс. Всего здесь располагаются предприятия нескольких тысяч фирм (включая мелкие).

Библиографический список

1. Горкин А.П. Обработывающая промышленность США в постиндустриальную эпоху: продолжение развития или начало упадка? // Изв. РАН. Сер. географич. – 2005. – № 1. – С. 77–89.
2. Горкин А.П. Территориальная структура обрабатывающей промышленности США: основные тренды и факторы формирования. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – Москва–Смоленск, 2007. – Вып. 17. – С. 205–231.
3. Annual Survey of Manufactures 2008, 2009. Wash.
4. Career Guide to Industries, 2010–11. Bureau of Labor Statistics.
5. Cyberstates 2008, 2010. TechAmerica Foundation.
6. Cybercities 2008, 2010. TechAmerica Foundation.
7. International Yearbook of Industrial Statistics 2010/ UNIDO, Vienna.
8. Science and Engineering Indicators: 2010. NSF.
9. Survey of Current Business 2010–2011.
10. US Census of Manufactures 2007. Wash.

³ Название «Силиконовая долина» с разными вариациями стало широко использоваться не только в США, но в других странах как нарицательное для обозначения ареалов (территориальных сгустков) высокотехнологичных производств и НИОКР в области информационных, био- и нанотехнологий. В их числе: «Силиконовая прерия» (Техас, США), «Силиконовый лес» (Орегон, США), «Силиконовые горы» (Колорадо, США), «Силиконовый полуостров» (Далян, Китай), «Силиконовый оазис» (Дубай, ОАЭ), «Силиконовое плато» (Бангалор, Индия), «Силиконовый коридор» (вдоль автомагистрали М-4 Лондон – Бристоль, Великобритания), «Силиконовая Саксония» (долина р. Эльба близ Дрездена, Германия). В России «силиконовым» иногда называют подмосковный г. Зеленоград.

Ю.Ю. Ковалев
(г. Екатеринбург)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Kovalev Y.Y. (Yekaterinburg)
GLOBAL PRODUCTION NETWORKS AS A FACTOR
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT FOR REGIONS

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы инновационного развития регионов развивающихся стран на новом этапе международного разделения труда. Рассматривается роль ТНК в трансфере новых знаний и технологий в региональные структуры развивающихся стран. Характеризуются основные направления государственной научно-технологической политики развивающихся стран с новыми инновационными регионами.

Abstract. The paper analyses the problems of the innovative regional development of the developing countries influenced by the new stage of international labour division. Special attention is paid to transnational corporations and their transfer of knowledge and technologies to the developing countries. The author studies the main trends of the state scientific and technological policies of the developing countries which have innovative regions.

Ключевые слова: инновации, инновационный регион, глобализация, производственные сети, международное разделение труда, региональная инновационная система, трансфер знаний, ТНК.

Key words: innovations, innovative region, globalization, manufacturing network, international labour division, regional innovative system, transfer of knowledge, transnational corporation

Поиск путей перехода к инновационной модели экономического развития – одна из стратегических задач актуальной социально-экономической политики во многих странах мира. Технологические инновации воспринимаются как «панацея» от большинства национальных и региональных проблем социального, экономического и политического характера. Особенно актуальны инновации для развивающихся стран и государств с переходной экономикой, которые видят в их развитии базис для долгосрочного, стабильного экономического роста, модернизации хозяйства, преодоления технологического отставания от индустриально развитых стран. Государство поддерживает инновационное развитие прежде всего своей научно-технологической политикой. Стимулируя инновационный процесс в частном секторе, укрепляя научную и образовательную систему страны, улучшая хозяйственную инфраструктуру, государство создает условия для формирования инновационных регионов¹. В перспективе дальнейшего инновационного развития территорий можно говорить об образовании «инновационно-

го государства» – государства с особой инновационной политикой, процессами и структурами². Формирование инновационных регионов в большинстве стран мира, однако, невозможно на основе лишь национальных факторов. Передовые знания, технологии, в силу исторических обстоятельств, концентрируются в отдельных регионах индустриально развитых стран, где сосредоточены центры управления и НИОКР крупных промышленных компаний мира. Кооперация по линии государственных научно-исследовательских структур, покупка технологических лицензий у развитых стран не дали в большинстве случаев ожидаемых результатов по ускорению инновационного развития в развивающихся странах. Глобализация производственной деятельности ТНК, формирование их новых наукоемких штандортов, напротив, позволяет менее развитым государствам получить доступ к новым знаниям и технологиям, адаптировать и использовать их непосредственно в своих региональных системах. Глобальные производственные сети являются таким образом каналом, по которому передаются новые

¹ Под инновационными регионами мы понимаем регионы с высокой патентной активностью (по сравнению с другими регионами страны), высокой долей занятых в наукоемких и знаниеинтенсивных отраслях хозяйства, высокой долей наукоемких товаров в региональном экспорте.

² Prange H. стр. 31.

знания, технологические ноу-хау из инновационных регионов развитых в формирующиеся инновационные регионы развивающихся и др. стран. Кроме того, «глобальные игроки» стимулируют, в большинстве случаев, процессы регионального обучения, что отражается на функциональном усложнении и развитии общественно-территориальной системы.

Глобализация и новое международное разделение труда. Транснациональным компаниям отводится главная роль в ускорении глобализационных процессов в конце XX в. Открытые границы, технологические нововведения позволяют ТНК использовать в своих интересах штандортные преимущества тех или иных территорий, удаленных иногда на значительные расстояния от страны базирования ТНК. Размещая отдельные стадии производственной цепи в наиболее удобных для этого штандортах, компании достигают огромной экономии за счет снижения факторных издержек. В то же время новые модели транспортировки грузов, современная логистика делают производство товаров в территориально разобщенной производственной цепи рентабельным. Так формируются глобальные производственные сети. Они охватывают весь цикл создания стоимости продукта, начиная с добычи сырья и производства, заканчивая его продажей и утилизацией.

Развитие производственных сетей идет двумя путями. Во-первых, рост международной конкуренции заставляет компании специализироваться лишь в тех производственных сферах, которые могут обеспечить им наибольшие конкурентные преимущества. Концентрируя ресурсы на стратегических операциях (управление, НИОКР, контроль), компании отказываются от менее важных в их понимании функций, передавая их в компетенцию других компаний, находящихся с первыми в кооперационных отношениях (это явление получило название «аутсорсинг»). В результате этого доля материнских компаний в стоимости произведенной конечной продукции сокращается. Аутсорсинг особенно хорошо прослеживается в автомобильной промышленности. Средняя доля, например, крупных немецких концернов в стоимости выпускаемых автомобилей не превышает 20%, а по отдельным моделям («Порше Кайен») – 10%³.

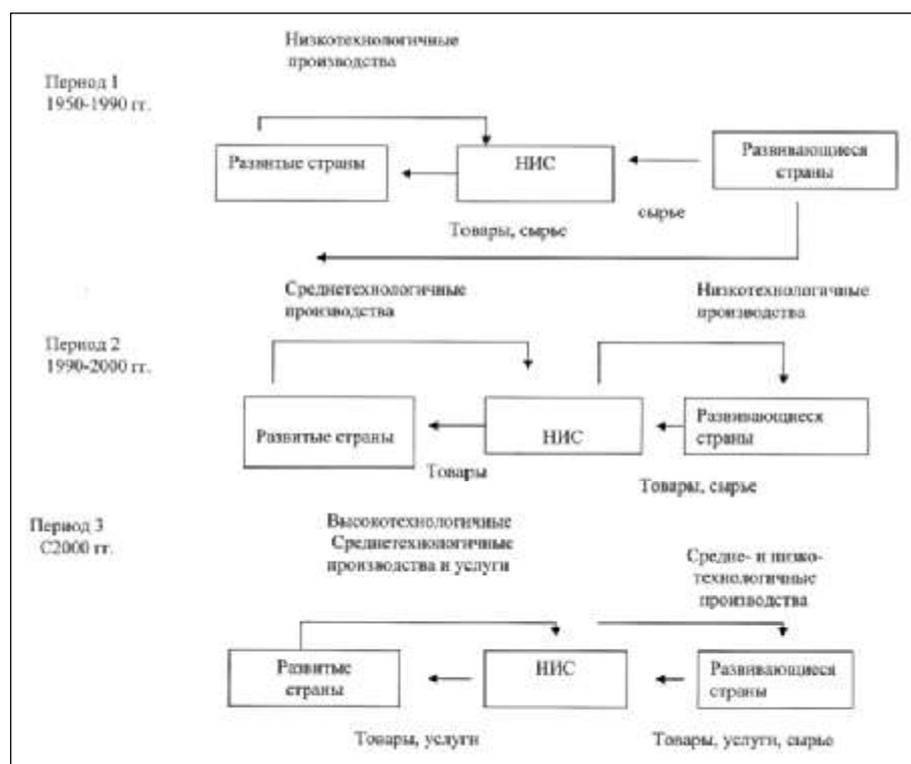
Большая часть функции отдается в компетенцию региональных партнеров.

Второй путь – частичный перенос производственных или обслуживающих функций в другие регионы мира (офшоринг). Используя пространственные различия (природные, экономические, социальные, гуманитарные) регионов мира, международные компании достигают наибольшей эффективности своей деятельности, выражающейся в росте прибыли и сокращении издержек. Кроме того, не только факторные издержки служат главным мотивом интернационализации производства – доступ к региональному рынку и технологическим ноу-хау (знаниям) играет не менее важную роль.

В процессы интернационализации производства включается все больше и больше компаний. По приблизительным оценкам, в начале 2005 г. в мире насчитывалось 65 тыс. материнских компаний (в 1990 г. – 7 тыс.) и 850 тыс. филиалов ТНК, расположенных по всему земному шару (Diercke 2007). Коммуникационные, логистические сети компаний плотным кольцом охватили весь мир. Их конфигурация есть следствие финансовых инвестиций компаний за рубежом, их менеджмента, активности государств по маркетингу своих регионов. Сети изменяют функции и роль стран в международном разделении труда. В последние годы отмечается рост доли развивающихся стран в мировом промышленном производстве. Функционально, развивающиеся страны все больше отходят от категории простых поставщиков сырья и аграрной продукции, трансформируясь в промышленные и сервисные штандорты крупных международных компаний. В отдельных из них наблюдаются процессы формирования инновационных «островков» независимой наукоемкой деятельности. Хотя в целом НИОКР, стратегический менеджмент, управление и контроль логистической цепи остается прерогативой индустриально развитых стран.

Глобальное разделение труда в производственной сети является стратегическим фактором в повышении конкурентоспособности компании. За счет распределения производственных и сервисных функций (global sourcing) в планетарном масштабе транснациональные компании снижают собственные издержки и финансовые риски, разделяя их с другими компаниями. Дешевизна

³ Diercke Geographie. стр. 198.

Источник: составлено автором

Рис. 1. Периоды интернационализации производственных сетей и специализация стран

труда и низкие факторные издержки в развивающихся странах способствуют переносу в них производственных и сервисных операций. Экономленные за счет этого средства материнская или главная компания (lead firms) направляет на создание и развитие новых продуктов и реализации маркетинговых стратегий. Таким образом, в формирующейся конечной стоимости продукции возрастает доля НИОКР, рекламы, логистики, находящихся на территории развитых государств и, одновременно, сокращается доля непосредственного производства, локализованного в развивающихся странах (Schamp 2008).

В истории послевоенной интернационализации производственных сетей можно выделить три основных этапа. В период 1950–1990-х гг. в центре глобального соурсинга находились отрасли с высокими материальными и трудовыми издержками, которые относились к группе низко технологичных отраслей. Процессам интернационализации сначала подверглась добыча сырья, затем – текстиль-

ная, швейная, обувная промышленность. Число занятых только в текстильной промышленности Германии сократилось в 1970–1990 г. в 10 раз (с 1 млн. до 100 тыс. чел)⁴. Позднее в глобальный соурсинг были втянуты среднетехнологичные отрасли (автомобильная промышленность, машиностроение, электротехника), уже требующие наличия определенной квалификации у работников предприятия.

С начала 2000 гг. наблюдаются тенденции все большей интернационализации не только среднетехнологичных промышленных производств, но и высокотехнологичных отраслей и целого ряда знаниеинтенсивных услуг. Электронная промышленность, производство компьютеров, коммуникационной техники становятся отраслями специализации ряда развивающихся и др. стран. Происходит и перемещение в новые штандорты обслуживающей деятельности. Под термином «сервисный офшоринг» понимают «вынос» в другие страны и регионы мира обслуживающих функций предприятий. Они могут быть переданы другим не-

⁴ Dirk Geographie. стр. 185.

зависимым компаниям (offshore outsourcing), или выполняются в иностранных центрах материнской компании (captive offshoring). Услуги могут быть оказаны в близлежащих от «центра» регионах, например, в странах Восточной Европы, Мексике (nearshoring), или в относительно отдаленных регионах (Индия, Китай, страны Латинской Америки).

Феномен глобального переноса сервисной деятельности из развитых стран в развивающиеся можно определить как третий этап в интернационализации производственных сетей и начало нового международного разделения труда (Schamp 2008). Он примечателен еще тем, что выносятся из развитых стран не только простые услуги, не требующие высокой квалификации работников, но и сложные, трудно кодифицированные и стандартизированные функции. Интернационализируются даже те виды услуг, которые еще в середине 1990-х гг. считались резистентными глобализации: офисная деятельность, управление, менеджмент, НИОКР. Тем самым ставится под угрозу не только исчезновение миллионов высокооплачиваемых рабочих мест в развитых странах, но и сама концепция будущего развития этих стран, зыбкость их монополии на генерирование знаний и инноваций. Новое международное разделение труда, охватывающие высококвалифицированных работников, производство инноваций и наукоемких продуктов еще более усиливает мировую конкуренцию регионов.

Сервисный офшоринг включает несколько различных по видам и степени сложности групп услуг:

- 1. Услуги по созданию компьютерных программ и др. ИТ-услуги (Information Technology Outsourcing).
- 2. Офисная деятельность (shared service centers). Подразумевает создание центров услуг внутри структур ТНК, с размещением их в штандортах с дешевой, но квалифицированной рабочей силой. В центрах выполняются в основном стандартизированные, рутинные операции с низкой долей изменений (бухгалтерские расчеты, архивация и ведение документаций, обслуживание покупателей) (Business Process Outsourcing).

- 3. Услуги НИОКР в программном обеспечении (Software Research Outsourcing).
- 4. Знаниеинтенсивные услуги и разнообразные НИОКР (Knowledge Process Outsourcing).

География офшорных сервисных предприятий охватывает большое число стран. Это страны, как страны Южной, Юго-Восточной Азии, так и страны Восточной Европы, СНГ и Латинской Америки. По числу действующих офшорных компаний лидерство принадлежит Индии и Китаю. Затем следуют страны НИС Юго-Восточной Азии (особенно Филиппины, Малайзия, Таиланд). В странах Восточной Европы офшорные услуги концентрируются в Венгрии, Польше, Румынии, Украине, России; в Латинской Америке – в Коста-Рике, Бразилии, Уругвае. Интересно отметить, что с возрастанием наукоемкости (знаниеинтенсивности) выполняемых работ количество стран и регионов сервисного офшоринга сокращается.

Большинство стран сервисного офшоринга специализируется на относительно простых ИТ-услугах и оказании бизнес-услуг. К ним относятся прежде всего бэк-офисная деятельность западных ТНК, организация телефонных центров по обслуживанию клиентов (Call-центров) и т.д. В этих услугах занято наибольшее число сотрудников. На Филиппинах численность занятых только в телефонных центрах составляла в 2005 г. 112 тыс. чел., в Индии – 350 тыс. чел.⁵ Как правило, все работники центров имеют высшее образование и, несмотря на тяжелые условия труда (напряженный график работы), заинтересованы в сохранении рабочего места т.к. средняя зарплата офшорных работников выше, чем занятых в других отраслях хозяйства страны (средняя зарплата учителя в Филиппинах составляет 160–200 евро, начинающего агента Call-центра – 250–300 евро). «Глобальные профессионалы» образует новый средний класс развивающихся стран⁶.

С усложнением уровня производимых услуг число офшорных стран, способных их выполнить, сокращается. В группе развивающихся стран, осуществляющих офшорные услуги, лишь Индия и Китай располагают широкой сетью научно-исследовательских центров и лабораторий, принадлежащих иностранным ТНК. В Китае, например, размещены центры НИ-

⁵ Asia Times 10.05. 2006. Адрес доступа: www.atimes.com

⁶ Reese N. 2009.

ОКР таких крупных компаний как Microsoft, Eli Lilly, IBM, Ericsson, Nokia, Siemens и др. компаний, в которых трудятся десятки тысяч китайских ученых и инженеров. В стране размещены исследовательские центры и лаборатории 400 из 500 крупнейших ТНК мира⁷. Доля Китая и Индии в исследовательских инвестициях ТНК Европейского Союза составляла в 2008 г. соответственно 3,5 и 2,7%⁸.

Глобальный офшоринг дает развивающимся странам шанс для преодоления технологического отставания от развитых стран, модернизации национальных хозяйств. Как показывают исследования, в странах базирования производственных и сервисных центров ТНК наблюдаются процессы усложнения проводимых работ, рост добавленной стоимости производимых товаров и услуг (Stamm A 2003, Altenburg 2003, Schamp E. 2008). Ориентируясь первоначально на наличие дешевой рабочей силы и сырья в регионах, большинство компаний заинтересовано в повышении квалификации работников предприятий. С ростом квалификации работников растет качество выпускаемой продукции, отмечается оптимизация трудовых процессов. С течением времени уровень выполняемых работ в офшорных компаниях усложняется. Это связано с тем, что возрастающие штандортные издержки (агломерационные издержки) принуждают компании переходить на производство продукции с более высокой добавленной стоимостью. Лишь в этом случае продукция компании будет конкурентоспособна. Одновременно эти процессы сопровождаются возрастающей интеграцией офшорных предприятий в региональную сеть, систему кооперации с другими фирмами, а также с университетами и научно-исследовательскими институтами (наглядные примеры – Будапешт, Бангалор, Шанхай) (Glückler 2008; Fromhold-Eisbith 2003; Liefner 2005). Динамика данных процессов возможна лишь в региональной системе, располагающей соответствующими структурами и стимулирующей внешние и внутренние сетевые процессы. Благоприятная государственная научно-технологическая политика, государственные инвестиции в образование, науку, технологии, инфраструктуру создают необходимые условия для производства здесь наукоемких, знанинтенсивных товаров и услуг зарубежными и национальными компаниями. Без этих качеств

рост и усложнение офшорной деятельности в регионах развивающихся стран практически невозможны. Структуры региональной системы должны поддерживать и стимулировать процессы интерактивного обучения в регионе и адаптацию новых знаний. С усложнением в регионе характера труда, его технических и научных параметров, поднимается уровень региональной научно-технологической (инновационной) системы, способной уже не только адаптировать внешние знания (ноу-хау), но и производить их самостоятельно. Регион эволюционирует от места, располагающего низкими факторными издержками производства, до наукоемкого стратегического штандорта мира, где присутствие глобальных игроков уже не случайность, а необходимость (Т. Kämpf 2008 стр. 59). Таким образом, взаимодействие эндогенных сил региональных систем с экзогенными силами глобальной системы производств может позитивно отразиться на региональном росте и развитии.

Интерактивные процессы обучения и формирование региональных инновационных систем. Согласно инновационным концепциям в рамках т.н. новой экономической географии, создание инновации представляет собой эволюционный, кумулятивный, интерактивный, взаимосвязанный процесс трансфера информации, знаний в новшества технического, социального или организационного характера (Koschatzky 2002). Он характеризуется деятельностью по поиску информации, кодированию и декодированию знаний, а также интерактивным процессом обучения региональных акторов. Инновационная деятельность играет особую роль в социально-экономическом развитии регионов, т.к. «знания, а также процессы их развития и удержания, обучения и забывания представляют собой существенные экономические ресурсы» (по Koschatzky 2002 с. 12). Реализуясь первоначально в структурах компании, новые знания, возникшие в результате обучения (генерации, имитации, адаптации знаний) могут получить дальнейшее развитие при совместном их использовании региональными партнерами. При этом коммерческий успех компании, ее конкурентоспособность зависит не столько от ее внутренних ресурсов, сколько от способности компании к кооперации с другими организациями в процес-

⁷ W. Hirn 2006 стр. 97.

⁸ Tübke A. 2009 стр. 10.

сах усвоения и развития новых знаний. Сетевое сотрудничество производственных компаний между собой и другими региональными институтами в производстве знаний, коллективных процессах обучения повышает инновационность не только отдельных компаний, но и всего региона в целом. Тем самым повышается его конкурентоспособность. Наоборот, отсутствие сотрудничества и кооперации приводит к социальной и экономической стагнации. Согласно концепции обучающихся регионов (Asheim B.T.1996), неравномерное региональное социально-экономическое развитие обусловлено слабым развитием процессов коллективного обучения в отстающих странах, т.е. процессов усвоения, адаптации и развития новых знаний. Трансфер технологических, организационных и др. инноваций в такие регионы сильно ограничен. Когнитивная закрытость регионов, а также консервация политических, социальных и экономических структур, доминирование традиционных форм культуры – главные препятствия на пути реструктуризации хозяйства и социально-экономического развития.

Возрастающая сложность региональной сети, ее дальнейшая дифференциация, интеграция в нее новых акторов ведут к образованию региональной инновационной системы (РИС). Ее отличительным признаком является способность не только адаптировать, модифицировать и использовать трансферные знания, но и производить собственные, т.н. неcodифицированные знания (tacit knowledge). Трансфер такого типа знаний пространственно ограничен и возможен лишь на уровне личной коммуникации акторов (face to face). Это, в свою очередь, осуществимо лишь в их территориальной близости, когда возможно непосредственное общение партнеров. Таким образом, неcodифицированные или трудноcodифицированные знания детерминируют пространственную локализацию инновационной деятельности. В местах их сосредоточения за счет эффектов «отпочкования», переноса из других штандортов формируются целые пояса наукоемкой деятельности. Используя когнитивные, агломерационные и др. преимущества своего штандорта, компании концентрируют свою деятельность вокруг «генератора» эвристических импульсов (в большинстве случаев это университеты, НИИ, исследовательские центры компании) или в созданных для этих целей технологических парках и ин-

кубаторах. В результате этого в рамках региональной инновационной системы происходит ее дальнейшая дифференциация и усложнение с образованием инновационных зон особой технологической специализации. Регион превращается в инновационный штандорт компаний. Производство неcodифицированных знаний является, как мы видим, одним из факторов регионализации пространства и служит также одним из «противовесов» глобализационным тенденциям в мире. По выражению С. Кретке, глобализируется информационное общество и регионализируется «общество знаний» (Krätke 2001)⁹.

Инновационное развитие региона представляет собой нелинейный процесс и во многом зависит от способности региональных структур использовать в своих интересах (главное из которых – получение т.н. инновационной ренты) их штандортные преимущества. С помощью практик имитации, дублирования, эксперимента, эклектики codифицированных и неcodифицированных знаний осуществляется процесс формирования новшеств. Сетевое сотрудничество снижает риски, а общие маркетинговые стратегии облегчают доступ к внешним рынкам. Благодаря устойчивым сетевым взаимодействиям формируется особая социальная среда, базирующаяся на доверии и региональной идентичности акторов. Ее формирование увеличивает социальный капитал территорий, благодаря которому возрастает общий уровень функциональности территориальной общественной системы. Наряду с мягкими факторами в инновационном развитии региона, без сомнения, решающее значение имеют масштабы задействованных материальных и гуманитарных ресурсов, количество организаций, интегрированных в инновационный процесс, развитость материальной инфраструктуры, степень кооперации с межрегиональными партнерами и уровень вовлеченности в глобальную инновационную систему.

Развитая региональная инновационная система характеризуется комплексностью и дифференцированностью своей внутренней структуры. Она включает в себя как системы производства, так и системы применения знаний. К ним относятся, прежде всего, производственно-технологические структуры, учреждения образования и НИОКР, организации по координации и управлению трансфера знаний. Очевидно, что фор-

⁹ Krätke S. 2001 стр. 148.

мирование подобных структур представляет собой продолжительный во времени процесс и неразрывно связано с эволюцией всей общественно-территориальной системы, ее производственной и научной части. На основе ряда технологических, организационных и других региональных находок, аккумуляции и адаптации знаний создается «фундамент» для инновационного (научно-технологического) развития региона. Будущее развитие региона в значительной степени детерминировано исторически сложившимися особенностями технологической, производственной, научной структуры и их специализацией. Имеющиеся технологические, научные «заделы» получают дальнейшее развитие и углубление. Производственные системы территории эволюционируют в границах своей технологической специализации, с параллельным ростом тех региональных институтов, которые ее укрепляют и поддерживают (Strambach 2004).

Эволюционный путь развития общественно-территориальной системы может быть ускорен или изменен благодаря воздействию внешних факторов. Их можно дифференцировать на прямые и косвенные. Влияние новых акторов (иностранных компаний) на региональное развитие имеет характер прямого воздействия. Компании с высокой степенью наукоемкости и определенной предпринимательской этикой (т.н. *developmental enterprises*) оказывают особенно значительное влияние на региональные структуры. Благодаря их деятельности происходит трансфер знаний и технологий в их зарубежные филиалы и кооперирующимся компаниям. Кроме того, интегрируясь в сформированную региональную сеть, они обновляют и «перекраивают» архитектуру местных информационных потоков, повышая тем самым инновационность всей системы. Распространение новых знаний захватывает все большее число горизонтально-сетевых структур региона, вовлекая новые региональные формальные и неформальные институты. Активность компаний ускоряет реструктуризацию экономики региона, стимулируют создание компаний-подрядчиков, работающих с ними в рамках производственной цепи. Получают развитие простые и знаниеинтенсивные услуги. Благодаря деятельности компаний трансформируется система регионального образования, подготовки специалистов, уси-

ливается исследовательский сектор. В идеальном случае вся общественная территориальная система в большей или меньшей степени подвергается трансформации. Однако и здесь возможны различные варианты развития.

Согласно теории социальных систем Н. Лумана, неравновесные обстоятельства (в нашем случае – деятельность офшорных компаний) дают «толчок» для внутренней реструктуризации систем (к которым относятся и региональные системы) и отбора (селекции) тех структур, которые в наибольшей степени будут способствовать её дальнейшему развитию и воспроизводству¹⁰. С другой стороны, их отбор идет не автоматически и зависит от многих факторов. Возможен также вариант, когда система реагирует неадекватно и путь, который она выбирает, приводит к ее упадку. Существует и третий вариант, когда система, несмотря на внешний «толчок», остается на прежнем уровне развития. Это может происходить в том случае, когда формирующиеся системы получают основные ресурсы для существования из их окружения. Стабильное снабжение ресурсами позволяет вполне нормально функционировать системе в прежнем режиме, без качественных изменений внутренних структур. Офшорные компании, ориентируясь на широкий ресурсный приток, могут быть слабо заинтересованы в развитии процессов обучения в региональной системе и отмечаться низкой степенью интеграции. В таких системах процессы коллективного обучения будут находиться в начальной стадии развития. Создание в них инновационных структур даже в будущем представляется довольно проблематичным.

Из этого мы можем заключить, что способность региональной системы к саморазвитию, усложнению, образованию новых структур находится в зависимости от стадии ее эволюционного развития. Образование кооперационных сетей, процессы интерактивного обучения наблюдаются в «зрелых» региональных системах с уже сформированной внутренней структурой, наличием определенных акторов. Такие системы будут в большинстве случаев прогрессировать в результате деятельности офшорных компаний. В региональных системах, находящихся на менее высоких уровнях развития, деятельность ТНК может не оказать прямого воздействия на развитие территориальной системы, а иногда, бесконтрольно используя разно-

¹⁰ Glosar zu Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme. стр. 54.

образные региональные ресурсы, паразитируя на «теле» региона, компании способствуют росту целой территориальной системы.

ТНК и региональные процессы обучения. Глобализация производственной деятельности, часто критикуемая как новая форма неолиберального колониализма, может быть использована в пользу развивающихся стран и государств с переходной экономикой. Как было уже сказано, в ходе интернационализации производственной деятельности, в офшоринг включаются все новые виды деятельности, ориентирующиеся не только на факторные условия территорий, но и на их гуманитарный потенциал. В Индии и Китае одновременно с открытием новых производственных линий крупных ТНК западных стран (GM, IBM, Novartis и др.) были созданы многочисленные исследовательские центры и лаборатории НИОКР. Кроме того, в большинстве случаев компании сами стимулируют процессы обучения и организации сетевого обмена в регионах их дислокации. Это происходит, во-первых, путем целевого тренинга, повышения квалификации персонала в интересах материнской, главной компании (lead firm). Во-вторых, в процессе обучения в формальном сотрудничестве с другими компаниями, организациями региона, главным образом, с компаниями подрядчиков, поставщиков продукции для материнской компании. В этом случае происходит адаптация технологий, форм организации труда, исходящих от материнской компании. Также компании тесно сотрудничают с региональными университетами и национальными исследовательскими центрами. Трансфер знаний идет на первоначальном этапе от компаний в исследовательские, образовательные структуры. Позднее – в виде квалифицированных специалистов и знаний – в обратном направлении (Fromhold-Eisbith 2003 стр. 91). В третьих, в процессе обучения через имитацию. Пространственная близость предприятий способствует копированию передовых форм организации труда, производства не связанных никакими отношениями компаний. Имитация деятельности способствует повышению шансов на выживание региональных компаний. Здесь интересен опыт китайских фирм по имитации технологий и производства западных компаний (Liefner 2006).

Рост технологического статуса региональной системы происходит также путем интегра-

ции местных высококвалифицированных кадров в исследовательские процессы компаний. Деятельность американской компании «Интел» – наглядный тому пример. Имея производственные филиалы в Малайзии и Коста-Рике, компания активно инициирует создание, путем вовлечения в инновационную деятельность (с 2000 г. собственная лаборатория) региональных исследователей и инженеров, а также программами по финансированию НИОКР в региональных университетах, глобальных ИТ-кластеров. В Коста-Рике, например, стимулируется диффузия глобального ноу-хау, методом формального и неформального обмена знаний корпоративных специалистов с представителями локальных компаний в национальную сферу ИКТ. Трансфер знаний идет также благодаря созданию новых фирм бывшими сотрудниками американской компании (spinn-off). Благодаря этому растет общая конкурентоспособность местных фирм. Часть из них самостоятельно проводит НИОКР. Исследователи отмечают формирование в Коста-Рике одного из прогрессивных протокластеров Латинской Америки в ИКТ-индустрии¹¹. Нужно также отметить, что государство играет в этом не менее важную роль, чем частный сектор.

В Малайзии компания «Интел» проводит пилотные испытания новых процессоров, разработанных в исследовательском центре в г. Остин (США). Здесь, при фабрике, был организован центр НИОКР, способный проводить тесты, адаптировать и совершенствовать продукцию. Это потребовало привлечения местных высококвалифицированных специалистов и налаживания кооперации с компетентными предприятиями-подрядчиками. Образовавшийся в результате спин-офф-эффектов и притока новых компаний технологический кластер является на сегодняшний день крупнейшим в Малайзии (Пенанг). Ряд компаний-поставщиков за счет сотрудничества и кооперации с материнской компанией превратились в короткое время в транснациональные компании (Altenburg T. 2003).

Даже если одна крупная глобальная компания инициирует интерактивные процессы обучения, это сделает возможной технологическую трансформацию всего региона. Можно предположить, что такие процессы будут усиливаться, если в регионе ведут свою деятельность десятки, сотни глобальных игроков. Проследим это на примере индийского города Бангалор.

¹¹ A. Stamm 2003. стр. 102.

Рис. 2. Пути обучения региональных акторов в глобальных сетях

Источник: Stamm 2004.

На сегодняшний день Бангалор – крупнейший центр информационных технологий страны и стратегический штаб-квартира многих зарубежных компаний. Здесь в 2005 г. вели свою деятельность более 1100 ТНК, среди которых особо можно выделить «Intel», «IBM», «Dell», «SAP», «Cisco Systems», «Oracle», «HP», «Bosch» и ряд других крупных концернов. Кроме того, здесь были основаны такие крупные индийские компании ИТ-индустрии как «Infosys», «Wipro». В городе в секторе ИКТ занято более 250 тыс. чел. (больше, чем в американской Силиконовой долине)¹². Он производит 90% экспортируемых из Индии компьютерных программ, большую долю продукции национального сектора биотехнологий.

Трансформации национального центра технологий в глобальный инновационный штаб-квартира способствовал целый ряд факторов. Во-первых, благодаря высокой концентрации в Бангалоре специалистов в области информационных технологий город стал главным штаб-квартиром для решения проблемы 2000-го года (проблемы перехода компьютерных систем в новое тысячелетие) для американских и британских компаний. В 1990-х гг. индийские фирмы интенсивно работали по заказам сотни зарубежных компаний. Успех деятельности индийских фирм заключался не только в аккумуляции капитала, опыта и ноу-хау, но и в продемонстрированной на практике дееспособности новой модели международного разделения труда в высокотехнологичных отраслях, что стимулировало дальнейший приток заказов в Бангалор. Не только ИТ-услуги, но и услуги частному сектору (ВРО), телефонные центры стали здесь привычным явлением. Международные компании начали активно открывать в городе свои филиалы, привлекая к труду местных работников.

Во-вторых, кризис высокотехнологичного сектора в 2001 г. вызвал реэмиграцию уволен-

ных работников индийского происхождения из сектора высоких технологий индустриально развитых стран. Большинство из них трудились в 1990-х гг. на предприятиях калифорнийской Силиконовой долины и располагали передовыми знаниями, опытом работы в западных компаниях. Важную роль также сыграло развитие коммуникационной инфраструктуры города. Наличие высокоскоростного Интернета, телефонной связи создало условия выполнения заказов из других регионов в режиме реального времени и позволило эффективно участвовать в различных формах офшоринга. Этот период отмечался в Бангалоре (как и в целом по Индии) высокими темпами роста сектора информационных технологий, в то время как в целом по миру наблюдалась его рецессия (Fromhold-Eisbith 2003). Таким образом, интеграция региона Бангалор в глобальную производственную (сервисную) сеть осуществлялась двумя путями: аутсорсингом высокостоймых услуг западных компаний, передачей ряда их функций региональным компаниям или филиалам материнской компании в регионе, а также в виде возвращения (притока) в регион из-за рубежа индийских программистов и других специалистов с опытом работы в иностранных высокотехнологичных компаниях и «багажом» передовых знаний.

Развитию инновационного сектора Бангалора также способствовала проводимая в стране государственная научно-технологическая политика, направленная на развитие и модернизацию высокотехнологичных отраслей хозяйства. С конца 1980-х гг. государство придает особое значение развитию сектора информационных технологий, видя в нем основу экономического роста. В этих целях государственные структуры проводили систематическую вербовку крупных иностранных компаний сектора для работы в стране. Одновременно фор-

¹² К. Pilny 2006. стр. 71.

сированно развивался национальный сектор ИТ. Одним из центральных механизмов этой политики являлось строительство технологических парков с льготным налогообложением. В Бангалоре были возведены такие крупные парки как «Международный технологический парк» (International Tech Park), «Электронный город» (electronics City), модернизирована городская инфраструктура.

Другим механизмом стимулирования инновационного развития страны стало создание современной, конкурентоспособной системы образования, которая могла бы готовить профессиональных работников для иностранных и национальных компаний. Государство целенаправленно поддерживало образовательную и научную деятельность элитных высших учебных заведений страны (например, Индийского института технологий), поощряет кооперацию университетов и компаний бизнес-сектора. В реформировании образования важную роль играют также и иностранные компании. В регионах с крупными государственными образовательными и исследовательскими центрами налажены хорошие отношения между ними и ТНК, касающиеся, прежде всего, вопросов подготовки кадров и научной деятельности. В начале 1990-х гг. иностранные компании принимали активное участие в обсуждении учебных планов университетов, проводили совместные НИОКР. Это способствовало повышению уровня образования в индийских вузах. Сегодня уровень подготовки специалистов на технических факультетах страны, их квалификация не уступает уровню таковых в индустриально развитых странах (Т. Кämpf 2008).

Укрепление национальной инновационной системы шло параллельно с ростом интерактивных процессов обучения в регионе, постоянным повышением уровня выполняемых компаниями задач. Так, в начале 2000 г. большинство компаний ИТ-сектора занималось созданием компьютерных программ. Позднее – созданием и обслуживанием программного обеспечения фирм-клиентов. Следующим этапом стало руководство ИТ-менеджментом компаний-заказчиков, управлением ИТ-системой производственной сети. Так же и промышленные предприятия города прошли фазы от фордистского производства и теста продукции

до организации собственных НИОКР и разработки новых продуктов. В регионе наблюдается настоящий инновационный бум, когда порядка 90% базирующихся в нем ИТ-компаний проводят собственные НИОКР¹³.

Стремительный рост в первом десятилетии XX в. демонстрировали прежде всего индийские компании региона. В «Infosys» численность занятых выросла в период 2001–2007 г. более чем в 7 раз (с 9,8 до 70 тыс. чел.), «Wipro» в 6,6 раз (с 9,9 до 66 тыс. чел.)¹⁴. Компания «Tata консалтанси сервис» (Tata Consultancy Service) за короткий период времени превратилась в одну из крупнейших мировых компаний по оказанию ИТ-услуг. С численностью занятых 84 тыс. чел. (в 2001 г. – 13 тыс. чел) она имеет филиалы в 42 странах мира. В филиалах компании в Латинской Америке в 2008 г. было занято порядка 5 тыс. чел.¹⁵ (в 2001 г. – 700 чел.).

Иностранные компании также характеризовались значительным ростом занятых и оборотом капитала в регионе Бангалор. В индийских филиалах крупных компаний – SAP, Bosch, Daimler, Cisco – число работников увеличилось в десятки раз. Из Бангалора начали исходить экономические, технологические и инновационные импульсы в другие регионы Индии. Значительный рост новых отраслей хозяйства наблюдается в Хайдерабаде, Чинае, Дели, Калькутте. Большинство ТНК проводит политику пространственной экспансии в Индии. Например, компания IBM рассчитывала довести расходы на НИОКР в Индии в 2008–2009 гг. до 6 млрд долл. и увеличить численность занятых до 14 тыс. чел. Американская компания Accenture имела планы довести численность занятых в Индии в 2009 г. до 50 тыс. чел.¹⁶

Заключение. Государственная научно-технологическая политика и инновационное развитие регионов.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что глобальные производственные сети являются одним из важных факторов инновационной трансформации регионов. Они являются тем каналом, по которому идет трансфер глобальных знаний и технических ноу-хау в региональные структуры. Благодаря этому часть регионов бывшей периферии смогла в короткое время превратиться в

¹³ Fromhold-Eisbith M. стр. 91.

¹⁴ Т. Кämpf 2008. стр. 53.

¹⁵ Glückler 2008. стр. 40.

новые инновационные регионы мира, со специализацией в секторе высококвалифицированных услуг, производства наукоемкой продукции, генерирования научных знаний. Инновационная деятельность приобретает глобальный характер, прекращая быть монополией индустриально развитых стран. Китай и Индия позиционируют себя как новые лидеры высокотехнологического сектора мирового хозяйства, штандорты науки и технологий. Ряд других стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, ЦВЕ интенсивно развиваются в том же направлении. Анализ технологического развития этих стран за последние 10–15 лет позволяет увидеть, что экзогенным процессам интеграции отдельных регионов этих стран в глобальную инновационную систему предшествовали эндогенные процессы становления и формирования региональных инновационных систем. Конвергенция эндогенных и экзогенных процессов привели к образованию в странах бывшей экономической периферии глобальных инновационных регионов, способных к генерированию т.н. неcodифицированных знаний в сети взаимосвязанных и взаимодействующих региональных акторов. Интеграция в региональную инновационную сеть становится для глобальных высокотехнологических компаний фактором повышения их конкурентоспособности. Поэтому их присутствие в регионе является стратегической необходимостью для компаний.

Одним из камней в фундаменте формирования инновационных национальных и региональных систем стала проводимая в этих странах государственная научно-технологическая политика. Несмотря на ее многоаспектность и национальные особенности, научно-технологическая политика стран с формирующимися инновационными регионами включала в себя четыре основных направления. Во-первых, были определены цели технологического и научного развития страны и выбраны те пути, которые считались наиболее перспективными. Это позволило сконцентрировать ресурсы в ключевых отраслях хозяйства. Сегодня стало ясно, что одинаковая ресурсная поддержка всех отраслей научно-технологического комплекса страны не под силу даже самым богатым государствам мира. Поэтому необходимо определение тех отраслей, которые будут являться приоритетными для будущего научно-технологического и эко-

номического развития страны. Эти отрасли должны получить приоритетное обеспечение финансовыми, трудовыми и информационными ресурсами. Регионам с малыми наличными ресурсами особенно необходима узкая специализация и профилирование инновационной деятельности.

Во-вторых, заметно возросла поддержка системы образования, науки, региональной инфраструктуры со стороны государства. В ряде стран Азии (Индия, КНР, Малайзия и др.) в последние годы наблюдается стремительный рост государственных расходов на науку и образование. Увеличиваются также и отчисления от ВВП. В Китае приняты правительственные программы по стимулированию возврата ученых из США и стран ЕС и, одновременно, поощряется преподавательский и студенческий обмен с другими странами мира. Наличие высококвалифицированных кадров становится одним из факторов интеграции региона в мировую производственную и инновационную систему. Для развития инновационной деятельности в регионе необходимо также строительство технологических парков, путей сообщения, телекоммуникационных сетей. Как показывает опыт Венгрии, строительство трех крупных технологических парков в Будапеште стало одной из важнейших предпосылок для формирования здесь ИТ-кластера мирового уровня. По концентрации международных ИТ-компаний регион вышел в 2008 г. на 6-е место в мире¹⁷.

В третьих, реализация политики по привлечению в регионы прямых иностранных инвестиций. Создание инновационных регионов без присутствия в них ТНК невозможно, особенно в развивающихся странах. Крупные международные концерны, имеющие развитую логистическую сеть, доступ на рынки промышленно развитых стран, передовые организационные знания и технологические ноу-хау способствуют региональному развитию и интеграции региона в систему мирового хозяйства. ТНК стимулируют также региональные процессы обучения, НИОКР, позитивно воздействуют на систему образования и науки. Одним из «рычагов» по привлечению ТНК в регион стал маркетинг национальных штандортов, который не только рекламировал факторные преимущества региона, но и указывал на будущие агломерационные и межотраслевые эффекты, низкие транзакции, его культурные и природные аспекты.

¹⁶ Pilny K. 2006. стр. 72.

В-четвертых, стимулирование технологического и научного трансфера между региональными акторами. Инновационное развитие региона возможно лишь на основе тесной кооперации и сотрудничества региональных акторов. Университеты, НИИ, соответствующие министерства, крупные и малые компании образуют инновационную систему региона. Трансфер знаний, инициируемый как частными компаниями по каналам производственной цепи (компаниям-подрядчикам, государственным НИИ и университетам), так и государством в обратном направлении, усиливает локальную инновационную сеть, создает инновационные преимущества территорий, что привлекает в регион других международных акторов. Путем организации встреч, налаживания контактов между представителями крупного и малого бизнеса, науки и власти, финансирования совместных проектов, конференций и т.д. государство усиливает процессы обмена идеями, знаниями, опытом, создает условия для роста социального капитала территорий. С другой стороны, такие повсеместно встречающиеся

в развивающихся странах социальные явления как трайбализм, политическая коррупция, бюрократия, наоборот, тормозят процессы кооперации и служат главным препятствием для экономического роста территорий.

Таким образом, образование новых инновационных регионов можно рассматривать как реализацию непосредственных целей государственной научно-технологической политики страны. Благодаря деятельности иностранных высокотехнологических компаний, страна (регион) получает доступ к новым знаниям и технологиям. Интенсификация процессов обучения, стимулируемых как ТНК, так и другими региональными акторами, повышает общий уровень производственно-технологической системы региона. Трансфер знаний и технологий в региональных сетях способствует росту конкурентоспособности национальных компаний и трансформации отдельных из них в глобальных игроков (ТНК). В идеальном случае регион становится глобальным штандортом инновационной деятельности, генерирующим новые знания и технологии.

Библиографический список

1. Altenburg T. Welche Chancen haben Entwicklungsländer im globalen Innovationswettbewerb? // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. – № 2. – 2003. – С. 66-81.
2. Asheim B.T. Industrial Districts as „Learning Regions“. Condition for Prosperity (European Planning Studies). – № 4. – С. 379-400.
3. Diercke Geographie. – Braunschweig 2007.
4. Fromhold-Eisbith M. Globale Krise – regionale Gewinner? // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. – № 2. – 2003. – С. 82-96.
5. Glosar zu Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme. – Frankfurt am Main 1997.
6. Glückler J. „Service-Offshoring“: globale Arbeitsteilung und regionale Entwicklungschancen // Geographische Rundschau № 9. – 2008. – С. 36-42.
7. Hirn W. Herausforderung China. Frankfurt am Main 2006.
8. Kämpf T. Die neue Unsicherheit: Folgen der Globalisierung für hochqualifizierte Arbeitnehmer. – Frankfurt am Main 2008.
9. Koschatzky K. Die „New Economic Geography“: Tatsächlich eine neue Wirtschaftsgeographie? // Geographische Zeitschrift. – № 1. – 2002. – С. 5-19.
10. Krätke S. Institutionale Ordnung und soziales Kapital der Wirtschaftsregionen // Geographische Zeitschrift. – 2001. – С. 24-40.
11. Liefner I. Ausländische Direktinvestitionen und internationaler Wissenstransfer nach China. – Berlin, 2006.
12. Pilny K. Tanz der Riesen. Indien und China prägen die Welt. – Frankfurt am Main, 2006.
13. Prange H. Wege zum Innovationsstaat. – Baden-Baden, 2006.
14. Reese N. Wir leben in einer anderen Zeitzone. Transnationale Arbeitsplätze und die globalisierte Zwischenklasse am Beispiel der Philippinen // Geographische Rundschau. – № 10. – 2009.
15. Schamp E. Globale Wertschöpfungsketten // Geographische Rundschau. – № 9. – 2008. – С. 36-42.
16. Stamm A. Hochschulen und technologische Innovationen in Entwicklungsländern: Erfahrungen aus Costa Rica // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. – № 2. – 2003. – С. 97-108.
17. Strambach S. Wissensökonomie, organisatorischer Wandel und wissensbasierte Regionalentwicklung // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. – № 1. – 2004. – С. 1-18.
18. Tübke A. The 2008 EU Survey on R and D Investment Business Trends. – Luxembourg, 2009.
19. Asia Times. От 10.05. 2006. Адрес доступа: www.atimes.com.

¹⁷ Glückler 2008. стр. 42.

Н.В. Каминская
(г. Москва)

РОЛЬ АФРИКИ В МИРОВОЙ ИНДУСТРИИ СЖИЖЕННОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА

Kaminskaya N.V. (Moscow)

THE ROLE OF AFRICA IN THE WORLD LIQUEFIED NATURAL GAS INDUSTRY

Аннотация. В статье исследуются экономико-географические аспекты индустрии сжиженного природного газа (СПГ) в рамках Африканского региона, который в перспективе рассматривается как один из основных мировых межконтинентальных экспортеров природного газа. Особое внимание уделено рассмотрению особенностей формирования и развития производственно-транспортных систем поставок СПГ и специализированных портово-промышленных комплексов.

Abstract. The paper deals with the economic-geographical aspects of the liquefied natural gas (LNG) industry within the African region, which is considered as one of the main world intercontinental gas exporters in the future. Special emphasis was put on the formation and development peculiarities concerned with LNG production-transport systems as well as specialized port and industrial complexes.

Ключевые слова: сжиженный природный газ, газовая промышленность, Африка, энергетика, природный газ.

Key words: liquefied natural gas, gas industry, Africa, energy, natural gas.

Возрастающий спрос на природный газ, а также усиливающееся «размежевание» географии добычи и потребления этого энергоносителя обостряют зависимость основных энергодефицитных стран и регионов от импорта, что требует развития международных, межрегиональных газотранспортных систем. В 2008 г. объем международной торговли природным газом составил 813,77 млрд куб. м [8], из которого более четверти пришлось на танкерные поставки сжиженного природного газа (СПГ). В последнее десятилетие темп роста международной торговли СПГ более чем в 1,5 раза опережает этот показатель для сетевого газа. Согласно оценкам большинства специалистов такая тенденция сохранится на достаточно длительную перспективу, что означает увеличение доли СПГ в совокупной торговле природным газом в мире с 27,8 % в 2008 г. до 38 % к 2020 г. [2].

По прогнозам Мирового энергетического агентства (МЭА) к 2030 г. в число трех крупнейших регионов экспорта газа [13], которые будут значительно превышать остальные по объемам вывоза газа, войдут Африка, Ближний Восток и регион стран с переходной экономикой (в первую очередь Россия). При этом темпы роста последнего будут значительно ниже тех, что в Африке и Ближнем Востоке. В перспективе, несмотря на то, что вышеназванные регионы станут комбинировать различные виды транспорта для экспорта газа, традиционная ориентация внешних

поставок из стран Африки и Ближнего Востока на производственно-транспортные системы СПГ (ПТС СПГ), а России – на трубопроводные системы сохранится.

Сказанное обуславливает актуальность разработки проблем быстро растущего рынка СПГ как межконтинентальной составляющей формирующегося глобального газового рынка, а также исследования региональных аспектов индустрии СПГ. Особенности развития газовой промышленности Африки, в том числе сектора производства и транспортировки СПГ, заслуживают тщательного анализа как в научном плане, так и в свете внешнеэкономических интересов России, для которой Африка выступает основным конкурентом на европейском рынке.

На настоящее время, обеспечивая более 27% мирового экспорта СПГ, в перспективе Африка рассматривается как один из наиболее значимых поставщиков мирового рынка природного газа, а особенно, в рамках межрегиональной и межконтинентальной торговли. Согласно МЭА, к 2030 г. объем межрегионального экспорта газа из Африки достигнет 227 млрд куб. м, что вдвое превышает показатель 2008 г.

Межрегиональный экспорт газа из Африки в 2008 г. составил 110,66 млрд куб. м, из которого 62,18 млрд куб. м (45,06 млн т) или около 56% – поставки СПГ [8]. Африка представляет собой единственный регион в

мире, из которого осуществляется межконтинентальный экспорт газа как по трубопроводам, так и в сжиженном виде на танкерах, примерно в равных пропорциях.

До второй мировой войны Африканский континент рассматривался как бесперспективный в отношении природного газа. Геологические работы на поиск углеводородов в Алжирской Сахаре французские компании начали в 1950-х гг., к середине 1950-х гг. наряду с небольшими газовыми месторождениями, было открыто уникальное газоконденсатное месторождение Хасси Р'Мель (Hassi R'Mel). С этого момента на десятилетия вперед Алжир обеспечил себе роль безоговорочного лидера на континенте по запасам природного газа. К середине 1970-х гг. четко определились три ведущие страны по доказанным запасам газа: Алжир, Нигерия и Ливия. Несмотря на заметное понижение удельного веса Алжира и отчасти Ливии в доказанных запасах газа Африки и соответственно повышение в них доли Нигерии, а также других государств Тропической Африки, ранжирование ведущих стран согласно ресурсным показателям по газу в течение еще более 20 лет оставалось прежним.

Но с середины 1990-х гг. в ряде стран возобновилась активность геолого-поисковых и разведочных работ. Результатом подобной активности, в первую очередь в Египте и некоторых странах Тропической Африки, стало изменение с начала XXI века географического распределения доказанных запасов газа: позициями «поменялись» Алжир и Нигерия, на третье место на континенте вышел Египет. Более того, за 2001–2008 гг. доли Нигерии и Египта в общем объеме континентальных запасов увеличились (табл. 1).

Как видно из табл. 1, абсолютный прирост геологического потенциала продолжает сосредотачиваться в тех двух регионах континента, где развитие нефтегазовой промышленности уже имеет наиболее длительную историю. Это Северная Африка и побережье Гвинейского залива, наряду с прилегающими зонами континентального шельфа¹. Но даже в пределах упомянутых регионов, территории подавляющего большинства государств Африки продолжают относиться к наименее изученным

с точки зрения газоносности. Соответственно минерально-ресурсные перспективы африканского нефтегазового комплекса остаются в какой-то степени неопределенными.

По данным «Седигаз» (Cedigaz) 2008 г. доказанные запасы Африки составляют 14,71 трлн куб. м или 8% от мировых. В целом регион обладает потенциалом для наращивания экспорта газа.

Необходимо отметить, что особенностью газовых запасов стран Африки является то, что их значительная часть ассоциирована с нефтью. В разведанных (доказанных) запасах африканской нефти преобладают относительно легкие, низкосернистые разновидности с довольно высоким содержанием попутного газа. На настоящее время по причине слаборазвитой системы сбора попутного газа значительные его объемы сжигаются в факелах, что помимо экономического ущерба обостряет экологическую ситуацию. Страны Африки, а особенно Нигерия, Алжир, Ливия и Ангола, традиционно занимают лидирующие позиции в мире по объемам сжигания попутного газа. В 2007 г. перечисленные государства сожгли 29,2 млрд куб. м газа, что составляет примерно 20 % товарной добычи на континенте; это в 5 раз превышает аналогичный показатель по миру [13]. Однако в последние годы, по сравнению с показателями предыдущих десятилетий, удалось обеспечить более эффективное применение попутного газа на нефтепромыслах, местных рынках, а также в рамках газоспортных проектов.

Внутриафриканская торговля, которая развивается очень медленно из-за низкого уровня развития, не в состоянии востребовать весь объем добываемого газа. Следовательно, перспективы газодобычи в Африке, получение крупных доходов от развития газового сектора почти целиком зависят от возможностей межконтинентального экспорта газа.

Согласно географическому положению и историческому развитию индустрии СПГ, в рамках Африканского континента целесообразно выделить два субрегиона индустрии СПГ: Северная и Тропическая² Африка.

Северная Африка, пионер в сфере коммерческого производства СПГ, стабильно удерживает позиции ведущего экспортера

¹ Правда с долей условности, поскольку территория и шельф Анголы – с ее богатями углеводородными ресурсами провинции – «анклава» Кабинда, а также основной части страны находятся южнее упомянутого залива) [3, с. 21].

² В основу регионального деления положено трехчленное подразделение Африки на Северную, Тропическую и Южную. В рамках данного исследования в составе Тропической Африки рассматриваются страны Западной и Центральной Африки, выделяемые Экономической комиссией ООН.

Таблица 1

Динамика развития доказанных запасов природного газа стран Африки, 1976–2008 гг.

	1976 г. ¹		1990 г. ²		2001 г. ³		2008 г. ²	
	трлн куб. м	%						
Африка	5,86	100,00	9,77	100,00	13,13	100,00	14,71	100,00
Алжир	3,57	60,92	3,62	37,05	4,52	34,4	4,50	30,61
Ливия	0,74	12,63	1,31	13,41	1,31	10,0	1,52	10,34
Египет	0,11	1,88	0,40	4,09	1,56	11,8	2,17	14,76
Нигерия	1,25	21,33	3,40	34,80	4,63	35,3	5,30	35,05
Экв. Гвинея	-	-	0,04	0,41	-	-	0,12	0,82
Ангола	0,04	0,73	0,05	0,51	-	-	0,27	1,84
Камерун	-	-	0,11	1,13	-	-	0,24	1,63

Составлено и рассчитано по: 1 [3]; 2 [6], данные Cedigaz; 3 [8].

на протяжении всей истории развития международной торговли СПГ. Строительство первых двух заводов СПГ в Алжире (1964 г.) и Ливии (1970 г.), которое необходимо рассматривать в комплексе с формированием ПТС СПГ между странами Северной Африки и Европы в период сер. 1960-сер. 1970-х гг., было обусловлено следующими факторами:

- открытие крупных запасов газа в Алжире и Ливии, в том числе в 1956 г. – второго по величине в мире после месторождения Гронинген (Groningen) в те времена и крупнейшего в Африке по настоящее время месторождения Хасси Р’Мель (доказанные запасы составляют 2,4 трлн куб. м [12]), которое до сих пор служит основной сырьевой базой действующих газотранспортных проектов Алжира;
- небольшой объем внутреннего потребления природного газа в странах Северной Африки, а главное – почти полное отсутствие внутриконтинентального спроса на этот энергоноситель, что исключает возможность экспортировать значительные объемы газа в соседние государства по наземным трубопроводам;
- географическая близость Европы, где абсолютные объемы потребления и темпы роста спроса на газ значительно превышали тех, что в Африке. В 1965 г. страны Западной Европы потребляли 20,5 млрд куб. м газа, а в 1970 г. – уже 70 млрд куб. м. В странах Африки газопотребление за тот же период увеличилось с 1 до 1,7 млрд куб. м,

из которых порядка 80 % приходилось на Алжир [8];

- неосвоенность технологии строительства подводных газопроводов. Первый газопровод по дну Средиземного моря, доставляющий газ из Алжира через территорию Туниса в Италию, был проложен только в 1983 г.

Дальнейший рост экспорта СПГ в рамках данного субрегиона был обусловлен углублением некоторых перечисленных факторов (развитие ресурсной базы стран Северной Африки, рост спроса на газ в Европе), а также последствиями мировых энергетических кризисов 1970–1980-х гг., в результате которых потребители стали диверсифицировать поставки энергоресурсов.

Наращивание экспорта СПГ в рамках данного субрегиона в целом происходило достаточно равномерно, несмотря на то, что рост, спад или стагнация показателей индустрии СПГ в странах по отдельности шли совершенно разными темпами и не совпадали по временным периодам.

В Алжире с 1970-х до 2000-х гг., несмотря на отдельные краткосрочные периоды спада и стагнации производства, в целом прослеживается тренд интенсивного роста экспорта СПГ. Первоначально Алжир акцентировал свою энергоэкспортную стратегию на преимущественном развитии именно поставок СПГ, стремился стимулировать географическую диверсификацию при выборе покупателей. Однако помимо чрезвычайной дороговизны этой стратегии, она оказалась также уязвимой от конкуренции со стороны поставщиков природного газа по трубопроводам. С 1990-х гг. национальная нефтегазовая компания Сонатрак

(Sonatrach) скорректировала государственную экспортную стратегию в пользу более стабильных и экономичных поставок природного газа по трубопроводам в рамках долгосрочных контрактов. Как результат, сначала наблюдалась стагнация, а после 2003 г. – заметный спад экспорта СПГ. С 2000-х гг. Алжир экспортирует преобладающую часть газа через газопроводную транспортную систему. На настоящее время развитие поставок СПГ из Алжира рассматривается как элемент диверсификации экспорта газа. В Египте, напротив, развитие индустрии СПГ началось в середине 2000-х гг. с бурного роста, что обусловлено открытием значительных запасов газа в стране. В Ливии наблюдается падение экспорта, вызванное серьезным общеэкономическим спадом. К настоящему времени страны Северной Африки обеспечивают около 16 % международного экспорта СПГ, что составляет 36,46 млрд куб.м (см. табл. 2).

В Алжире в период 1960–1980-х гг. было создано два центра по производству и экспорту СПГ, где суммарно расположено четыре установки сжижения. Арзев-Бетиуа является не только крупнейшим центром сжижения природного газа в Северной Африке, но и представляет собой крупный портово-промышленный комплекс (ППК), специализирующийся на вывозе углеводородов. В Арзеве размещен крупный нефтеэкспортный терминал, обеспечивающий более 40 % вывоза нефти и сжиженного нефтяного газа (СНГ) в стране, а также нефтеперерабатывающий завод (НПЗ), более половины продукции которого идет на экспорт. Там же до сих пор функционирует построенный первым в мире (в 1964 г.) завод СПГ – Камель (GL4Z), где производится около 2 млн куб м СПГ и небольшое количество бутана. В Бетиуа размещены заводы СПГ GL1Z и GL2Z общей мощностью более 16 млн т/год. В рамках одного из комплексов сжижения в Бетиуа (GL2Z LNG) с 1994 г. функционирует мирового значения установка «Гелиос» по производству гелия. К 2014 г. в Арзеве, в рамках ППК планируется запуск газохимического предприятия по производству этилена. В г. Арзев, в непосредственной близости от НПЗ, запланировано строительство еще одного завода СПГ GL3Z (проект «Гасси Туиль» (Gassi Touil)).

Скикда, где расположен завод СПГ GL1K, также является крупным ППК, специализирующимся на вывозе углеводородов. В

Скикде расположен крупнейший НПЗ Африки, нефтяной терминал, газоперерабатывающий завод. В рамках комплекса сжижения GL1K также функционирует завод по производству гелия. ППК в Скикде был сформирован еще в 1970-х гг., когда были построен нефтяной терминал, а также первые три производственные линии завода СПГ.

Экспорт газа из Ливии начался в 1971 г. с запуска завода СПГ в г. Марса Эль Брега (Marsa el Brega), который на тот момент был крупнейшим в мире по показателю производственной мощности. С этого года начали функционировать две крупные по тем временам ПТС СПГ: «Марса Эль Брега–Барселона (Испания)», «Марса Эль Брега–Специя (Италия)».

В середине 1980-х гг. на Ливию были наложены односторонние санкции со стороны США, что повлекло за собой значительный общеэкономический спад в стране, который затронул и нефтегазовую сферу. В результате в Ливии, которая обладает схожим с Алжиром ресурсным потенциалом и преимуществами ЭГП для наращивания производства СПГ, с 1980-х гг. наблюдается значительный спад экспорта сжиженного газа. В последние десятилетия завод СПГ в Марса Эль Брега работает примерно на 15–20% своей мощности, оборудование сильно устарело. В результате на настоящий момент ливийский СПГ является товарным продуктом только для приемного терминала в Барселоне, где технически возможен прием высококалорийного сжиженного газа. Импорт в Италию был прекращен в 1984 г. Терминал Специя, изначально построенный под конкретную трассу ПТС СПГ «Марса Эль Брега–Специя», впоследствии был модернизирован под прием низкокалорийного газа из других источников.

С 2000-х гг. ввиду смягчения политической обстановки в Ливии и последующим снятием санкций наиболее активная деятельность иностранных компаний была направлена на реализацию проектов в нефтегазовой сфере. Следует отметить, что в период санкций наиболее сильный регресс произошел в газовой отрасли, в связи с чем сейчас данный сектор считается наиболее привлекательным для инвестиционных вложений со стороны западных компаний. Заинтересованность в развитии производства и экспорта СПГ в Ливии проявил ряд западных корпораций, в числе которых «Бритиш Петролеум», «Бритиш Газ», испанская компания «Репсоль» и итальянская «ЭНИ».

Таблица 2
Показатели производственной мощности и экспорта СПГ по странам Африки, 2008 г.

Страна	Завод СПГ	Местоположение	Год запуска производства	Кол-во производственных линий	Производственная мощность, млн т/год	Общая производственная мощность, млн т/год	Экспорт СПГ, млн т
Нигерия	«Найджерия СПГ» (Nigeria LNG)	о. Бонни	1999	6	21,95	21,95	14,89
Алжир	GL4Z (Камель)	Арзев	1964	3	0,90	21,95	15,85
	GL1Z	Бетиуа	1977	6	7,95		
	GL2Z		1981	6	8,40		
	GL1K	Скикда	1978	3*	4,70*		
Египет	Дамиетта СПГ (Damietta LNG)	Дамиетта	2005	1	5,00	12,2	10,19
	«Иджиптан СПГ» (Egyptian LNG)	Идку	2005	2	7,20		
Экваториальная Гвинея	«ЭГ СПГ» (EG LNG)	Пунта Европа, о. Бьюко	2007	1	3,70	3,7	3,75
Ливия	Марса-Эль-Брега	Марса-Эль-Брега	1970	3	2,30	2,3	0,38
Итого	9	-	-	31	62,1	62,1	45,06

* В 2004 г. на заводе произошел мощный взрыв, после которого 3 линии из 6 были полностью разрушены. Было принято решение по восстановлению производства на заводе к 2013 г. путем замены трех нефункционирующих линий на одну современную большей мощности – 4 млн т/год. Составлено по данным: Petroleum Economist.

Египет начал экспортировать газ в 2003 г., когда был запущен «Арабский газопровод», по которому египетский газ поступает в Иорданию и Израиль. В 2005 г. были введены в эксплуатацию два завода СПГ (Идку и Дамиетта). По итогам 2008 г. соотношение экспортных поставок из Египта посредством трубопровода (2,86 млрд куб. м) и танкеров (14,06 млрд куб. м) составляет примерно 1/5 к 4/5 соответственно [8]. Несмотря на опасения экспертов по поводу достаточной обеспеченности Египта запасами газа, обсуждаются планы расширения обоих комплексов сжижения.

Некоторые эксперты [4] отмечают, что в последнее время в развитии проектов по экспорту газа из Северной Африки на заметные позиции на всех этапах газовой цепочки выходят электрические компании. Учитывая тот факт, что большая часть североафриканского газа будет использоваться для выработки электроэнергии в странах Южной Европы, электрические компании данных государств стремятся контролировать процесс «от скважины до лампочки», постепенно тесня крупнейшие нефтегазовые ТНК в их традиционной сфере: геологоразведке, разработке месторождений и транспортиров-

ке. Так, инициатором одного из египетских проектов СПГ является испанская электрическая компания «Юнион Феноса» (Union Fenosa), в связи с чем экспорт газа с завода в Дамиетте изначально был предназначен для её электрогенерирующих предприятий.

Субрегион Тропической Африки начал экспортировать СПГ в 1999 г., однако уже сегодня является одним из мировых лидеров по объему экспорта (25,72 млрд куб. м, или около 11% объема международной торговли СПГ), а также по приросту производственных мощностей на своих заводах СПГ. Более 85% производственных мощностей СПГ приходится на Нигерию, остальное – на Экваториальную Гвинею [8]. К 2012 г. планируется запуск комплекса сжижения (мощность 5,2 млн т/год) в Анголе.

Имеются несколько причин столь внушительных успехов в развитии индустрии СПГ данного субрегиона. Во-первых, страны располагают крупными месторождениями природного газа. Доказанные запасы составляют более 6 трлн. куб. м (более 3% мировых). Во-вторых, транспортно-географическое положение субрегиона является оптимальным для снабжения сжиженным газом потребителей, расположен-

ных в Европе, Северной и Южной Америке. Таким образом, страны Тропической Африки «не привязаны» к узкому кругу потребителей, а имеют возможность диверсификации основного объема поставок в пределах бассейна Атлантического океана. Развитие трубопроводных поставок возможно в соседние страны, что не является перспективным. В-третьих, в этих странах были созданы благоприятные условия для западных компаний в целях эффективной реализации крупных проектов СПГ с использованием современных технологий строительства и организационных схем поставок.

Одной из главных причин организации производства СПГ в Нигерии была необходимость минимизировать убытки от сжигания попутного газа, размещение установок СПГ изначально приурочено к нефтедобывающим промыслам в дельте р. Нигер. Промышленная площадка завода СПГ находится на острове Бонни (Bonny), где с 1960-х гг. функционирует нефтеэкспортный порт, который на настоящее время относится к числу крупнейших в мире. Учитывая территориальное единство сырьевой базы, ППК подобные «Бонни» характеризуются высокой степенью отраслевой и организационной интеграции.

Завод «Бонни» (проект «Найджерия СПГ»/Nigeria LNG/) является крупнейшим предприятием подобного рода в Африке. Планы по расширению завода «Бонни» связаны со строительством седьмой линии мощностью 8 млн т/год. Прорабатывается проект восьмой линии мощностью до 8,5 млн т СПГ в год. Реализация данных проектов увеличит суммарную мощность завода до 38 млн т СПГ в год.

Весьма амбициозными являются проекты Брасс СПГ (Brass LNG) и Олокола СПГ (Olokola LNG). Изначально запуск проектов «Брасс СПГ» и «Олокола СПГ» был намечен на 2010–2012 гг., но теперь говорится о других сроках – не ранее 2014 г. Аналитики отмечают, что задержки в запуске данных проектов неизбежны, а некоторые высказывают сомнения по поводу того, будут ли некоторые из них вообще реализованы.

Для Нигерии, в силу достаточного количества запасов, характерна организация очень крупных проектов, использование эффекта от масштаба для снижения удельных производственных затрат. По показателю суммарной мощности существующие шесть линий завода «Бонни» уступают лишь круп-

нейшим в мире комплексам сжижения в Катаре и Индонезии. Проекты «Брасс СПГ» и особенно «Олокола СПГ» входят в число наиболее масштабных в мире. Очевидно, что в условиях глобального экономического кризиса реализация подобных проектов, требующих огромных капиталовложений, откладывается в первую очередь.

Несмотря на наличие вышеперечисленных факторов, способствовавших зарождению производства СПГ на африканском континенте, существует ряд препятствий, сдерживающих формирование новых ПТС СПГ в странах Северной и Тропической Африки:

- Как правило, в развивающихся странах-производителях с изначально низким уровнем внутреннего газопотребления увеличение добычи этого энергоносителя с целью его экспорта стимулирует и рост внутреннего спроса в стране. В результате возникает дилемма – развивать в первую очередь внутренний рынок или реализовывать экспортную стратегию. Если государство еще и нефтедобывающее, то выгоднее направлять газ в максимальных объемах на местные рынки, удовлетворяя собственные потребности в энергии и тем самым высвобождая дополнительные количества нефти для экспорта. Особенно это касается стран Африки с их легкими и низкосернистыми сортами нефти, характеризующимися повышенным спросом на мировом рынке. За последние десять лет потребление газа в Африке почти удвоилось и составило в 2008 г. 94,9 млрд куб.м или 3,14% от мирового потребления данного энергоносителя (в 1998 г. – 2,18%) [8]. Основной прирост произошел в тех странах-экспортерах, которые относительно недавно стали участниками международной торговли газом, в первую очередь в Египте и Нигерии.
- Репутация конфликтоопасного региона сдерживает инвестиционную активность зарубежных компаний, ставит под угрозу вопрос о реализации запланированных, особенно дорогостоящих проектов в сфере экспорта СПГ.

Выводы. 1. Исходя из представленных в исследовании данных можно предположить, что к 2015–2020 гг. производственные мощности стран Африки увеличатся примерно

на 80-85 млн т. Основной прирост (порядка 75%) придется на страны Тропической Африки, в первую очередь, на Нигерию. Отметим, что данные оценки являются достаточно сдержанными, поскольку некоторые авторы [1] заявляют о приросте мощностей СПГ в 90,1 млн т/г к 2020 г. в одной только Нигерии. Кроме того, согласно информации представленной Petroleum Economist [10], в случае подтверждения достаточного уровня запасов газа, в перспективе возможна организация экспортного производства СПГ в таких странах как Мавритания, Намибия, Камерун. Однако учитывая влияние глобального экономического кризиса, а также целый комплекс обстоятельств, препятствующих дальнейшему развитию индустрии СПГ в странах Африки, среди которых рост внутреннего потребления газа, сжигание больших объемов попутного газа, нестабильная обстановка в некоторых государствах, вероятно, что некоторые проекты будут реализованы не в срок или отменены. Принимая во внимание даже сдержанный вариант прогноза увеличения производственных мощностей, перспективы экспорта СПГ из стран Африки с точки зрения формирования глобального рынка газа, имеют стратегическое значение, главным образом, в связи с тем, что ре-

гион потенциально способен стать крупнейшим поставщиком газа в рамках бассейна Атлантического океана.

2. В географию мировой газовой индустрии «африканский фактор» вносит новые специализированные центры: ППК по вывозу углеводородов, ядром развития которых становятся производство и экспорт СПГ.

3. Несмотря на развитие спотовой торговли, система устойчивых ПТС в индустрии СПГ представляет «костяк» территориальной организации. Согласно ЭГП региона и современным технико-экономическим параметрам отрасли, развитие ПТС СПГ, берущих начало в странах Африки, возможно преимущественно в пределах акватории Атлантического океана. Традиционным вектором для развития ПТС СПГ исследуемого региона является «Северная Африка–Европа», с формирования которого в середине 1960-х гг. началось развитие мировой индустрии СПГ. Новые экспортеры, представленные субрегионом Тропической Африки, в большей степени ориентированы на американский рынок, что, в случае развития ПТС СПГ в этом направлении, позволит Африке ослабить свою зависимость от европейского рынка в условиях растущей конкуренции, прежде всего со стороны России и Норвегии.

Библиографический список

1. Вовк В.С., Новиков А.И., Глаголев А.И., Орлов Ю.Н., Бычков В.К., Удалов Д.А. Мировая индустрия и рынки сжиженного природного газа: прогнозное моделирование. – М.: ООО «Газпром экспо», 2009. – 321 с.
2. Каминская Н.В. Современные тенденции в развитии территориальной структуры международной торговли сжиженным природным газом // Вестник МГУ. Серия «География». – 2010. – № 2.
3. Кукушкин В.Ю. Нефтегазовая промышленность Африки // Страны Африки 2002. – М.: Институт Африки РАН, 2002. – С. 21–33.
4. Кукушкин В.Ю. Африканский газ – это серьезно // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 6. – С. 14–20.
5. Лидеры мировых нефтегазовых рынков: Алжир // Мировой рынок нефти и газа. – 2007. – июнь. – С. 4–18.
6. Экономико-статистический обзор «Газовая промышленность мира – 2007». – М.: ИРЦ Газпром, 2008. – 240 с.
7. 5 Secrets of NLNG 's success // NLNG – The Magazine. 2010. – № 1. – р. 4–9.
8. British Petroleum Statistical Review of World Energy 2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bp.com/multipleimagesection.do?categoryId=9023754&contentId=7044554>. Дата обращения: 22.07.2010
9. Cairo delays new train verdict // Argus global LNG. – 2008. – № 9.
10. Quinlan M. Plenty more from Africa // Petroleum Economist, November 2008.
11. Quinlan M. More LNG from Equatorial Guinea, but production start-up uncertain February 2010 // Petroleum Economist. – February. – 2010.
12. Walsh C. Algeria's LNG industry at a crossroads // Petroleum Economist. – February. – 2010.
13. World Energy Outlook 2009. International Energy Agency. – 698 p.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

75 ЛЕТ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ГОРКИНУ

1 мая 2011 г. исполняется 75 лет со дня рождения доктора географических наук, профессора кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ **Александра Павловича Горкина.**

После окончания в 1954 г. с серебряной медалью московской школы и став в том же году победителем первой географической олимпиады школьников, проводимой в МГУ, он поступил на кафедру экономической географии капиталистических и развивающихся стран. По словам Александра Павловича, интерес к географической науке проявился у него с 8-ми лет, когда он «пристрастился к картам (географическим!), мог «изучать» их часами. Твердо решил стать географом, причем заниматься именно географией промышленности».

Активная студенческая жизнь, участие в постановках студенческого театра МГУ, в одной из которых ему довелось сыграть вместе с великим Николаем Черкасовым, не помешали студенту Горкину получать на 3–4-м курсах именную стипендию им. Н.Н. Миклухо-Маклая, на 5 курсе – Сталинскую стипендию. На научные взгляды будуще-

го ученого самое большое влияние оказали профессор Московского университета – И.М. Маергойз и Ю.Г. Саушкин, а также его главный Учитель – В.М. Гохман., с которым впоследствии он проработал многие годы.

В 1959 г. А.П. Горкин с отличием заканчивает географический факультет. По распределению он поступил на работу в Научно-исследовательский институт технико-экономических исследований химической промышленности, где продолжил разрабатывать начатую в студенческие годы тему географии промышленности, занимаясь, в частности, химической промышленностью зарубежных стран, в том числе, США.

Спустя три года А.П. Горкин перешел на работу в Институт географии АН СССР на должность младшего научного сотрудника, где продолжил свои исследования в отделе географии мирового хозяйства и в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «География нефтехимической промышленности США» под руководством В.М. Гохмана. В период работы в Институте географии помимо изучения химической промышленности, Александр Павлович занимался рас-

смотрением проблем военной географии в целом и вопросов экономической картографии. Он впервые в мировой экономической и экономико-географической литературе (1978 г.) установил, что между ростом промышленного производства и процессом выравнивания размещения промышленности по регионам в странах с развитой экономикой существует четко выраженная обратная взаимосвязь.

В 1970 г. ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «экономическая и политическая география зарубежных стран».

Активная научная и организационная деятельность Александра Павловича в Институте географии стала основанием назначения его заместителем генерального секретаря оргкомитета XXIII Международного географического конгресса, который состоялся в Москве в 1976 г. После конгресса на протяжении четырех лет он являлся член-корреспондентом Комиссии промышленных систем Международного географического союза.

А.П. Горкин принимал участие в работе всех съездов Географического общества СССР и Русского географического общества с 1964 г. по 2000 г., Международного географического конгресса в Токио. В 1980–2000 гг. был членом Ученого совета ГО СССР и РГО.

В 1979 г. А.П. Горкин переходит на работу в редакцию географии Научного издательства «Советская энциклопедия», с которой были связаны более 20 лет дальнейшей его деятельности. Позднее он стал заместителем, с 1993 г. – главным редактором, а с декабря 1994 г. по июнь 2001 г. директором и главным редактором издательства (с 1991 г. – Большая Российская энциклопедия).

Он руководил подготовкой и принимал личное участие в разработке десятков широко известных в стране фундаментальных научных энциклопедий, в том числе географической направленности. Он член редколлегий «Географического энциклопедического словаря», энциклопедических изданий «Латинская Америка», «Африка», «Демографический энциклопедический словарь», «Социальная энциклопедия», «Популярная экономическая энциклопедия», «Города России», «Большой энциклопедический словарь», «Российский энциклопедический словарь» (заместитель главного редактора), «Большой энцикло-

педический словарь школьника» (составитель), «Отечество. История, люди, регионы России» (составитель) и др. Являлся главным редактором энциклопедий «География России». Александр Павлович был одним из инициаторов подготовки к изданию «Большой Российской Энциклопедии», которая уже после его перехода в университет успешно издается.

Во время работы в энциклопедии А.П. Горкин продолжал заниматься активной научной деятельностью, по-прежнему разрабатывая теорию размещения промышленности зарубежных стран. В 1988 г. в Институте географии он защитил в форме научного доклада докторскую диссертацию на тему «Экономико-географические процессы, структуры, закономерности развития промышленности капиталистических стран в эпоху НТР (на примере обрабатывающей промышленности США)». Им была выдвинута концепция пространственной составляющей «длинных волн» Н. Кондратьева при характеристике территориальной структуры хозяйства отдельной страны (на примере американской промышленности).

Благодаря активной и многогранной работе Александра Павловича на энциклопедическом поприще, он удостоен множества разнообразных государственных и общественных наград и почетных званий.

В 1996 г. ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ» (за вклад в развитие научного книгоиздания в России), а в 2000 г. он был награжден орденом Знак почета. В 1996 г. он был удостоен знака «Почетный железнодорожник РФ» за подготовку и выпуск в сложных экономических условиях энциклопедии «Железнодорожный транспорт». В 2001 г. награжден украинским орденом «За трудовые достижения» III степени. Член трех общественных академий, в т.ч. Международной академии творчества. С 2001 г. А.П. Горкин – почетный президент Академии российских энциклопедий.

В 2001 г., спустя почти 42 года, А.П. Горкин вернулся на родную кафедру географического факультета МГУ в должности профессора. Здесь он читает части курсов лекций «География населения с основами демографии», «Социально-экономическая география США» и др., спецкурс «Проблемы территориальной организации промышленности развитых странах», много сил и

внимания уделяет он работе со студентами, магистрантами и аспирантами кафедры, предлагая новые актуальные направления исследований.

Воспитанием и подготовкой молодых ученых Александр Павлович начал активно заниматься еще в годы работы в энциклопедии. В этот период под его руководством (при участии других ученых) защитилось 4 аспиранта. Первый из них (1982 г., руководство совместно с Я.Г. Машбицем) – С.С. Артоболевский, ныне доктор географических наук, заведующий отделом социально-экономической географии Института географии РАН.

В 2000-е годы под руководством А.П. Горкина в МГУ и Институте географии РАН еще 7 аспирантов стали кандидатами географических наук.

В настоящее время Александр Павлович является членом диссертационных советов при Институте географии РАН и при МГУ им.

М.В. Ломоносова, членом редколлегии журнала «Известия РАН. Серия географическая», а также комиссии по присуждению премий им. А.А. Григорьева при Президиуме РАН.

Талант ученого, глубокого исследователя сочетается в Александре Павловиче Горкине со множеством других замечательных качеств. Прежде всего, – это доброжелательность общечеловеческая и научная щедрость. Десятки курсовиков, дипломников, аспирантов одарены идеями, методическими рекомендациями, материалами из огромной базы данных своего руководителя. Другим и коллегам Александра Павловича хорошо известно, что такое «роскошь человеческого общения». Энциклопедически образованный и остроумный собеседник, блестящий рассказчик, музыкально одаренный драматический актер, гурман и кулинар он в любой аудитории, в любой компании естественно становится центром притяжения.

**В день юбилея хочется пожелать
Александр Павловичу
крепкого здоровья и неизменно
центрального положения
в гравитационном поле
нашего сообщества!**

60-ЛЕТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЛЕОНИДОВИЧА БАБУРИНА

31 мая 2011 г. исполняется 60 лет **Вячеславу Леонидовичу Бабурину**, доктору географических наук, профессору кафедры экономической и социальной географии России. Вся его жизнь, творческая и научно-педагогическая деятельность неразрывно связаны с кафедрой экономической и социальной географии России (быв. СССР) географического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Работая на кафедре более 35 лет, он прошел все ступени карьерной лестницы от старшего лаборанта до профессора.

Окончив географический факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в 1976 г., Вячеслав Леонидович остался работать на кафедре. Изначально в течение многих лет участвовал в работе Экспедиции по территориальной организации промышленности, посетив десятки регионов, городов и предприятий бывшего СССР.

В 1984 г. В.Л. Бабурин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Территориальная организация и управление промышленностью в условиях научно-технического прогресса (на примере Московского региона)» под руководством проф. А.Т. Хрущева.

Круг его научных интересов многообразен: инновационные механизмы территори-

альной организации общества, циклические закономерности эволюции геопространства, проблемы развития Московского столичного региона, география инвестиционного комплекса, стратегическое планирование регионального развития, экономическое районирование и т.д.

В 2002 г. В.Л. Бабурин защитил докторскую диссертацию «География развития инновационных процессов в пределах российского пространства». Им выявлены механизмы самоорганизации диссипативных структур в территориальных природно-хозяйственных системах, важнейшим из которых является взаимодействие инновационного и факторного пространств. Вячеслав Леонидович разработал методологические и методические подходы к изучению инновационных сегментов территориальных социально-экономических систем и установил значительные корреляционные связи между инновационными секторами разных сфер экономики. На основе исследования новейших подходов в георбанистике США и Европы им разработано понятие «креативных индустрий» применительно к российской специфике и предложены инновационно-прорывные и модернизационные варианты развития территориальных постиндустриальных комплексов.

В.Л. Бабуриным опубликовано около 200 работ, в том числе 17 учебников и учебных пособий. В.Л.Бабурин – один из ведущих преподавателей кафедры, автор инновационных учебных курсов по географии управления, экономико-географической экспертизе, стратегическому планированию и др. За годы работы на кафедре он подготовил несколько десятков высококвалифицированных специалистов, работающих в разных сферах экономики и органах власти.

Им разработаны программы дисциплин для инновационных магистерских программ – «Основы территориального управления и стратегического планирования», «Береговые зоны: проблемы развития и управления», «Инвестиционные процессы в российской экономике».

На протяжении последних 35 лет В.Л. Бабурин – бессменный руководитель учебных практик студентов 2 курса кафедры, обучая их практическим навыкам и жизни в обществе. Особое внимание он уделяет разработке научного и учебно-методического обеспечения учебных практик. Он является насто-

ящим экономико-географом-«полевиком». Как истинный географ он любит путешествовать и практически не осталось регионов в России и странах Ближнего Зарубежья, где бы он не побывал. Вячеслав Леонидович – знаток русской поэзии, любитель русской природы и патриот Отечества.

В.Л. Бабурин активно участвует в деятельности государственных аттестационных комиссий университетов регионов России. В разные годы он являлся председателем ГАКа в Башкирском, Орловском и Поморском государственных университетах, Смоленском гуманитарном университете. Вячеслав Леонидович - действительный член Русского географического общества, член Общественного совета при Министерстве регионального развития, лауреат премии Ученого совета географического факультета МГУ (2004, 2008).

В.Л. Бабурин известен на факультете и кафедре своей общественной деятельностью, имеет активную жизненную позицию, всегда готов помочь своим коллегам и ученикам, пользуется заслуженным авторитетом среди сотрудников, аспирантов и студентов.

*Коллектив кафедры экономической
и социальной географии России*

**Коллеги и ученики сердечно поздравляют
дорогого Вячеслава Леонидовича с юбилеем
и искренне желают талантливому
ученому и педагогу, надежному другу
здоровья, долгих лет жизни,
новых творческих свершений и большого
человеческого счастья!**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипова Екатерина Анатольевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии зарубежных стран географического факультета Белорусского государственного университета. E-mail: antipova@tut.by

Ачкасова Татьяна Анатольевна – младший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Бабурин Владимир Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России, географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Битюкова Виктория Расуловна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России, географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: bituykova@yandex.ru

Войнов Данила Алексеевич – кандидат географических наук, ведущий инженер лаборатории регионального анализа и политической географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vdanila@mail.ru

Горкин Александр Павлович – доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Дорофеев Александр Александрович – кандидат географических наук, доцент Тверского государственного университета, научный сотрудник, руководитель научно-образовательного центра туристско-рекреационных исследований ТВГУ.

E-mail: adgeograf@mail.ru

Замятина Надежда Юрьевна – кандидат географических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова

Казьмин Михаил Анатольевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: makazik@mail.ru

Каминская Наталья Викторовна – аспирант кафедры географии мирового хозяйства

E-mail: konysheva@list.ru

Кириллов Павел Ленардович – научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России, географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: linard@mail.ru

Ковалев Юрий Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского гос. университета. E-mail: ykowaljow@pochta.ru

Короленко Анна Рустэмовна – аспирант СОПС

E-mail: aar12@rambler.ru

Коршакова Инна Викторовна – аспирант Смоленского государственного университета

E-mail: upravl@yandex.ru

Кузьминов Илья Филиппович – аспирант Института географии РАН

E-mail: ilya.kuzminov@gmail.com

Куликов Георгий Константинович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: gkk-1@yandex.ru

Куратова Любовь Александровна – аспирант Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН

E-mail: lyubov_kuratova@list.ru

Лысенкова Зоя Валерьяновна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета

Сафиуллин Марат Радикович – аспирант кафедры экономической географии географического факультета Башкирского государственного университета

E-mail: SafullinRG@yandex.ru

Скорнякова Екатерина Александровна – студентка 5 курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: kateskor_eco@inbox.ru

Фокеева Людмила Владимировна – кандидат географических наук, ассистент кафедры экономической географии зарубежных стран географического факультета Белорусского государственного университета

Яковлева Светлана Ивановна – доктор экономических наук, доцент Тверского государственного университета, профессор кафедры социально-экономической географии и территориального планирования ТВГУ. E-mail: Sv_Yakowleva@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 2 раза в полугодие, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция